

ISSN 2076 – 0590

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Выходит 2 раза в год

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ NEW IDEAS IN PHILOSOPHY

2022
Выпуск 10 (31)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ПГНИУ)

Founder: Perm State University

Редакционная коллегия

Гл. редактор – Вячеслав Владимирович Корякин (к. филос. н., доц. каф. философии ПГНИУ), Олег Александрович Барг (д. филос. н., доц., Пермь), Елена Михайловна Березина (к. филос. н., доц. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Наталья Ириковна Береснева (д. филос. н., проф. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Александр Юрьевич Внутских (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Комаров (д. филос. н., проф. каф. философии, декан философско-социологического фак-та ПГНИУ), Рудольф Львович Лившиц (д. филос. н., проф., Гатчина), Лева Асканазович Мусаелян (д. филос. н., зав. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Поросенков (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ)

Editorial board

Editor-in-Chief – Vyacheslav V. Koryakin (Candidate of Philosophy, Associate Professor), Oleg A. Barg (Doctor of Philosophy, Professor), Elena M. Berezina (Candidate of Philosophy, Associate Professor), Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor), Alexandr Y. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor), Rudolf L. Livshits (Doctor of Philosophy, Professor), Lyudmila A. Myasnikova (Doctor of Philosophy, Professor), Leva A. Musayelyan (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Porosenkov (Doctor of Philosophy, Professor)

Редакционный совет

Надежда Васильевна Бряник (д. филос. н., проф., Урал. федер. ун-т, Екатеринбург), Лев Абрамович Закс (д. филос. н., проф., Урал. федер. ун-т, Екатеринбург), Эдуард Арменакович Коркотян (PhD, ст. науч. сотр., отд. нейробиологии Института им. Вейцмана, Израиль), Сергей Владимирович Орлов (д. филос. н., проф. каф. истории и философии, СПб. гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург), Александр Алексеевич Строканов (PhD, проф., руководитель департ. социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, госуд. колледж в Линдоне, США)

Editorial council

Nadezhda V. Brianik (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Lev A. Zaks Brianik (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Eduard A. Korkotian (PhD, senior scientific Researcher, Department of Neurobiology, Weizmann Institute, Israel), Sergei V. Orlov (Doctor of philosophy, Prof., S.-Pb. State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia), Aleksandr A. Strokanov (Prof., Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, PhD, Lyndon State College, USA)

*Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)*

© Пермский государственный национальный исследовательский университет

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Габриелян О.А.</i> Проектность философии	4
<i>Мусаелян Л.А.</i> О некоторых особенностях современной исторической эпохи.....	19
<i>Бакеева Е.В.</i> Мир и война в эпоху множественности	29
<i>Лившиц Р.Л.</i> Идол конкурентоспособности после 24 февраля	39
<i>Лоскутов Ю.А.</i> Сущностные силы человека как высшие проявления атрибутов материи	52
<i>Корякин В.В.</i> Идеальное как свойство социального материального интегрального субстрата (человека)	65
<i>Савенков Д.В.</i> Методологические основания исследований исторического сознания	77
<i>Думинская М.В., Миллер В.И.</i> Развитие гуманизма в религиозной и секулярной формах	87
<i>Шишкина М.К.</i> Тенденции изменения религиозности в постсоветской России	99
<i>Сидоров Л.Г.</i> Метасистема научного управления	108
<i>Биричева Е.В.</i> Как выйти из игры? О современной геймификации действительности	116
<i>Лумпова М.А.</i> Анализ концепции визуальности в работе Джонатана Крэри «Техники наблюдателя»	125
<i>Шевчук Д.А.</i> Социальный идеал Н. Срничека и А. Уильямса и его актуальность для России	134

CONTENTS

<i>Gabrielyan O.A.</i> The projectivity of philosophy	4
<i>Musaelyan L.A.</i> On some features of the modern historical era	19
<i>Bakeeva E.V.</i> Peace and war in the age of plurality	29
<i>Livshits R.L.</i> The idol of competitiveness after February 24	39
<i>Loskutov Y.V.</i> The essential forces of man as a highest manifestations of the matter attributes	52
<i>Koryakin V.V.</i> Ideal as a property of social material integral human substrate	65
<i>Savenkov D.V.</i> Methodological approaches in the research of historical consciousness	77
<i>Duminskaya M.V., Miller V.I.</i> The development of humanism in religious and secular forms	87
<i>Shishkina M.K.</i> Trends in the change of religiosity in post-soviet Russia	99
<i>Sidorov L.G.</i> Metasystem of scientific management	108
<i>Biricheva E.V.</i> How to exit the game? About the modern gamification of reality	116
<i>Lumpova M.A.</i> Analysis of concept of visuality in the book of Jonathan Crary “Techniques of the observer”	125
<i>Shevchuk D.A.</i> Social ideal of N. Srnicek and A. Williams and its relevance to Russia	134

ПРОЕКТНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

О.А. Габриелян

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
295007, Симферополь, ул. Ялтинская, 20
E-mail: gabroleg@mail.ru

Рассмотрены две проблемы современной философии – практическая и прикладная. Их фокусом выступает проектность философии, и они формируют круг вопросов – о месте философии и ее преподавателей в системе высшей школы, об обучении по направлению «Философия», о месте и востребованности философии и философов в социальном пространстве. Автор имеет большой опыт администратора, преподавателя, исследователя и, будучи профессором программы Фулбрайт, опыт сотрудничества с зарубежными университетами. Этот опыт позволяет не только ориентироваться в проблеме, но и предложить ее решение применительно к современным условиям реформирования высшей школы. Сравнение разных ответов профессионального сообщества на проблемы и вызовы, адресованные философии, показывает, что одна их часть оказывается псевдопроблемами, а другая – связана с нежеланием принять объективные вызовы и адекватно отвечать на них.

Ключевые слова: университет, философия, преподаватель философии, модель выпускника, междисциплинарные исследования, проект, межсекторальное сотрудничество

К постановке проблемы

Многочисленные статьи и рассуждения коллег в социальных сетях, посвященные современному кризисному состоянию философии и, шире, социально-гуманитарных наук как в высшей школе, так и в обществе в целом [1], приводят к выводам, которыми я руководствуюсь в практической деятельности. Некоторые из них повторяются в работах коллег, а некоторые сложились как ответы на возникшие проблемы в текущем образовательном процессе, хотя их корни имеют фундаментальные причины.

Не стоит рассматривать автора как адвоката реформ науки и образования. Со многими новациями и их неэффективным администрированием трудно согласиться. Но это не отменяет того, что мир изменился и старую систему невозможно реанимировать. Попытки вернуть эффективное советское образовательное прошлое обречены на провал, так как мы живем

в иное историческое время и в государстве с иным экономическим и социально-политическим устройством. Живем в трансформирующемся государстве, которое, реализуя политику в сфере образования, так и не сформулировало ее идеологию. В ситуации такой неопределенности, усиливающейся глобальной нестабильностью, приходится искать ответы на появляющиеся вызовы, и необходимо принять несколько базовых руководящих положений. Вот небольшой их перечень.

1. Кризис философии и социально-гуманитарных наук – составляющая глобального социального кризиса во всех его измерениях – политическом, экономическом, культурном. Но кризис – это вызов, открывающий новые перспективы, и время ренессанса философии. Нормальный период (по Т. Куну) ее развития закончился. Философская схоластика исчерпала свой творческий потенциал, когда философия замкнулась в себе и собственной истории, сосредоточилась на философах и их текстах. Это был объективно важный период. Но его исчерпанность обнаруживается, когда философия отрывается от судьбы живого человека, ничего не дает ни ему, ни созданной им социальности. Новое время требует иного подхода к главной проблеме философии – проблеме человека в многообразии его измерений.

2. Современный университет в лице ее преподавательского корпуса пока не демонстрирует «волю к жизни». Он выстоит, только если станет другим – инновационным, цифровым, динамичным, гибким, с доминированием визуальных и виртуальных форм коммуникации. И, главное, если он станет местом формирования новой социальности, ключевую роль в котором сыграют социально-гуманитарные науки и, конечно, философия.

3. Для этого университет имеет институализированную систему, интеллектуальный кадровый потенциал и такую социальную страту, как молодежь – того, кто в любом случае будет формировать новую социальность. Именно здесь массово формируется социальный человек – тот же аристотелевский *zoon politicon* (ζῷον πολιτικόν) со встроенной в него идеей социального блага. В отличие от образовательного «университета 1.0» и исследовательского «университета 2.0», «университет 3.0» станет инновационным [2; 3]. Это значит для него стать системой, способной продуцировать идеи и – по средствам проекта – доводить их до реализации. Причем, как это не парадоксально, успех видится, прежде всего, в области именно социально-гуманитарного проектирования. История это подтверждает. И академия, и лицей, и монастырские школы, и университеты были в свои исторические периоды пространствами, в которых аккумулировались знания и компетенции для социального, политического и экономического прорывов, местами изобретения смыслов новой социальности.

4. Проектность всегда присуща философии. Великие философские концепции, менявшие судьбы народов и цивилизаций, обладали этим качеством. Например, 95 тезисов Мартина Лютера или «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. М.Н. Эпштейн в книге «Будущее гуманитарных наук» пишет: «Нужна программа воссоздания трансформативных гуманитарных наук, побуждающих к действию и обращенных в будущее. Цель гуманистики – самосознание и самотрансформация человека, причем не только индивидуума, но и социума. Гуманитарные науки, не ограничиваясь чисто исследовательским подходом, призваны изменять то, что они изучают. Даже исследуя прошлое, они, так или иначе, определяют будущее человечества. Если в гуманитарных науках нет места для будущего, в будущем не останется места для гуманитарных наук» [4, с. 16]. Мы бы усилили этот тезис двумя дополнениями. Во-первых, его можно отнести, прежде всего, к философии. Во-вторых, речь должна идти не только о будущем, но и о настоящем, в котором и происходит отмеченная трансформация, прорыв, интеллектуальная революция, смена социальной парадигмы. Нужны новые «Новый Органон» и Просвещение, которые открыли бы новые перспективы человека и человечества.

5. В разные исторические периоды проблема человека изучалась в контексте соответствовавшей им социальной парадигмы. Сейчас необходимо не декларировать философский ренессанс, а видеть его перспективы, его базовые, доминирующие характеристики, т.е. формировать новую парадигму. Классический капитализм с его обществом потребления исчерпал не только экономический и социальный потенциал, но грозит исчерпать и ресурсы Земли. Его циклические кризисы, разрешаемые войнами, грозят уничтожить человечество. В этом – исчерпанность предыдущей парадигмы и потребность в новой, чему была посвящена наша статья [5].

6. Задача философии в университете нового формата – рефлексия над происходящими процессами, схватывание их трендов и смыслов, функций университета в углубляющейся дифференциации науки и неэффективности механизма подготовки кадров различного уровня, новых акторов образовательного процесса, формирование «технического задания» для междисциплинарных и межсекторальных областей их активности в виде социально-гуманитарных проектов, реализация которых предполагает гуманитарное изобретательство. Все это невозможно без освоения классических и современных технологий мышления. «Социальное изобретение – это любой новый закон, организация или процедура, которые меняют способ поведения и взаимодействия людей. Примеры социально-политических изобретений – конституция, профсоюзы, бойскауты, кредитные и

страховые организации, свободный рынок, феминизм, анархизм, коммунизм, сионизм, пособия по безработице, Красный Крест, Олимпийские игры, ООН, декларация прав человека. Гуманитарное изобретение – это новая... идея, включающая средства воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества. Гуманитарные изобретения охватывают те сферы культуры, которые изучаются гуманитарными науками: язык, литература, искусство, философия, религия, психология, культурология...» [4, с. 24–25]. Два уточнения. Очевидно, что это касается не только гуманитарных наук и гуманитарного изобретения, но всего социального блока. Может быть, в настоящее время более актуальны социальные изобретения. Их наглядный пример – «цветные революции». Философия же в качестве своеобразной ТРИЗ (Теории решения изобретательских задач) стоит у истоков изобретения форматов новой социальности (например, социальных утопий) и новых смыслов в поле социально-гуманитарных наук.

7. У гуманитарного знания (тем более, философии) и его носителей серьезные перспективы, так как любые достижения фундаментальных и прикладных наук начинаются с гуманитарного смысла и заканчиваются социо-гуманитарной технологией по той причине, что они создаются людьми и для людей. Это – фундаментальный принцип социального развития, о котором часто забывают. Один пример: не гуманитарии создали вакцину от COVID-19, но убеждение людей в необходимости вакцинации требует какой-то социально-гуманитарной технологии.

8. Статус преподавателя философии определяется профессионализмом и соответствием вызовам времени. Его ключевыми предпосылками являются образование, знание языков, лидерские качества, способность к междисциплинарному и межсекторальному сотрудничеству. Его кризис вызван неспособностью и нежеланием меняться и менять пространство вокруг себя под идеи и нормы, которые отражали бы социальные тренды.

9. Если в университете нет способных к этому преподавателей философии, она будет вытеснена на периферию образовательного процесса. Этому могут противостоять конкурсы как механизм отбора специалистов. Они давно работают в конкурентной рыночной системе. Это вызов сообществу преподавателей философии, но именно он ведет к появлению интересных курсов, педагогических инноваций, к повышению требований к публикациям, большей ответственности в подготовке студентов и, особенно, аспирантов, чьи диссертации оцениваются извне, а не только корпоративно закрытыми сообществами. Возникает потребность в коллабо-

рациях не только с коллегами по цеху, но и междисциплинарных, конвергентных, межсекторальных исследований и взаимодействий.

Эти принципы образуют парадигму «рынок (как социальная потребность) – наука – образование», которая сменит предыдущую парадигму «образование – наука – общество». Переход неотвратим. Именно он определяет трансформацию гумбольдтовского университета в инновационный «университет 3.0». Это объективная мировая тенденция, и Россия должна реформировать высшую школу в этом направлении. Иначе у нее нет шанса на экономический и технологический прорыв.

Новая парадигма обусловила возникновение новых собственных социально-гуманитарных технологий, к которым можно отнести «Университет 20.35» [6] с его форсайтами, проектно-образовательными интенсивами – «Островами», «Архипелагами», «Точками кипения», «Клубами мышления», хакатонами и пр. Суть этих интеллектуальных площадок, особенно «Островов», – стратегирование из будущего, когда тысячи людей погружаются в состояние Будущего и оттуда «вытягивают» настоящее. «Острова» и стратегичны, и очень прагматичны. Например, их цель – увеличение стартапов в десять раз до 2024 г. Это невозможно без новых смыслов, так как каждый стартап – это новый уникальный смысл. Очевидно, что во все технологические продукты нужно вкладывать и социально-гуманитарный контент, а он создается гуманитариями. Люди фрустрированы быстротой изменений, и наша задача – научить их это преодолевать с помощью новых смыслов и социально-гуманитарных технологий.

Миссия регионального университета – быть лидером новых смыслов в своей геолокации. Ее нельзя сужать до коридора подготовки кадров для региональной экономики. Задача регионального университета – хотя бы в чем-то быть на мировом уровне. Это касается и реальных обстоятельств, связанных с призванием философа и ремеслом преподавателя философии, и хорошо, если эти ипостаси совпадут. Важными вопросами являются для любой кафедры перспектива общевузовского курса философии и подготовки специалиста по направлению «Философия». Нас интересует сугубо практическая задача – как развиваться кафедре философии в современном университете. Можно считать, что мы рассматриваем конкретный кейс с возможностью широкого использования его наработок.

Текущее состояние: преподаватель философии и уточнение модели выпускника

Наблюдения за деятельностью кафедр философии (шире, кафедр социально-гуманитарного профиля) приводят к следующим выводам. Контигент студентов на этих направлениях небольшой, но относительно ста-

бильный. Он формируется из трех групп студентов: тех, которые сознательно выбрали специальность в силу ее эксклюзивности, тех, кто не попал на другие специальности, и тех, кому необходимо «пересидеть» в вузе, с высоким шансом получить диплом при очень низкой успеваемости. Трудоустройство выпускников по специальности стабильно низко. Аспиранты редко защищают диссертации. Преподаватели не участвуют в хозяйственных темах. Они не знают, как это делать, и не готовы к прикладным исследованиям. Только их небольшая часть участвует в проектах, поддержанных фондами, финансирующими фундаментальные исследования. Единицы участвуют в социально ориентированных проектах.

Сейчас смысл планирования учебного процесса сводится к обеспечению кафедры нагрузкой, и вынуждает не отчислять неуспевающих студентов в надежде, что все вернется на круги своя. Такое положение нужно менять, и мы начали этот процесс. Прежде всего, он касается кадрового состава кафедры, его способности осознать происходящие перемены и адекватно отвечать на них. Он (состав) тоже неявно разбит на три группы – тех, кто готов к переменам и почувствовал перспективы развития, колеблющихся, опасаящихся вступить в воды перемен, требующих сил и пугающих неопределенностью, и тех, кто не готов к переменам и ищет виноватого в сложившейся ситуации. Роль заведующего кафедрой для них – быть проводником «злой воли» администрации.

Эти характеристики – не специфика конкретной кафедры. Общение с коллегами говорит, что они общие для всех. Необходимо понять, что тоска о «потерянном рае» бесперспективна. Выход – стать востребованным в новых условиях. Реальный путь – реализовать интеллектуальную силу и практичность философии, которые эффективно сочетаются в ее проектности. Как не вспомнить легенду о Фалесе, который, засмотревшись на звезды, споткнулся и вызвал насмешки окружающих. Но наблюдения за звездами позволили ему предсказать обильный урожай оливок, заранее арендовать все маслобойни и, сдавая их в субаренду, заработать состояние.

Для преподавателей философии, речь идет о реформировании себя и своей профессии. «Если социальный институт, обеспечивавший нас с коллегами условиями профессиональной деятельности и тем самым задававший рамки возможного и желаемого, разрушается, то будущее становится неопределенным, и поэтому требуется активное усилие по определению того, в чем будет состоять оптимальная профессиональная самореализация в будущем. По существу, речь идет о переизобретении профессии философа. Самоопределение есть, прежде всего, выбор желательного личного будущего. В дискуссиях о профессиональном будущем ака-

демических философов существенно, что их самоопределение должно связать аналитическую и проектную деятельность. Потому в самоопределении необходимо исходить... из возможности использовать кризис для проектирования будущей реализации своего самоопределения...» [7, с. 34–35]. И далее, подмечает М.Ю. Немцев, преподавателю нужно самому организовывать площадку встреч с обучающимися. Университет может оставаться ею, но не как единственной. Нужны новые, реализующие многожанровое богатство философии и технологий мышления, различных форм рефлексии как их главного инструмента. Такими площадками могут быть сферы межсекторального сотрудничества. При этом решается и проблема формирования гражданственности, не навязываемой административными мероприятиями, а естественно становящейся в процессе реализации способностей и интересов участников социально-гуманитарных проектов.

Для этого необходимо понимать суть образовательного запроса. Родители студентов заинтересованы в капитализации личности своих детей и готовы в это инвестировать. Им нужны ясные перспективы профессии, которой будут обучаться их дети. Но прежде эти перспективы нужно прояснить для себя. Нужно знать, за что люди скажут нам и нашим выпускникам «спасибо». Самим обучающимся нужно открывать перспективы их личностного развития в ходе обучения, и к философу возвращается его изначальная функция учителя молодежи (Сократ и др.). В современных условиях – это тьютор (как репетитор по жизни) не столько в профессиональной подготовке, сколько в жизненном самоопределении.

К открытию перспектив образовательного процесса ближе всех стоит философия и ее преподаватели, так как именно философия образования задает общие параметры новой образовательной парадигмы, требующей дополнительных компетенций и навыков. В перспективе произойдет переход от узкоспециальных навыков к надпрофессиональным, и в фокусе нашего внимания должны быть навыки поликультурности, междисциплинарной, межсекторальной и межотраслевой коммуникации, управления проектами и процессами, работы в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий, творческого мышления, работы в командах, стратегического и системного мышления.

В основе модели навыков XXI века лежит самостоятельное и гибкое мышление. Оно должно быть инструментом приобретения новых знаний, навыков, технологий мышления для формирования как личных, так и социально-гуманитарных проектов в быстро меняющемся мире. Уже нельзя давать в университете только знания и ограниченный набор навыков. Они должны активно и с большой скоростью меняться в течении жизни. Важно

умение осваивать новые знания и навыки, конструировать с их помощью технологии реализации различных проектов от личных до общественных, государственных, предпринимательских.

Наша модель структуры навыков выглядит следующим образом. Внешний слой – контекстные, специализированные навыки, которые развиваются в конкретном контексте. Это – профессиональные навыки, физические навыки (вождение машины, например) или социальные навыки (например, видеоблогинг). Это самые поверхностные, постоянно обновляемые навыки. Средний слой – кросс-контекстные навыки, которые можно применять в более широких сферах социальной или личной деятельности: навыки чтения, письма, тайм-менеджмента, работы в команде. Их нужно поддерживать в тонусе и периодически дополнять, но они будут работать в разных профессиях. Внутренний слой – экзистенциальные навыки, которые применимы на протяжении всей жизни в различных контекстах. Они включают способность ставить цели и достигать их (сила воли), самосознание, способность к саморефлексии (осознанности), способность учиться, разучиваться и переучиваться (саморазвития). Этот слой – самый важный, ему стоит уделять особенное внимание, наращивая поверх него все остальные. Человек, имеющий хорошие экзистенциальные и кросс-контекстные навыки, не пропадет в любой ситуации [8].

Мы полагаем, что никакая социо-гуманитарная дисциплина не позволяет освоить экзистенциальные навыки лучше, чем философия. Практикующим философам необходимо лишь раскрыть этот ее потенциал на языке новых социальных отношений и маркетинговых коммуникаций. Это становится очевидным, если перечислять новые профессии близкого будущего: разработчик образовательных траекторий, карьерный стратег, организатор проектного обучения, тьютор, игромастер, модератор [9].

Очевидно, что для этого нужно предлагать новые образовательные продукты в новой технологической упаковке, по крайней мере, обучающимся по непрофильной специальности. А для тех, кто выбрал философию как направление подготовки, необходимо расширить познавательные инструменты, включая в образовательный процесс их современные образцы. И в ответ на вопрос, кого мы готовим в университете по направлению «Философия», следует сказать – специалиста по социально-гуманитарным технологиям в информационном обществе. Это не исключает, что некоторые из них станут философами в классическом смысле. Не стоит, однако, переоценивать наши возможности в этом отношении. Мы даем знания и умения, которые помогают студенту самоопределиваться, но как он ими распорядится – его личная ответственность.

Результатом работы преподавателей философии в университете должен быть выпускник, способный сформировать свой личный экзистенциальный проект, в основе которого находится смысл личного самостояния и самоопределения. Он должен обладать профессиональными компетенциями, чтобы встроить свой проект в другие проекты с близкими ему смыслополаганием и целями, участвовать в других проектах в той мере, в какой они соответствует его личному проекту. Такой подход будет эффективен, если выпускник формирует свой проект с учетом его социальной значимости, позволяющей другим соучаствовать в его реализации. Так произойдет социализация – встраивание выпускника в «большую жизнь».

Миссия кафедры (школы), организационная работа и кадры

Кафедра философии, как и любая другая кафедра, должна стать не только административным механизмом, регулирующим образовательный процесс, но и домом неформального общения с научным руководителем, тьютором, лидерами групп различных интересов и активностей. Попытка размыть значение кафедры ОПОПами (Основной профессиональной образовательной программой) во главе с ее руководителем успеха пока не принесла, хотя и имела определенную реформаторскую логику.

Кафедра философии должна быть открытым для всего университета пространством создания, апробации и внедрения технологий мышления как инструментов поиска смысла профессиональной деятельности всех структурных подразделений в активном междисциплинарном и межсекторальном сотрудничестве и с выходом на социально-гуманитарные технологии. Слоган этой миссии: «Философия – драйвер новых смыслов и социальных технологий». Эта миссия – схватывание в «духе времени» новых смыслов, их упаковка в социально-гуманитарные технологии, их «впечатывание» в технологические продукты (всевозможные стартапы и др.), в IT-индустрию на уровне Digital Philosopher, например. Это утверждает Тоби Уолш, признанный специалист по Искусственному Интеллекту в его книге «2062: время машин» [10].

Экосистемный подход может быть эффективным в выполнении этой миссии, когда экономика знаний формирует новую архитектуру отношений кафедры внутри университета и вне его. В основе этой архитектуры лежит сетевая кооперация, основанная не на иерархиях, а на ядрах активностей, связанных между собой разными способами. Единственный критерий такой системы – ее эффективность, результативность. Лучшей моделью выступают графы, связанные между собой. Она имеет и прагматический смысл, позволяя исчислять эффективность работы. «Экосистема фактически позволяет понимать: где находимся (состояние), куда движем-

ся (цель) и как это делать (технология). Это не коридор образовательного процесса, который сформирован, а широкое поле возможностей. Это другой запрос на студентов и преподавателей» [11].

Профессор (преподаватель) – тьютор (менеджер, «гид» судьбы и, как следствие, стратегии карьерного роста) и интеллектуальная, культурная, социальная опора индивидуального образования (траектории). Но при условии, что он сам состоялся как личность – социально активен и как профессионал, и как преподаватель-исследователь. Он – образец состоявшейся личности; он мотивирует, подсказывает «смысл жизни» и технологию его реализации; он вводит в собственную интеллектуальную лабораторию. Такой преподаватель держит внутренний и внешний контуры активности с коллегами и студентами.

Внутренний контур – научно-исследовательские группы (НИГи) – коллаборации преподавателей, аспирантов и студентов, синергетика компетенций (обмен компетенциями, взаимодополнение) для реализации проектов, в том числе междисциплинарных и межсекторальных. Мы должны понять и принять, что современные студенты обладают компетенциями, которыми могут не обладать преподаватели, хотя бы потому что они лучше владеют навыками пользования новыми информационными технологиями, встроены в них от рождения. Это касается не только современных поколений, но и просматриваемого будущего. Необходимо преодолеть «гносеологическое неравенство» уходящей образовательной парадигмы, в которой студент занимал полностью подчиненное положение. Внешний контур – социально-гуманитарные проекты активности преподавателей, аспирантов, студентов, внешних партнеров. В рамках такой экосистемы преподаватели философии и их студенты могут строить интересный многожанровый мир современной философии.

Сетевыми становятся общество, все его подструктуры и образование в том числе. У направлений подготовки, у кафедры не будет закрепленных за ними студентов. Любой из них будет настолько «своим», насколько вы его заинтересуете быть с вами в его индивидуальной траектории обучения. Все они – своеобразные фрилансеры, которых можно удерживать только сотворчеством в интересном проекте.

Такой подход к образовательному процессу не допускает пессимизма, бездеятельности и чрезмерных даже для философской публицистики, оценок как «карнавала» или «духовной проституции» [1]. Лукавство заключается в том, что авторам таких оценок хочется играть на том же поле некой скандальности, хайпа, то есть использовать методы «нового мира», ценности которого ими оспариваются, если не отвергаются полностью.

Многочисленная и сильная кафедра философии может претендовать на статус Школы. По этому пути пошли ведущие вузы страны от консервативного (в лучшем смысле этого слова) МГУ до фрондирующей Высшей школы экономики. В дальнейшем надо исходить из перспективы ренессанса философии и доминирования ее дисциплин и курсов в ядре образовательных программ обучения студентов всех направлений подготовки. Но очевидно, что практически любая кафедра философии регионального университета может пользоваться описанным подходом с его корректировкой в зависимости от исследовательских предпочтений сотрудников, региональных особенностей и т.п. Снимает ли это проблему статуса философии и ее преподавателей в высшей школе? На наш взгляд, да, хотя угрозы и вызовы по-прежнему сохраняются. Но и сами философы не только констатируют их, но предлагают свои решения и ответы.

Образовательная деятельность

Планируется создать образовательную программу, которая ориентирована на формирование компетенций с использованием различных технологий мышления и эмоционального интеллекта применительно к сферам решения социально-гуманитарных проблем путем создания и реализации соответствующих проектов. Создание программы с ядром дисциплин, формирующих такие компетенции, позволит в будущем перейти на обучение по индивидуальным траекториям по схеме 2+2 в бакалавриате. Эти предложения апробируются нами на практике в Клубе мышления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Общеуниверситетское значение будет иметь курс «Технология мышления и проектная деятельность», знакомящий с различными технологиями мышления. Уже разработаны и включены в образовательный процесс майноры «Клиповое мышление» и «Сознание и Искусственный Интеллект», разработана и реализуется магистерская программа «Искусственный Интеллект в социальном проектировании». Эти курсы могут стать базовыми для формирования соответствующих навыков, которые применяются на протяжении всей жизни, так как формируют универсальные компетенции. Именно поэтому их следует преподавать на первом курсе для всех направлений подготовки в высшей школе. Как инструменты мыслительной деятельности, они не устаревают, а могут только совершенствоваться в отличие от знаниевой и информационной компонент учебных программ. Так, по сути, закладывается основание непрерывного образования, становящегося реальностью. Связка в одном курсе технологий мышления и проектной деятельности позволяет не только изучать отмеченные технологии, но и применять их при разработке и реализации конкретных

проектов. Вместе с тем курс, построенный по модульному принципу, позволяет вести отдельные факультативные курсы по выбору и по любой из тем базового курса для любого направления подготовки.

Разработку базового курса можно поручить преподавателям кафедры философии. Однако имеет смысл провести для преподавателей всех направлений подготовки курсы повышения квалификации, результатом которых была бы разработка адаптированного курса для студентов всех специальностей без исключения. Как правило, на всех факультетах есть преподаватели, которым близки подобного рода темы. Это подтверждается работой Клуба мышления на питч-сессиях. Такую переподготовку можно было бы проводить раз в два-три года, чтобы кафедры и факультеты не теряли свои нагрузки. При этом сохраняется возможность философов самим вести эти курсы, адаптированные под конкретные направления подготовки, по заявкам факультетов. Дополнительное преимущество такого курса и подхода – междисциплинарное взаимодействие преподавателей различных факультетов и возможное формирование междисциплинарных научно-исследовательских групп для совместной работы.

Профориентационная работа

Статистики приемных кампаний показывает, что количество поступающих на философский факультет небольшое, но стабильное. Если в среднесрочной перспективе будут востребованы гуманитарные специальности, в частности, специальность «Философия», на ее выбор будет влиять репутация философской школы университета и социальный статус ее выпускников. А самой действенной формой этой работы является кропотливое построение образа специальности «Философия» как эксклюзивной профессии, открывающей выпускнику беспрецедентные возможности в социально-гуманитарной сфере, на рынке труда уже потому, что он будет обладать высокой степенью адаптивности к его меняющимся запросам.

Научно-исследовательская деятельность

Антропология становится метапарадигмой научного знания, поэтому цифровая антропология имеет серьезные перспективы развития, тем более, если будет ориентирована на практику и прагматику, что отнюдь не снимает фундаментальный характер подобных исследований. Для перспективных работ ключевым мог бы стать ноосферный контекст в его первоначальном естественнонаучном, как у В.И. Вернадского, измерении.

Следует отказаться от спекуляций об уничтожении серьезных философских исследований. Практика показала, что им ничего не угрожает. И лучшее тому подтверждение – широкий спектр издаваемых моногра-

фий, книг и философских журналов. Справедливости ради следует отметить, что требования к публикациям стали жестче и большое количество слабых работ не может преодолеть их высокую планку. Конечно, можно найти случаи, когда и сильные работы не доходят до читателя, но это свидетельствует о необходимости вступать в более активную коммуникацию как с коллегами, так и с окружающим миром, в частности, с издателями.

Описанный подход преодолевает фундаментальное противоречие, которое точно подметили коллеги: «Результаты деятельности ученых и преподавателей объективно оценить невозможно существующими средствами познания, однако формальная документация абсолютно предсказуема и понятна, следовательно, бюрократы помещают ее в центр системы. И то, что выглядит карнавалом для ученых, оказывается вполне разумным решением в рамках матрицы рыночных отношений и администрирования» [12]. Вступать в борьбу с объективными обстоятельствами рынка и соответствующим ему способом администрирования бессмысленно. Это не значит, что нужно стать винтиками образования как сферы обслуживания. Этого нет и в западной системе образования, в которой автору выпала возможность стажироваться и работать.

Ситуацию одномерного взгляда на проблемы трансформации высшей школы, подмены тезисов при их обсуждении часты, и, может, нужно признать, что большая доля профессорско-преподавательского корпуса социально-гуманитарных дисциплин профессионально не отвечает новым требованиям, а система подготовки кадров через аспирантуру продолжает плодить непрофессионализм. Это обвинение – результат многолетнего наблюдения за аспирантами всех направлений подготовки при чтении курса «История и философия науки». Только третья часть всего контингента, возможно, станет хорошими специалистами. Еще ниже будет доля защитивших диссертации. И только малый процент работ будет отвечать критериям инновационности и практичности, то есть проектности.

Междисциплинарные исследования

Необходимо создавать междисциплинарные научные исследовательские группы (НИГ) с участием сотрудников кафедры. В этих группах они могли бы выступать как лидеры (продуцировать новые смыслы и собирать команды) совместных проектов и методологи (формулировать «техническое задание» и способ реализации того или иного проекта). Опыт создания таких групп на уровне подготовки и реализации проектов РФФИ и РНФ наработан, и важно уметь пользоваться такими чертами этих групп, как их гибкость и динамизм. Критериями участия в них выступают личные профессиональные, организаторские, творческие качества. Эти груп-

пы создаются поверх институциональных, иерархических, географических и иных барьеров. Можно и нужно участвовать в разных группах, быть руководителем одних и исполнителем в других. Профессионала и лидера исследований, как правило, сопровождают ученики – магистры, аспиранты, а также коллеги, ведущие исследования в той же или смежной области.

Межсекторальное сотрудничество

Для реализации социально-гуманитарных проектов важно межсекторальное сотрудничество и привлечение группы единомышленников. Мы выбрали региональный Мегапроект, цель которого – «открыть» кафедру решению реальных проблем региона. Опытом такого подхода был проект «Крымский мир» как серия научно-исследовательских проектов и изданий, а также социальные проекты с широким спектром гражданских инициатив и результатов.

Нами представлена реализуемая в настоящее время Дорожная карта развития философии как учебной дисциплины и кафедры как механизма подготовки кадров по этому направлению. В каком-то смысле описана текущая работа в сложных быстро меняющихся условиях. В нашем подходе есть ответы на вопросы, которые задают и обсуждают коллеги. Мы сознательно не вступаем в полемику и не пытаемся интеллектуальными изысками украсить свои рассуждения, так как знаем, что многие из них нуждаются в ясности целей и путей их достижения. Практикующий заведующий кафедрой должен все это себе ясно представлять. Не паниковать перед вызовами, а искать на них ответы даже в самых неблагоприятных обстоятельствах, доказывая свою важность и значимость как профессионала и важность философии как призвания и профессии.

Список литературы

1. *Ореховский П.А., Разумов В.И.* Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 77–94.
2. *Инновационный университет: Философия – Наука – Управление. XX лет философскому факультету НГУ: Материалы Всерос. науч. конф.* – Новосибирск, 2013. – 186 с.
3. *Презентация инновационного университета.* – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0pVmqQIIQcQ> (дата обращения: 08.02.2021).
4. *Энштейн М. Н.* Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. – М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. – 239 с.
5. *Габриелян О. А., Лазарев Ф.В.* Практическая философия: современные трансформации и перспективы. Вместо манифеста // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Политология. Культурология. Т. 7 (73). № 3, С. 20-36.
6. *Университет 20.35* – URL: <https://2035.university/about/> (дата обращения: 08.02.2021).

7. *Немцев М.Ю.* О профессиональном самоопределении университетских преподавателей философии в России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. – С. 24–38.
8. *Варламова Д. и др.* Атлас новых профессий 3.0. – М.: Альпина, 2020. – 456 с.
9. *Песков Д., Безруков А., Лукия П.* Карты будущего: основные угрозы, вызовы и тренды до 2035. – URL: <https://newp.nti2035.ru/analytics/1876-poster-karta-budushhego/> (дата обращения: 08.02.2021).
10. *Уоли Т.* 2062: время машин. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 320 с.
11. *Чернышев С.* Экосистема современного университета как фактор успеха. – URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/astralnoe-telo-universiteta-11062018> (дата обращения: 08.02.2021).
12. *Практическая философия: состояние и перспективы: сб. матер. I науч. конф.* / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – 190 с.

THE PROJECTIVITY OF PHILOSOPHY

Oleg A. Gabrielyan

Crimean Federal University

20, Yaltinskaya St., Simferopol, 295007, Russia

Two problems of modern philosophy are considered—the practical one and the applied one. Their focus is the projectivity of philosophy, and they form a number of questions – about the place of philosophy and its teachers in the system of the higher education, about teaching in the field of philosophy, about the place and demand for philosophy and philosophers in the social space. The author has extensive experience as an administrator, teacher, researcher and, being a professor of the Fulbright program, also has experience of cooperation with foreign universities. This experience allows not only to navigate in the problem, but also to offer its solution in relation to the modern conditions of the reforming higher education. A comparison of different responses of the professional community to the problems (and challenges) addressed to philosophy shows that one part of them turns out to be pseudo-problems, while the other part is associated with the unwillingness to accept objective challenges and adequately respond to them.

Key words: university, philosophy, teacher of philosophy, graduate model, interdisciplinary research, project, intersectoral cooperation.

УДК 1:316.4

DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-19-28

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Л.А. Мусаелян

Доктор философских наук, зав. кафедрой философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: lmusaelyan@yandex.ru

В статье раскрывается смысл понятия «историческая эпоха» в его сопоставлении с понятием «общественно-экономическая формация». Дается содержательный анализ особенностей современной исторической эпохи. Показывается, что в настоящее время человечество столкнулось с глубоким глобальным кризисом, затронувшем все сферы общественной жизни. Особенность этого криза заключается в том, что он является результатом совпадения нескольких кризисных тенденций, которые усилились в конце XX – начале XXI в. Глубина и масштабность разразившихся кризисов дает основание для вывода о том, что человечество находится на переломном этапе своей истории. Переломный характер современной исторической эпохи раскрывается посредством анализа формационного кризиса неолиберального капитализма, геополитического кризиса современного мироустройства и кризиса международного права. В статье показывается, что и для России наступил переломный этап истории, в силу возникших экзистенциальных угроз ее суверенитету и государственности.

Ключевые слова: историческая эпоха, глобальный кризис, переломный этап истории, США, формационный кризис, геополитический кризис, международное право.

При описании исторического процесса помимо понятий «формация», «цивилизация», в науке используется еще и понятие «историческая эпоха», которое считается интуитивно ясным, хотя и не является таковым. Иногда это понятие применяется для обозначения конкретной формации. В этом контексте историческая эпоха и формация совпадают по своему значению. Скажем, мы говорим о буржуазной исторической эпохе. Но все же понятие «историческая эпоха» имеет другой смысл и другое методологическое значение при анализе исторического процесса. Если понятие «формация» выражает определённую, устойчивость общественной жизни, то историческая эпоха указывает на ее изменчивость и динамизм. Формация есть сущностная характеристика общества, исторического про-

цесса. Историческая эпоха выражает исторический процесс со стороны его содержания. Теория общественно-экономических формаций в ее первоначальном классическом варианте не учитывает неравномерность, противоречивость исторического процесса. Историческая эпоха учитывает эти особенности в развитии человечества и выражает ведущую, наиболее значимую тенденцию на данном этапе истории. Неравномерность, противоречивость развития человечества в XX–XXI вв. определили особенности современной исторической эпохи, которые проанализируем ниже.

Современную историческую эпоху можно определить как переломный этап истории. Особенность этого этапа заключается в том, что в конце XX – начале XXI века произошло наложение нескольких кризисов, свидетельствующих о глубоком системном кризисе современной цивилизации, затронувшем фактически все сферы общественной жизни. Параметры статьи не позволяют проанализировать все кризисы, которые определяют переломный этап истории [1]. Поэтому остановимся лишь на трех из них, которые имеют ключевое значение для понимания особенностей современной эпохи.

В настоящее время человечество столкнулось с формационным кризисом капитализма. Существование этого кризиса признают исследователи, придерживающиеся разных мировоззренческих и идеологических позиций [2; 3; 4; 5]. В XX веке капитализм испытал два кризиса – в начале и в середине столетия. Оба кризиса обернулись двумя мировыми войнами. Причем, в результате первого кризиса произошли социалистические революции в России, Германии, Венгрии. В России революция победила. Появилось первое в мире социалистическое государство, которое оказалось среди победителей во Второй мировой войне. Именно поэтому после войны возникла мировая система социализма. Третий кризис капитализма, который разразился в конце XX века и продолжается в настоящее время отличается от предыдущих тем что это кризис неолиберального капитализма, ставшего глобальным. Кроме того, он разразился в условиях, когда у человечества нет гарантированного будущего. Актеры международной политики знают об этой опасности, но меры, которые они принимают по спасению своих стран, по существу, углубляют эти кризисные тенденции, приближая человечество к точке невозврата. В конце двадцатого века неолиберальный капитализм «уткнулся» на географические границы и исчерпал внешние источники своего роста. Выход из положения капитал нашел в подстегивании военных технологий и искусственном поддержании завышенного потребительского спроса. Гонка вооружений требует их испытания, что порождает локальные и региональные войны, чреватые

перерасти в международные, а то и мировую войну с неминуемой глобальной катастрофой. Политика постоянного «принуждения» к потреблению ведет к росту долгов домохозяйств и государств, что как показывают события (2008 г.) в США и в мире оборачивается финансово-экономическим кризисом. Жизнь в долг, за счет будущего делает проблематичным наступление самого этого будущего. Подобная политика со временем неминуемо приведет к коллапсу финансово – экономической системы глобального капитализма. Кроме того, потребительский образ жизни усиливает антропогенное давление на природу, что быстрыми темпами приближает человечество к экологической катастрофе, о чем предупреждали еще в прошлом веке ученые «Римского клуба».

Попытка перехода на «зеленую» энергетику, принятая западными странами в связи с глобальным потеплением, свидетельствует о том, что в преодолении экологического кризиса нет быстрых и легких решений. Представляется, что «зеленая» повестка Запада определялась не только экологическими соображениями, но и вуалированным намерением выдавить Россию из европейского рынка углеводородов, чтобы лишить ее финансовых возможностей экономического и технологического прогресса. Сегодня эту геополитическую цель Запад уже и не скрывает. Блокируя поставки российского газа в Европу многие западные страны перешли на экологически «чистое» топливо – каменный уголь.

Наиболее значимым компонентом современного глобального кризиса, оказывающим существенное влияние на характер современной эпохи, является геополитический кризис. Он вызван ломкой мировой промышленной, экономической, технологической, военной архитектуры, которая сформировалась в конце двадцатого столетия. В последние тридцать лет центр мир-экономики и мир-истории перемещается из Северной Америки в юго-восточный регион Тихого океана. «В мире, – отмечал З. Бжезинский, – идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние, неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [6]. Монополярный мир постепенно сменяется многополярным. Вместо одного центра, которым видимо останется Запад во главе с англо-саксонскими государствами, возникнут, как видится, еще три. Один из них уже фактически определился. Это евразийская организация – ШОС, включающая девять государств (и более десяти кандидатов на вступление в это сообщество). В странах членах ШОС проживает на сегодня половина населения земного шара [7]. Есть основание полагать возникновение еще двух центров силы – один в Латинской Америке, другой в Африке. Можно сделать вывод что формирование многополярного мира происходит по цивилизационным основаниям. Объяснение

этого феномена обостряющиеся межцивилизационные противоречия в мире, что предсказывал С. Хантингтон.

Как свидетельствует история, ни одна империя добровольно не сдавала своих позиций. В этом причина возросшей конфронтации между Западом и Востоком, возникновение зон напряженности вокруг Китая и локальных конфликтов у границ России. Политика США в отношении Китая сводится к сдерживанию его развития, поскольку они видят в нем экономического и технологического конкурента, а в перспективе и опасного военного противника. Отношение же к России определяется тем, что на сегодня она является единственной в мире державой, которая обладает военным потенциалом сдерживания силовой имперской политики Америки. Поэтому оценка США России как опасного военного противника, которого необходимо устранить или как минимум ослабить настолько, чтобы она перестала быть значимым суверенным субъектом в мировой политике. Поэтому США в течение трех десятилетий вопреки данным еще руководству Советского Союза обязательствам упорно продвигали структуры НАТО к границам России. Цель такого продвижения получить возможность нанесения обезоруживающего удара и одновременно создание эффективной системы ПРО, гарантирующей защиту от ответа России. Но еще в семидесятых годах прошлого столетия человечество, осознав тенденцию формирования глобального взаимосвязанного, взаимозависимого целостного мира, пришло к пониманию того, что безопасность должна быть всеобщей или никакой. Этот императив получил конкретное выражение в нормах международного права. Целенаправленно создавая экзистенциальную угрозу России, особенно в результате военного освоения территории Украины, США и их союзники нарушили нормы международного права, в частности «принцип неделимости безопасности» [8].

Более десяти лет США и другие страны НАТО с нарастающей агрессивностью ведут гибридную войну с Россией. После начала специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины США вместе с союзниками стали фактически стороной конфликта. Учитывая количество стран, привлеченных США на борьбу с Россией и остроту этого противостояния некоторые аналитики не без оснований оценивают текущие события на Украине как третью мировую войну [9]. Для США наступил переломный этап истории: или она продолжит ослабевать и окончательно потеряет свое лидерство в мире, или сохранит архитектуру монополярного мира и усилит свою роль как мирового гегемона в двадцать первом веке. Россия тоже находится на переломном этапе своей истории. Она столкнулась с проблемой, сопоставимой с той, которую ре-

шал Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. В специальной военной операции Россия воюет не с Украиной, а с США и коллективным Западом (около пятидесяти стран), которые инструментализировали бывшую, наиболее успешную советскую республику, превратив ее в военного наемника для решения своих геополитических задач. Поражение России в этом противостоянии приведет к потере ее суверенитета и, возможно, государственности. Заключение мирного соглашения с милитаризованным нацистским, русофобским режимом будет означать лишь консервацию экзистенциальной угрозы для России, которая обернется новой более кровопролитной и масштабной войной чреватой обернуться мировой ядерной катастрофой. У нашей страны нет иного выбора кроме как добиться заявленных целей. Это будет способствовать дальнейшему ослаблению влияния США в мире и окончательной трансформации монополярного мира в многополярный. Одновременно завершится историческая эпоха господства неолиберального глобального капитализма.

Весьма значимым компонентом и, в то же время, фактором современного глобального кризиса является кризис международного права. Это проявляется в неспособности международного права адекватно и своевременно реагировать на современные вызовы и обеспечивать стабильный миропорядок. Кризис международного права рельефно выразился после возникновения монополярного мира, когда США вместе с союзниками объявили себя победителями в «холодной войне». Победители сочли правоммерным пересмотреть миропорядок, который установился после Ялтинских и Потсдамских соглашений. Фактически именно это и подразумевал Дж. Буш-старший, объявив в начале 90-х о наступлении «нового мирового порядка». Это означало, что отныне отношения между народами и государствами регулируются правилами, которые будут писаться правительством США. С тех пор разрыв между потребностями правового регулирования усложняющихся международных проблем и существующим международным правом постоянно возрастал. По оценке известного российского правоведа и политика В. Зорькина этот разрыв в настоящее время приблизил человечество к краю безумия [10].

Кризис современного международного права проявляется прежде всего в правовом нигилизме, принявшем характер повседневности, недогвороспособности субъектов права, практике двойных стандартов, отрицании однородности и изотропности правового пространства и селективном применении норм международного права, подмене правовых принципов в международных отношениях квазиправовыми понятиями: «диктаторские режимы», «страны-изгои» и т.д. Наиболее опытным субъектом в нарушении

ниях норм международного права являются США. По подсчетам автора этих строк США с конца пятидесятых годов четырнадцать раз осуществляли военное вторжение в суверенные государства на разных континентах земного шара, демонстративно нарушая основополагающие принципы международного права: суверенитета, территориальной целостности, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела государств и т.д. [11]. Приблизительно такое же количество цветных революций они организовали за последние тридцать-сорок лет по всему миру с целью свержения законной власти и передачи ее своей креатуре. Подобная политика «транзита демократий» была реализована американцами почти во всех республиках Советского Союза, в том числе и в России [12; 13]. Наиболее драматичным и опасным по своим последствиям оказалась «революция достоинства» на Украине в 2014 году. Конечно, мотивом государственного переворота, организованного США и их союзниками, было не освобождение украинского народа от «авторитарного, коррумпированного режима» В. Януковича, а геополитические интересы США.

Для придания законности своих действий США часто прибегают к инструментализации не только отдельных государств, но и международных институтов и организаций, призванных отстаивать принципы международного права. Подобная деятельность хотя и осуществляется непублично, тем не менее она приводит к снижению авторитета международных институтов и способствует девальвации международного права. Почему правительство западных стран потворствуют Америке в инструментализации своих государств? Потому что многие члены правительств этих стран является продуктом многолетней реализации инструментов «мягкой силы». Политическая элита Европы, особенно СМИ находятся не только под сильным влиянием, но и контролем США. Их оценка политики США совпадает с мнением американской элиты, уверовавшей в исключительную миссию Америки в мире. Показательна в этом плане точка зрения М. Тэтчер – авторитетного на Западе и у наших либералов английского политика. «Америка, – писала экс-премьер-министр, – это больше чем нация, государство или сверхдержава, именно в этом заключается ее идея, которая трансформировала и продолжает трансформировать всех нас. Америка уникальна своей мощью, богатством, мировоззрением» [14, с. 44]. Вывод европейского политика таков: «Единственным заслуживающим доверия внешним миротворцем являются Соединенные Штаты, а не ООН или Европейский Союз» [14, с. 276]. Тэтчер убеждена, что «ближайшие союзники Америки, особенно из англоязычного мира, должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки своей собст-

венной миссии» [14, с.44]. Европейские политики почти всегда следовали этим рекомендациям «железной леди», поддерживая своего патрона в устранении очередного «плохого парня» или осуществлении новой «цветной революции», невзирая на то, что такая деятельность является грубым нарушением норм международного права. И в собственной политике европейские государства, подражая «бастиону демократии» игнорировали международное право, тиражировали правовой нигилизм, превращая его в обыденное явление в международных отношениях. Достаточно вспомнить их санкции в отношении России (более 12 тыс. по оценке М. Мишустина) и других стран, отказ от выполнения подписанных ранее договоров и т.д.

Недоговороспособность, демонстрируемая большинством западных стран (в том числе их новым союзником – Украиной) является нарушением одного из базовых принципов международного права – *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Он зафиксирован в уставе ООН, в Венской конвенции о праве международных договоров [15]. Почему США считают для себя возможным публично, но чаще без особой огласки нарушать подписанные договора и международные обязательства, скажем, «Конвенцию о запрещении, разработке, производстве и накоплении запасов биологического оружия и об их уничтожении». То же самое можно сказать и о Конвенции, касающейся химического оружия. США вопреки обязательствам не уничтожили полностью созданное химическое оружие якобы из-за недостатка средства. Причину отказа США от выполнения договорных обязательств объясняет Дж. Сорос. «Ни одно международное соглашение не является абсолютно надежным. Всегда есть вероятность того, что один из участников не выполнит его положения... Опасность обмана усугубляется тем, что другие участники менее демократичны и не так открыты как мы. Перед лицом подобной опасности мы также вынуждены идти на обман» [16, с. 164]. Итак, отказ США от выполнения взятых на себя обязательств вполне оправдан, поскольку светочу демократии и свободы приходится иметь дело с варварскими, ущербными народами, которым по определению нельзя доверять. К тому же подписанные соглашения ограничивают свободу действий Америки.

Между тем, договорная реальность есть важная форма бытия права, где абстрактные, правовые нормы обретают конкретное содержание, придавая устойчивость, предсказуемость международным отношениям [17]. Недоговороспособность есть опасная форма правового нигилизма, который сдерживает развитие международного права и конфликтогенность в мире, ведет к деградации современной цивилизации права. Спрашивается, почему Европа колыбель правовой цивилизации содействует разрушению

цивилизации права. Ответ следует искать в особенностях военно-политической архитектоники в мире, которую умело выстраивали США во второй половине двадцатого века, но особенно активно после распада СССР. Как формировалась гегемония США в мире описывает З. Бжезинский. «Поскольку подражание американскому пути развитие постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия косвенной и *на вид консенсуальной американской гегемонии*. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимосвязанных институтов или процедур, предназначенных для *выработки консенсуса и незаметной асимметрии власти и влияния*. *Американское глобальное превосходство*, таким образом подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которые буквально *окутывают весь мир*» (выделено мной – Л.М.) [18, с. 39–40]. Заметим, что это подражание Америке активно осуществлялось и в девяностые годы нашими либералами. Оно затронуло не только политическую лексику «сенатор», «импичмент», «спикер», «белый дом» (как же мы теперь без «белого дома?»), но и важные сферы общественной жизни (образование, здравоохранение), а также институты. Отметим также, что тогда на ключевые должности в правительстве России люди назначались исключительно после согласования с администрацией США. От негативных последствий такого подражания наша страна не избавилась до сих пор. Отечественные либералы с умилением вспоминают девяностые годы, когда Россия и Америка активно сотрудничали друг с другом. Как понимают в США сотрудничество объясняет Дж. Сорос. Америка «признает лишь одну форму сотрудничества, при которой США принимают решения, а остальные подчиняются им» [17, с. 86].

Можно выделить три фактора, вызывающие девальвацию права: доктринальный, цивилизационный и геополитический [19]. Представляется, что в настоящее время геополитический фактор играет ключевую роль в разрушении цивилизации международного права. Неумное желание США сохранить во чтобы то не стало свою гегемонию в мире с использованием различных инструментов «жесткой силы» ведет к сползанию человечества к доисторическому пещерному праву силы. Институт, посредством которого США осуществляют свою имперскую роль в Европе – это НАТО. В последние годы в связи с перемещением центра мир-экономики и мир-истории в азиатский регион США распространили зону действия североатлантического блока в район Тихого океана. Вдобавок предпринимаются попытки создания здесь нового военно-политического блока, включающий помимо Америки ее союзников. Это будет азиатский аналог

НАТО. Понятно, что новый военный альянс будет принимать на «демократической консенсусной» основе такие решения, которые продвигают интересы США в ее противостоянии с Китаем и Россией. Парадоксальность ситуации заключается в том, что государство, являющееся одним из активных основателей ООН и международного права, целенаправленно убивает свое детище. Между кризисом международного права и нарастающими политическими противоречиями существует корреляция. Разрушая систему международного права, США фактически способствуют углублению глобального кризиса современной цивилизации. Какова будет судьба международного права? Оно будет дальше разрушаться, чтобы освободить место «правилам», которые пишутся в Вашингтоне или же человечество будет пользоваться достижениями цивилизации? Представляется что ответ на этот вопрос зависит от результатов специальной военной операции России на Украине. Решая собственные национальные задачи, Россия одновременно выполняет цивилизаторскую функцию, ломает систему доминирования Запада в международных отношениях. Без этого невозможно сохранение и укрепление справедливого миропорядка как условия свободного развития народов. Звучит пафосно, но это так.

Список литературы

1. Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. – Пермь: Перм. ун-т, 2016. – 128 с.
2. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М.: АСИ, 2015. – 288 с.
3. Бузгалин А., Колчанов А. Глобальный капитал. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 512 с.
4. Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. – 304 с.
5. Главная книга о кризисе: сборник (ред.-сост. Бузгалин А.В.). – М.: Яуза Эксмо, 2009. – 256 с.
6. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры в реальной политике // Комсомол. Правда. 13 февр. 2012 г.
7. Какие страны входят в ШОС / www.bolshoyvopros.ru (дата обращения 29.10.2022).
8. Заключительный Акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе. 01.августа 1975 г – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901862> (дата обращения 12.10.2022).
9. Рубини заявил о начале третьей мировой войны. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/10/29/947984> (дата обращения 29.10.2022).
10. Зорькин В. Кризис международного права: современный контекст // Российская газета. 20 июня 2014.
11. Мусаелян Л.А. Кризис международного права: цивилизационный и геополитический факторы // Вестник Пермского ун-та: Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 211–225.
12. Баранец В., Гамов А. Тайны расстрела «Белого дома» // Комсомол. Правда. 3 окт. 2008.
13. Мусаелян Л.А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского ун-та: Юридические науки. 2018. Вып. 39. С 36–52.

14. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. – М.: Алыгана паблишер, 2003. – 504 с.
15. *Венская конвенция* о праве международных договоров. 23 мая 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 12.10.2022).
16. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. – М.: Коов, 2014. URL: <https://coollib.com/b/46543/read> (дата обращения 12.10.2022).
17. *Лихачев В.* Два лица США // Российская Газета. 13 сент. 2013.
18. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.
19. *Мусаелян Л.А.* Об одной коллизии в международном праве и возможном способе ее разрешения // Вестник Пермского университета: Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 156–175.

ON SOME FEATURES OF THE MODERN HISTORICAL ERA

Leva A. Musaelyan

Perm State University

15, Bukirev St., Perm, 614068, Russia

The article reveals the meaning of the concept of “historical epoch” in its comparison with the concept of “socio-economic formation”. A meaningful analysis of the features of the modern historical era is given. It is shown that humanity is currently facing a deep global crisis that has affected all spheres of public life. The peculiarity of this crisis is that it is the result of the superposition of several crisis trends that intensified in the late 20th – early 21st centuries. The depth and scale of the crises that have erupted gives reason to conclude that humanity is at a turning point in its history. The crucial character of the modern historical epoch is revealed through the analysis of the formation crisis of neoliberal capitalism, the geopolitical crisis of the modern world order and the crisis of international law. Given the existential threats that call into question the preservation of sovereignty and even statehood, Russia is also at a turning point in history.

Key words: historical epoch, global crisis, west, turning point of history, USA, formation crisis, geopolitical crisis, international law.

УДК 11 + 13
DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-29-38

МИР И ВОЙНА В ЭПОХУ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Е.В. Бакеева

Доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
E-mail: elenabk2008@yandex.ru

Современная глобальная ситуация характеризуется неразличимостью состояний войны и мира, представляя собой своеобразную смесь того и другого. В рамках данной проблемы целью исследования выступает онтологическое осмысление феноменов мира и войны в контексте множественной и изменчивой реальности. Показано, что в рамках традиционной метафизики мир чаще всего трактуется как гармоничное единство сущего, характеризующееся разумной упорядоченностью, а война – как процесс/событие пересоздания миропорядка. Подобная трактовка отдаёт безусловный онтологический приоритет миру по отношению к войне. Проблематизация «метафизических сущностей», предпринимаемая рядом подходов современной философии, ставит под сомнение данное соотношение. Применительно к множественной реальности, исключающей универсальное начало мира, война и мир приобретают новые смыслы. Мир осмысляется как событийное единство, коренящееся в точке (момента) личностного акта трансцендирования, а война – как процесс различения своего и иного. Феномен личности трактуется в данном контексте как ключевое условие примирения и гармонизации.

Ключевые слова: мир, война, личность, единство, М. Хайдеггер, Ж.-Л. Нанси, С.Л. Франк.

Актуальность осмысления понятий (и, соответственно, самих феноменов) мира и войны в настоящее время едва ли нуждается в доказательствах. Мир (во всех смыслах этого слова) оказался под вопросом прежде всего в силу проблематизации категорий, его легитимирующих – таких, как единство, целостность, гармония, порядок и т.п. Здесь будет вполне уместным вспомнить о том, что древнегреческий мир-космос есть прежде всего прекрасное упорядоченное целое, а мир (*mundus*) как создание Творца в средневековой европейской онтологии выступает как нечто единое и характеризующееся разумным (точнее, сверхразумным) иерархическим устройством. Как только начинают шататься представления о монолитном единстве сущего (как бы это единство ни трактовалось), само по-

нятие мира оказывается проблематичным. Эта постепенная и все нарастающая эрозия «метафизических сущностей», так или иначе базирующихся на принятии и признании вышеупомянутого единства, поражает самые разные сегменты духовного и интеллектуального пространства современной глобальной цивилизации. Тот мозаичный, фрагментарный, хаотичный мир, который открывается человеку в современных философии, науке, искусстве, да и в повседневности, порождает сомнения в самой возможности все еще именоваться *миром*.

Аналогичные процессы характеризуют и смысловую трансформацию понятия войны в первые десятилетия XXI века. Подобно тому, как смысловое «истончение» понятия мира сопровождается его неуклонной инфляцией, выражающейся в появлении таких словосочетаний, как «мир шапок», «мир мебели» или «мир котлов» (!), применение понятия войны к характеристике все большего числа феноменов современной жизни (экономическая война, дипломатическая война, языковая война, культурная война и т.п.) приводит к полному размыванию смысла этого слова. Отсюда проистекает, и крайняя неопределенность броских высказываний типа «третья мировая война уже идет», так же, как и невозможность каким-то образом оценить ход и результаты войны: каждая сторона в условиях вышеупомянутой неопределенности может объявить себя победителем в соответствии с теми критериями победы, которые ей угодно будет использовать.

Вышеописанная ситуация, как представляется, требует переосмысления феноменов войны и мира прежде всего в онтологическом ключе; важно понять и проговорить *бытийный* смысл данных феноменов, неизбежно предвещающий иные их аспекты. Таким образом, в качестве *цели* нашего исследования выступает выявление онтологического смысла феноменов мира и войны в контексте современности, характеризующейся принципиальной изменчивостью, множественностью и фрагментарностью. В свою очередь, реализация данного замысла предполагает необходимость сопоставления этих принципиально новых моментов, отличающих существование и осмысление мира и войны в современную эпоху, с их традиционными (классическими) смыслами.

При всей условности утверждения и формулирования этих смыслов представляется возможным констатировать, что мир и война в их наиболее фундаментальном значении в контексте традиционной метафизики выступают прежде всего как модусы тотальности сущего: мир – как единство всего, что есть, в формате устойчивого порядка, гармонии, война – как состояние нестабильности этого порядка, в крайнем своем выражении

чреватое хаосом. Подобная трактовка мира и войны, восходящая в европейской мысли к древнегреческим досократикам, и прежде всего к учению Эмпедокла, при всей вариативности воспроизводится в философии вплоть до девятнадцатого столетия, озаменованного созданием диалектической концепции Г. Гегеля. Категория мира в рамках этой трактовки органично соединяет в себе всеобщность и согласие: разумный порядок, соединяющий все со всем, естественным образом стремится охватить собой все сущее. Подобный порядок может быть только единственным: любое отступление от него представляется срывом в хаос неразумия. Война же в контексте этой позиции неизбежно оказывается онтологически вторичной, коль скоро тотальность всегда предваряет и одновременно венчает собой любое изменение миропорядка.

Именно в гегелевской концепции это соотношение выступает наиболее отчетливым образом: все сложные и многообразные перипетии «борьбы противоположностей» оказываются здесь заранее охваченными единством Абсолютной идеи. Это единство заранее перекрывает собой и ключевую противоположность новоевропейской философии – противостояние субъекта и объекта, мышления и бытия: «Все остальное есть заблуждение, смутность, мнение, стремление, произвол и бренность; единственно лишь абсолютная идея есть *бытие, непреходящая жизнь, знающая себя истина и вся истина*» [1, с. 754].

Однако в этом совпадении «бытия» и «знающей себя истины» изначально кроется парадокс, обнажающийся в событии «конца метафизики», с наибольшей силой и выразительностью описанном М.Хайдеггером. Суть этого парадокса – в неизбежном раздвоении единства, которое предполагается каким бы то ни было *знанием*. Этот требуемый самой идеей знания раскол означает изначальную *невозможность мира*, к обретению которого и стремится знание. В этом отношении утверждение Хайдеггера о мировых войнах как следствии «бытийной оставленности» всего лишь констатирует неустранимую двойственность метафизического способа бытия и мышления, который «ставит все перед *собой* и тем противопоставляет другому» [2, с. 247]. Бытийная оставленность проявляется именно в стремлении поймать бытие в силки знания, но само это стремление выступает следствием разлученности сущего (прежде всего сущего «человек») и бытия.

В силу этого неизбежного противоречия мир (и как покой, согласие, гармония, и как тотальность сущего) всегда выступает предметом желания и всегда оказывается недостижимым. В самой сердцевине мира как «знающей себя истины» скрывается бесконечная война, в силу того, что к

самой сути знания принадлежит *властвование*: «В эпоху исключительного властвования власти, т.е. массивного напора на сущее для его использования до израсходования, мир становится немиром, поскольку Бытие хотя и пребывает, но как таковое не правит в своей области.<...> По ту сторону войны и мира – пустое блуждание, израсходование сущего для самообеспечения упорядочивающего устраивания от пустоты бытийной оставленности. “Война” и “мир”, видоизменившиеся до утраты своей сути, втянуты в общее блуждание и, нераспознаваемые из-за отсутствия Различия, растворились в пустом процессе нарастающего манипулирования всем, чем можно манипулировать» [2, с. 261].

Только возвращение к «самому Бытию», «хранение тайны Бытия», согласно Хайдеггеру, позволяет преодолеть «пустое блуждание по ту сторону войны и мира». Однако в этом призыве тоже кроется парадокс: отказ от активизма метафизического «израсходования сущего» сам, в свою очередь, требует *действия* – а именно, действия восстановления утраченной бытийной целостности. Но подобное действие по определению уже сопряжено с расколом изначального единства. Будучи нарушенным единством, это единство оказывается невозстановимым. Отсюда – только один шаг до утверждения иллюзорного, фантомного характера самого единства.

Именно этот момент становится предметом особого внимания мыслителей, входящих в когорту «борцов с метафизикой» или «логоцентризмом». Метафизика здесь трактуется уже не столько как мышление, отмеченное «забвением Бытия» и опредмечиванием сущего, сколько как неправомерное постулирование некоего единого бытийного фундамента, имеющего приоритет по отношению к множественности сущего. Именно в этом утверждении онтологически первичных «сущностей» упомянутые авторы видят корень войны: само по себе противопоставление изначального и производного, вторичного, заряжено и заражено враждебностью и разделением. Логос здесь оказывается орудием власти и подавления, легитимность которых удерживается только и исключительно сохранением вышеупомянутой метафизической иллюзии. Так, Ж. Деррида говорит о «первонасилии языка»: «Именованье, давать имена, которые иногда будет запрещено произносить, – таково первонасилие языка, или, иначе говоря, вписывание в различие, в классификацию, приостановка абсолютной звательности. Помыслить уникальное *внутри* системы, вписать его в систему – таков жест прото-письма: это прото-насилие, потеря “собственного” смысла (propre), абсолютной близости, самоналичия – по сути, потеря того, что никогда не имело места, самоналичия, которое не было реально дано, но лишь грезилось, всегда-уже-будучи раздвоенным, повторенным,

способным явиться лишь в момент собственного исчезновения» [3, с. 255]. Язык как таковой всегда уже чреват войной, которая теперь не может трактоваться как то, что ведется во имя мира. Безмятежность «самоналичия», свойственная миру, никогда не существовала, коль скоро сама констатация существования чего бы то ни было невозможна без языка, зараженного войной.

Признание данного обстоятельства позволяет уточнить тезис Хайдеггера об «утрате собственной сути войны и мира»: действительно, не только мир (как единство и согласие сущего), но и война (как средство изменения миропорядка) перестают быть таковыми. За метафизической оппозицией мира и войны начинает просвечивать движение, не имеющее начала и конца, так же, как не имеет начала и конца сам язык. Именно поэтому бессмысленны поиски «корня языка»: «Этот общий корень, который не является корнем, но скорее сокрытием (перво)начала, и не является общим, поскольку он приводит к общему лишь посредством упорной и достаточно разносторонней работы различения, это безымянное движение *самого различения...*» [3, с. 255]. Это движение, в силу своего безначального и бесконечного характера, не может быть понято ни как мир (единство и согласие просто не успевают оформиться в этом скольжении), ни как война (также предполагающая оформленность противоборствующих сторон). Любая форма оказывается здесь эпифеноменом, маскирующим то, что Ж.Деррида обозначает с помощью неологизма «различАние» (*differ-Ance*) [3, с. 22–24].

Этот бесконечный поток, разделяющий и соединяющий «вещи», всегда и неизбежно вторичные, не имеет альтернативы, и, соответственно, включает в себя элементы и мира (как того, что объемлет собой все сущее), и войны (как того, что предполагает постоянное пересоздание миропорядка). Данная констатация, на первый взгляд, совершенно бесплодна как в теоретическом, так и в практическом отношении; она не позволяет понять (концептуализировать) эту странную ситуацию, и одновременно не может служить опорой для действия (поступка). Это бессилие связано прежде всего с неуловимостью происходящего, которое не может быть ни миром, ни войной. Относительно невозможности квалифицировать современную мировую ситуацию как войну (даже войну всех против всех) предельно точно высказался Ж.-Л. Нанси в своем эссе «Экотехника»: «Таким образом, войны не нигде, однако повсюду имеются распри, разрушение, полицейское насилие, или же дикости, представляющие собой карикатуру на древнее сакральное насилие. Война – нигде и повсюду, не привязанная ни к какой цели и при этом не привязанная к себе самой как высшей цели» [4, с. 204].

Вместе с тем сам французский мыслитель, утверждающий сущностную связь войны и «суверенитета» (как безусловного *самоутверждения* со стороны кого бы то и чего бы то ни было) видит выход из этой безнадежной (ни войны, ни мира...) ситуации в том, чтобы «изобрести несuverенный смысл» [4, с. 208]. Несuverенный, по-видимому, означает здесь – не утверждающий себя в общем пространстве ценой вытеснения Другого. Очевидно, что подобный «несuverенный» смысл представляет собой нечто невозможное, если оставаться полностью в сфере имманентного, по определению предполагающего конвертируемость в общее, а значит, и неизбежную борьбу суверенитетов. Общее пространство (как реальное, физическое, так и ментальное), так сказать, небезразмерно, в силу чего мирное сосуществование возможно там только за счет иерархии и подавления. Эта невозможность мира в пространстве имманентного отчетливо осознается Нанси: «Мир <...> достигается этой ценой: ценой оставленного суверенитета, ценой того, что идет дальше, чем война, вместо того, чтобы всегда оставаться по эту сторону» [4, с. 212]. Очевидно, что это движение «дальше, чем война», не может быть в данном контексте чем-то иным, нежели *актом трансцендирования*, преодолевающим все, находящееся (существующее) *по эту сторону*.

Та инстанция, которая способна осуществить данный акт, обозначается французским философом парадоксальным выражением «бытие единичное множественное». Это выражение вполне соответствует духу «преодоления метафизики», предполагающего отказ от традиционного философского языка и изобретение своего рода «анти-языка». Между тем представляется, что подобная стратегия все еще остается в рамках метафизического дискурса, выступая, так сказать, его изнанкой. Радикальный разрыв с метафизикой означал бы как раз своего рода *безразличие* по отношению к языку, точнее – к его имманентному измерению. «Изнутри» этого разрыва оказывается очевидным, что метафизическая объективация бытия не содержится в словах, коль скоро и сами слова, и то, что за ними стоит и на что они указывают, коренятся *по ту сторону сущего*. Это означает, в свою очередь, что осуществленный акт трансцендирования освобождает мыслящего от связанности языком и возвращает словам и понятиям живой смысл, избавленный от метафизического гипостазирования.

Возвращаясь к осмыслению ситуации неразличимости мира и войны, мы попытаемся актуализировать одно из таких понятий, имеющих весьма неоднозначную репутацию в рамках современного философского дискурса. Речь идет о понятии *личности*, нередко подвергающемся сегодня ожесточенной критике именно в силу своего «метафизического» характе-

ра: за этим понятием как будто бы скрывается неправомерная (с точки зрения современных представлений о сложной и текучей реальности) субстанциализация человека или субъекта. Между тем в философской традиции (как в западной, так и в отечественной) представлены трактовки понятия личности, избегающие какого бы то ни было метафизического «окостенения». Один из примеров подобного рода – концепция личности Г. Марселя. Недвусмысленно отрицая правомерность осмысления личности в связке с понятием индивида [5, с. 92], Марсель предлагает трактовать личность в опоре на понятие действия как «того, что берется на себя»: «Следовательно, действие опосредует связь личности с ней самой. В действии раскрывается пехус, которым личность связана с самой собой, но нужно добавить, что она не находится вне этой связи. Существо, которое не было бы связано с собой, в строгом смысле слова оказалось бы принадлежащим к умалишенным и именно благодаря этому неспособным действовать» [5, с. 91]. Иными словами, действие и личность определяются только друг через друга, тем самым исключая соблазн субстанциализации личности. Так понятая личность не может стать предметом ни утверждения, ни отрицания, коль скоро и то, и другое – нечто данное, здесь же речь идет не о том, что дано (просто имеется), но рождается в действии «взятии на себя» ответственности за *все, что есть*.

Еще более явным образом этот парадокс личности как феномена, неуловимого в сети определений и констатаций, выражен в учении С.Л. Франка. Единственный способ реализации личностного начала, согласно Франку – акт трансцендирования *себя*, в котором любое «себя» выступает всего лишь материалом для преодоления, и, соответственно, лишено собственной значимости. Странным образом эта значимость (как и сам «субъект» действия, именуемый личностью – во всей его целостности и уникальности) рождается только в жесте отказа от своего устойчивого существования в имманентном: «Тайна души как личности заключается именно в этой ее способности *возвышаться над самой собой, быть по ту сторону самой себя* – по ту сторону всякого фактического своего состояния и даже своей фактической *общей* природы. <...> Самое внутреннее в нашей внутренней жизни, т.е. наиболее имманентное в нас, осуществляется и состоит лишь в *имманентном трансцендировании через чисто имманентную душевность*» [6, с. 579–580].

Именно актуализация этого парадоксального феномена выступает залогом существования (точнее, рождения) *несуверенного смысла*, преодолевающего присущий имманентности раскол. Движение «трансцендирования через чисто имманентную душевность» переносит центр тяжести

существования всякого *себя* (или самобытия, в терминологии С.Л. Франка), так сказать, с внешней на внутреннюю сторону границы этого *себя*. Иными словами, момент актуализации личности имеет центробежный характер, он *единит мир* вокруг смыслового ядра, возникающего в акте трансцендирования. Единство мира, основанное на личностном «фундаменте», обеспечивается не отталкиванием от Другого, но тяготением всего, что есть в мире, к этому смысловому центру.

При этом Другой (в конечном счете – другие миры, в неизбежно множественном числе) не включается в это смысловое единство насильственным образом, теряя при этом свою инаковость. Фиксация на «несуверенном смысле», выступающая центром притяжения личностно фундированного мира, не требует непрямого поглощения Другого, но, напротив, допускает инаковость, присущую измерению трансцендентного (в котором и обитает личность) по определению. Именно поэтому быть смысловым центром мира для личности означает одновременно – существовать перед лицом Другого.

В этой точке – границе имманентного и трансцендентного со всей очевидностью открываются бессмысленность войны и безальтернативность мира. Традиционный смысл войны как процесса пересоздания мира здесь полностью нивелируется: перестав быть единственным, мир перестает и нуждаться в бесконечном пересоздании. Мир не подлежит дележу и перестраиванию по одной простой причине: точка (момент) рождения мира не находится в пространстве общего, рождаясь всякий раз в уникальном акте трансцендирования. В этом акте рождения мира другие миры (миры Других, в пределе опять же сводимые именно к точке актуализации личности) оказываются насущно необходимыми – при всей своей инаковости. Эти миры выступают виртуальным фоном рождающегося мира, и личность как точка соприкосновения-разделения имманентного и трансцендентного существует (осуществляется) только вместе с этим фоном. Конфликты и противоречия в точке личности как действия трансцендирования также имеют виртуальный статус: существуя в «свернутом виде», они разворачиваются и усиливаются, приобретают все более непримиримый характер по мере того, как удаляются от своего личностного топоса.

Общезиристая ситуация, характерная для первых десятилетий нынешнего столетия (рост международной напряженности, увеличение числа международных конфликтов разной степени локальности, усиление степени гражданского противостояния внутри государственных и межгосударственных общностей), на наш взгляд, может быть интерпретирована как следствие и проявление ослабления личностного начала в существо-

вании современного «глобального» человека. Данный феномен обесмысливает любые попытки внешнего урегулирования конфликтов: сама способность к компромиссу, без которой любая попытка подобного рода обречена на провал, базируется на переживании «неотмирности» того смыслового стержня, на котором держится мир. Именно поэтому основной (но, разумеется, не единственный) вектор миротворческих усилий должен быть направлен, условно говоря, не «наружу», а «вовнутрь»: само возвращение в точку-границу мира (в личностный топос) имеет своим эффектом «обезвреживание» тех тенденций вражды и войны, которые в этой точке виртуально содержатся. Соответственно, внешняя активность личности, (вос)создающей себя в данном акте выхода в точку-границу мира, должна быть направлена не столько на преодоление и вытеснение Другого, сколько на предоставление места для аналогичной активности этого Другого.

Возвращаясь к цели нашего исследования, определенной как выявление бытийного смысла феноменов мира и войны в контексте онтологии множественности, можно сформулировать следующие выводы:

– множественная (принципиально несводимая к имманентному общему основанию) реальность предполагает осмысление мира как виртуального (событийного) единства сущего, рождающегося в личностном акте трансцендирования;

– война в этом контексте может быть истолкована как процесс/событие оформления мира, требующего различения *своего* и *иного*;

– преодоление состояния войны и обретение мира оказывается в рамках данной позиции невозможным в сугубо имманентном измерении, то есть в пространстве «внутримирного сущего»;

– *примирение* в виртуальном пространстве множественного бытия осуществляется только путем возвращения субъекта действия в личностную точку рождения-актуализации своего мира; состояние войны преодолевается здесь не в своих развернувшихся вовне проявлениях, но в движении переноса смыслового центра тяжести с отталкивания от *иного* на оформление *своего*.

Список литературы

1. Гегель Г. Наука логики. – СПб.: Наука, 2002. – 799с.
2. Хайдеггер М. Преодоление метафизики / М.Хайдеггер. Время и бытие. – СПб.: Наука, 2007. – 621 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad marginem, 2000. – 511 с.
4. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. – Минск: Логвинов, 2004. – 272 с.
5. Марсель Г. О понятиях действия и личности / Марсель Г. Опыт конкретной философии. – М.: Республика, 2004, с. 84-95.
6. Франк С.Л. Непостижимое / Франк С.Л. Соч. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 247–796.

*PEACE AND WAR IN THE AGE OF PLURALITY**Elena V. Bakeeva*

Ural Federal University

19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia

The current global situation is characterized by the indistinguishability of the states of war and peace, representing a kind of mixture of both. Within the framework of this problem, the goal of the study is an ontological understanding of the phenomena of peace and war in the context of a multiple and changing reality. It is shown that within the framework of traditional metaphysics, the world is most often interpreted as a harmonious unity of existence, characterized by reasonable orderliness, and war as a process/event of the re-creation of the world order. Such an interpretation gives unconditional ontological priority to peace over war. The problematization of “metaphysical entities”, undertaken by a number of approaches of modern philosophy, casts doubt on this ratio. With regard to multiple reality, excluding the universal beginning of the world, war and peace acquire new meanings. The world is comprehended as an event unity, rooted in the point (moment) of the personal act of transcending, and the war is as a difference between one's own and the other. The phenomenon of personality is interpreted in this context as a key condition for reconciliation and harmonization.

Key words: peace, war, personality, unity, M. Heidegger, J.-L. Nancy, S.L. Frank.

УДК 316.214
DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-39-51

ИДОЛ КОНКУРЕНТОСПОБНОСТИ ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ

Р.Л. Лившиц

Доктор философских наук, профессор
свободный исследователь
188000, Гатчина
E-mail: rudliv@yandex.ru

В современной педагогической науке популярна идея, согласно которой важнейшей задачей системы образования является формирование конкурентоспособной личности. Эта идея органична для либеральной идеологии, положенной в основу антисоветского проекта преобразования нашей страны. После 24 февраля стало совершенно ясно, что «возвращение России в мировую цивилизацию» не состоялось. Следовательно, нужна кардинальная смена вех, в том числе и идеологических. В конкуренции между глобальными игроками преимущество принадлежит обществу с солидарным типом жизнеустройства, а не социуму, который состоит из атомизированных субъектов, ведущих борьбу за личное преуспеяние. В новых условиях актуальной становится установка не на воспитание конкурентоспособной личности, а на формирование командного духа, преданности общему делу, профессии, Родине.

Ключевые слова: либеральный проект, солидарный тип жизнеустройства, конкурентоспособная личность, командный дух.

Тема настоящей статьи побуждает меня начать ее нетрадиционно – с одного личного воспоминания. В 2014 году в Благовещенске состоялась научно-методическая конференция «Инновационные технологии в совершенствовании качества образования». Организаторы конференции предлагали коллегам обсудить и такую тему, как формирование средствами педагогики конкурентоспособной личности. В литературе этот вопрос оживленно обсуждался, и некоторые высказанные по нему позиции вызывали у меня острое желание вступить в полемику. Вот типичные примеры высказываний, касающихся сюжета, о котором идет речь: «С вхождением России в Болонский процесс, переходом системы высшего образования на многоуровневую структуру возрастает потребность в становлении конкурентоспособного преподавателя вуза, способного подготовить специали-

стов, отвечающих общеевропейским запросам» [1, с. 41]. (Заметим в скобках, что выражение «конкурентоспособный преподаватель, способный...» не свидетельствует о том, что его автор является конкурентоспособным работником вуза.) Еще одно суждение такого же рода: «Становится очевидным, что теперь будущему специалисту уже недостаточно обладать лишь прочным запасом профессиональных знаний и уметь применять их в практической деятельности, необходимо быть по-настоящему конкурентоспособной личностью, способной уверенно заявить о себе на международном рынке труда» [2, с. 271]. (Кстати, тот же стилистический недостаток.) Вот другая сентенция такого же рода: «В современных условиях на рынке труда на первое место выходит такая характеристика личности, как конкурентоспособность. Данное понятие ассоциируется с успехом в профессиональной сфере. Главное психологическое условие успешной деятельности в любой области – это уверенность в своих силах» [3, с. 214]. С этим высказыванием вполне солидарен другой автор: «Изменения, происходящие в социальной и экономической сферах России, необходимость включения российского общества в общемировые процессы, стремительный технологический процесс влекут за собой потребность в конкурентоспособных специалистах» [4, с. 69]. Такова же позиция еще одного исследователя: «Развитие и саморазвитие конкурентоспособного специалиста в условиях гуманизации высшей школы является одной из важнейших задач современного образования» [5, с. 74].

Аналогичные по смыслу утверждения делались не только в кратких статьях, опубликованных в провинциальных изданиях, но и в обстоятельных трудах, адресованных широкому кругу читателей. Так, в книге М.Л. Митиной содержится следующее заявление: «Цель образования сегодня заключается в том, чтобы подготовить конкурентоспособную личность, востребованную на рынке труда...» [6, с. 5]. Как видно из приведенных цитат, количество которых можно без труда умножить, формирование конкурентоспособной личности рассматривается рядом авторов как актуальная задача педагогики, диктуемая глубинными императивами современности. Вопрос о сути социального проекта, в рамках которого такая задача была осознана как актуальная, при этом не обсуждался и не анализировался. Все это побудило нас обозначить свою позицию по данному вопросу. Она была изложена в докладе на пленарном заседании, тезисы которого опубликованы [7].

Коротко суть нашей точки зрения сводилась к следующему. Формирование конкурентоспособной личности кажется, на первый взгляд, делом важным и нужным, потому что способствует повышению ее активности и

более полному раскрытию ее способностей. Воспитывая такую личность, мы создаем благоприятные условия для ее продвижения по лестнице социальных позиций, для ее успешной самореализации и, следовательно, для ее максимального вовлечения в процесс социального созидания. В результате обеспечивается динамичный общественный прогресс, основанный на справедливом распределении функций: простой исполнительский труд, достается людям посредственным, не склонным истязать себя трудом, а сложные творческие виды труда берут на себя те работники, которые блистают талантами, обладают трудолюбием, целеустремленностью и прочими достоинствами, свойственными конкурентоспособной личности. Логика просто безупречная! Но более внимательное рассмотрение вопроса заставляет усомниться в том, что первое впечатление является верным. Дело заключается в том, что эта логика находится в грубом противоречии с фактами реальной жизни.

Самый простой, лежащий на поверхности факт состоит в следующем: максимальных успехов Россия добилась в тот период своего развития, когда в общественном сознании безусловно господствовала ценность коллективизма. «Прежде думай о Родине, а потом о себе», «Жила бы страна родная, и нету других забот» – вот те максимы, которые усваивал каждый советский ребенок чуть ли не с детского сада. И не только усваивал на уровне знания, но и потом, перешагнув порог взрослости, воплощал в жизнь. Советский Союз сумел провести ураганную модернизацию не только по той причине, что был руководим людьми, глубоко осознающими историческую необходимость мобилизационного рывка, обладающими стальной волей и выдающимися организаторскими способностями, но и потому, что в советские люди в своей основной массе являлись убежденными коллективистами.

Отказ от советского проекта означал пересмотр всей системы идеалов и норм. Так, жадность, осуждаемая социалистической моралью как порок, в новой системе нравственных норм приобрела статус добродетели, причем едва ли не самой главной; а бескорыстие, напротив, превратилось в объект насмешек. Эрозия не могла не затронуть и такую чувствительную сферу, как взаимоотношения личности и общества. В глазах победившего ларечника (и выражающего его мировоззрение либеральной идеологической obsługi) коллективизм стал восприниматься как пережиток прошлого, как проявление «совкового мышления», в общем, как социальная архаика, от которой нужно поскорей избавиться. Образ общества-семьи, господствующий в сознании советских людей, стал настойчиво вытесняться образом общества-рынка. В этом последнем никто никому ничего

не должен, и каждый индивид ведет свою борьбу за лучшее место под экономическим солнцем. Одно из наиболее вульгарных проявлений этой тенденции – попытка на уровне официальной идеологии и государственной политики придать труду педагога статус «образовательных услуг». И установка на формирование конкурентоспособной личности вполне логично укладывается в либеральную мифологию.

Однако весь исторический опыт говорит о том, что общество, в котором культивируется конкурентоспособность личности, гораздо менее успешно в мировой конкуренции, чем то, где торжествует коллективизм. И, наоборот, лишь общество коллективистов, сплоченных общими целями и объединенных командным духом, в состоянии добиваться значимых результатов, позволяющих быть в авангарде технологического, экономического и социального прогресса. В этой связи уместно сопоставить успехи в истязаемой либеральными реформами России и в Китае, где коммунисты в своей деятельности опираются на конфуцианскую традицию.

Участники конференции восприняли высказанные в докладе идеи более чем благосклонно. И в официальных выступлениях других докладчиков, и в кулуарах я встретил полную поддержку моей позиции. Из этого факта следовал логичный вывод, что насаждаемая сверху либеральная идеология, с позиций которой преподавательский труд есть оказание образовательных услуг, осознанно отторгалось педагогическим сообществом. Такая идеология противна самому духу учительства. Вместе с нею отвергалась и установка на формирование конкурентоспособности личности как на значимую цель педагогической деятельности. Данный факт позволял надеяться на то, что здравый смысл восторжествует, а либеральные доктрины от педагогики получат достойный ответ.

Увы! Этот оптимизм был чрезмерен. За 8 лет, что прошли с момента проведения конференции в Благовещенске, где был сделан упомянутый доклад, появилась масса публикаций, в которых по-прежнему безо всякого пристрастия доказывается необходимость формирования конкурентоспособной личности и расписываются прелести, кои из этой самой конкуренции проистекают. Вот высказывание, относящееся уже к 2017 году: «Подготовка конкурентоспособного специалиста является одной из наиболее актуальных задач в области высшего профессионального образования» [8, с. 71]. А вот цитата из статьи, опубликованной годом позже: «Ясно, что ему (современному обществу – *Р.Л.*) требуются современно образованные, нравственные люди, способные самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, обладающие чувством ответственности за судьбу страны. Только и этого уже мало. Необходимо прививать идеоло-

гию предприимчивости, пропагандировать предпринимательскую культуру, нацеливаясь на формирование конкурентоспособной личности» [9, с. 71]. В том же 2018 году увидел свет материал под весьма красноречивым заголовком: «Конкурентоспособная личность – требование времени», написанный старшим преподавателем Марийского государственного университета З.Ю. Максимовой [10]. «В настоящее время, – пишет автор, – подготовка будущего учителя органически вплетена в канву строительства новой экономики, связанной с развитием неценовой конкуренции. Конкурентная экономика требует на переднем крае конкурентоспособных личностей, в полной мере реализующих задачи воспитания обучающихся в общеобразовательных организациях, способных к самовыживанию, к конкурентной борьбе на различных уровнях» [Там же, с.92]. Из этого высказывания трудно понять, к чему относятся слова «способных к самовыживанию»: к учащимся или к организациям, в которых они учатся. Такая ошибка в школьном курсе русского языка называется амфиболией. Нелегко также уразуметь, почему автор связывает необходимость формирования конкурентоспособных личностей с развитием именно ценовой конкуренции (т.е. конкуренции, основанной не на понижении цены, а на улучшении качества товаров и/или услуг). А ценовая конкуренция уже таких личностей не требует? Важно ведь не то, какой вид конкуренции в настоящий момент преобладает, а то, является ли конкуренция принципом социальной организации. Что перед нами: общество солидарного типа или общество, в котором процесс атомизации завершился, т.е. такое, где принципом жизни является всеобщая грызня (извините, конкуренция). Но не станет отвлекаться на частности, попытаемся проанализировать вопрос по существу.

Мы привели лишь малое количество высказываний, которые свидетельствуют о том, что вопрос вовсе не потерял актуальности, что определенная (и весьма заметная) часть педагогического сообщества продолжает верить в благодатную силу конкуренции. Как и в то, что задача педагогики – формировать личность, нацеленную на победу в жизненной гонке за символами успеха.

Не подлежащий сомнению факт состоит в том, что нам выпала судьба жить при капитализме, т.е. в обществе, где безраздельно господствует рынок. (И здесь, кстати, все имеет цену, даже если она не обозначена на этикетке.) И в этом обществе каждому человеку и каждой организации действительно приходится бороться за «самовыживание» в «конкурентной борьбе на различных уровнях». Люди, разделяющие веру в спасительную миссию рынка, такое положение вещей воспринимают как естественное

(богом данное) и безальтернативное. Среди таких людей есть и педагоги, которые из этой веры делают вывод, что их задача – всячески споспешествовать формированию конкурентоспособности у будущих специалистов. Но ведь учитель может научить лишь тому, что он сам знает или умеет. Так, человек, не имеющий голоса и слуха, не может и не вправе учить кого бы то ни было вокальному мастерству, а тот, кто не способен отличить Канта от Конта, – философии. Ирония ситуации состоит в том, что среди энтузиастов конкуренции мы видим по преимуществу людей, занимающих весьма скромные социальные позиции. Когда прелести конкуренции воспевает банкир, крупный чиновник, академик или, на худой конец, ректор вуза, зарабатывающий в год миллионы, психологически это объяснимо. Они смогли добиться в жизни многого, сумели вскарабкаться по социальной лестнице на ее верхние ступени. Но когда о том же восторженно возглашает старший преподаватель без ученой степени и звания... Это выглядит по меньшей мере странно и, пожалуй, даже комично. Если рассуждать не на индивидуальном, а на социальном уровне, то мы, представители учительского сообщества, вообще не имеем морального права учить конкурентоспособности, поскольку в современном российском обществе наш статус крайне низок. Строго говоря, в глазах подрастающего поколения школьные учителя, равно как и преподаватели вузов, – это люди, «не вписавшиеся в рынок», потенциальные нищоброды, лузеры в чистом виде. Таковы плоды мудрой политики политического руководства страны, рассматривающей учительство как социальную группу, предназначенную к маргинализации. И нам ли петь дифирамбы конкуренции?

Представление о безусловной и абсолютной благотворности конкуренции – один из базовых мифов либерализма, прямо и непосредственно вытекающий из мифа о невидимой руке рынка. Когда-то, во времена Адама Смита, этот миф имел прогрессивное содержание, ибо был направлен на разрушение феодальных общественных отношений, тормозящих развитие выросших производительных сил. Но с тех пор много воды утекло, сам капитализм превратился в преграду для прогресса. Предпринятая в Советском Союзе грандиозная попытка построить общественные отношения на социалистических принципах продемонстрировала всему миру, насколько мощный созидательный потенциал имеется у общества солидарного типа. Советский Союз смог вырваться из мировой системы капитализма и направить свои ресурсы на благо своего народа, а не на обогащение стран капиталистического ядра. Всемирно-историческое поражение советского проекта – вовсе не свидетельство нежизнеспособности социализма, а в значительной мере – результат изначального неравенства сил.

Как справедливо отмечает Л.А. Мусаелян, «значимым (если не существенным) фактором, определившим исход экономического соревнования СССР и США, были неодинаковые их экономические и геополитические стартовые позиции» [11, с. 33]. Обоснованием сдачи всех достижений советского народа была идеологема «возвращения в лоно мировой цивилизации». В рамках этой идеологемы весь советский период развития нашего общества изображается как «выпадение из лона мировой цивилизации», «путь в никуда», «исторический тупик», а советское общество – как искусственная конструкция, социальный мутант, чудовищная ненормальность. И лишь победа в 1991–1993 гг. «сил света и добра» положила конец всему этому безобразию, открыв для России возможность вернуться в лоно мировой цивилизации.

Три десятилетия, что прошли с тех пор, – достаточный срок, чтобы оценить результаты этого «возвращения». Вкратце итоги деятельности реформаторов подведены в статье Л.А. Мусаеляна [12]. В ней на большом фактическом материале показано, что они, в общем и целом, неутешительны. Экономика приобрела уродливую сырьевую направленность, социальное расслоение углубилось до немыслимых пределов, произошло отчуждение народа от власти и власти от народа, сложилась авторитарная политическая система, слегка прикрытая демократическим флером, приобрел массовый характер правовой нигилизм. К этому можно добавить утрату технологической самодостаточности, а также неблагоприятную демографическую ситуацию, кризисные процессы в таких системах жизнеобеспечения, как здравоохранение и образование, и многое, многое другое. В общем, поход в «лоно мировой цивилизации» завершился полным провалом.

Отечественные вдохновители и организаторы означенного «возвращения» либо по наивности, либо по недомыслию, либо по каким-то другим причинам полагали, что Россию, освободившуюся от «тяжких оков тоталитаризма», радушно примут в семью «цивилизованных народов», т.е. позволяет ей присоединиться к «золотому миллиарду», жирующему за счет неэквивалентного обмена со странами капиталистической периферии. Но у другой стороны были на этот счет иные планы. Уничтожение советского проекта рассматривалось нашими конкурентами не как конечная цель, а лишь как промежуточный результат, как первый тайм поединка в борьбе без правил. За ликвидацией Советского Союза должен был последовать развал постсоветской России и полная утрата ею политической субъектности. Все эти цветные революции и многочисленные военные конфликты, вспыхивающие по периметру России, удавшиеся и неудав-

шие попытки государственных переворотов в ближнем зарубежье преследовали одну цель – полное устранение мировым гегемоном своего геополитического соперника, окончательное и бесповоротное превращение нашей страны в территорию, чье единственное назначение – исправно поставлять дешевые сырьевые ресурсы в страны капиталистического ядра. Наибольшего успеха «цивилизованный мир» добился на Украине, приведя там к власти неонацистский режим, который должен, согласно замыслу американских стратегов, стать тараном против России, привести ее к полному экономическому и политическому краху.

Разумеется, такая перспектива не устраивала ни правящую элиту Российской Федерации, ни народ. Фактически мировой гегемон поставил нашу страну перед выбором: либо война, либо исчезновение с политической карты мира.

24 февраля 2022 года – не просто одна из дат в истории России. В сущности, это рубеж, зримо отделяющий одну историческую эпоху от другой. Подобно тому как выстрелы из танковых орудий по зданию Верховного Совета РСФСР 4 октября 1993 года возвестили завершение советского периода истории нашей страны, первые удары, нанесенные 24 февраля 2022 года российскими войсками в рамках специальной военной операции, ознаменовали провал антисоветского проекта и начало новой исторической эпохи. Россия приняла вызов, брошенный ей мировым гегемоном. Де-факто произошел крах похода в «лоно мировой цивилизации». Де-юре этот провал пока никак не оформлен, а изменения, произошедшие в идеологической сфере, не соответствуют ни масштабам, ни характеру случившегося. Да и институционально Россия остается прежней, копирующей «цивилизованные страны».

Если до 24 февраля еще можно было возлагать какие-то надежды на «невидимую руку рынка», якобы ведущую ко всеобщему благу, а также на конкуренцию как фактор, способный обеспечить поступательное движение общества по пути прогресса, и на индивидуализм как на жизненный принцип, мобилизующий созидательные силы человека, то после этой даты такая возможность исчезла. Россия вступила в новую полосу эволюции, требующую предельной концентрации ресурсов и сил общества. Нам не остается ничего иного перед лицом грозящей опасности, как перейти к мобилизационному типу развития. О неизбежности такого поворота событий я писал еще в 2015 г. Рискую навлечь на себя обвинения в отступлении от принятых правил, процитирую соответствующее высказывание: «Теперь, когда против России началась новая холодная война, смена общего вектора политики становится не просто желательной, но жизненно необ-

ходимой. Фактически речь идет о том, чтобы совершить новый мобилизационный рывок» [13, с. 75].

Но в рамках того типа жизнеустройства, который сложился в России в результате попыток вернуться в «клоно мировой цивилизации, этот рывок не может быть осуществлен, ибо мобилизация требует не частных косметических мер, не исправления «отдельных недостатков», а коренных преобразований всех сфер общественной жизни. Главная из них – экономика. Наладить производство необходимого для победы в войне количества самолетов, танков, пушек, боеприпасов и всего прочего, полагаясь на свободную игру рыночных сил, не получится. Нужна плановая экономика, в она немыслима без национализации базовых отраслей индустрии. Пока между потребностями общества и государством будут посредники, план останется благим пожеланием, рекомендацией, а не приказом. Мобилизация предполагает и принципиальные изменения в социальной сфере. Чтобы общество действовало как единый слаженный механизм, необходимо устранить вопиющее социальное неравенство, которое его раздирает. В Великой Отечественной войне народ сражался не просто за Отечество, а за Отечество социалистическое, т.е. такое, в котором равные шансы на самореализацию имел и сын колхозника, и сын министра. Но в обществе, расколотом глубокими трещинами социальных антагонизмов, массовый героизм невозможен. Как власть может взывать к патриотизму и самоотверженности, если совсем недавно она навязала трудящимся пенсионную реформу, чувствительно ударившую по интересам десятков миллионов россиян?

Мобилизационный рывок невозможен без концентрации политической воли, без единого командного центра. Но этот центр должен выражать общую волю трудящихся масс, а не представлять интересы узкой группы лиц, «вписавшихся в рынок» благодаря грабительской приватизации. В настоящее время политическая система РФ устроена таким образом, что «Единая Россия» уверенно побеждает на выборах любых уровней независимо от реального хода дел. Манипулятивные технологии, которые при этом используются, позволяют сохранять подобный порядок вещей неопределенно долго. Но дело заключается в том, что после 24 февраля условия изменились, причем самым драматическим образом. В новую эпоху отчуждение народа от власти становится для страны не просто непозволительным, а крайне опасным.

Не может оставаться в прежнем виде и духовная сфера общественной жизни. Россия подошла к рубежу 24 февраля с набором символов и идеологием, почерпнутых на потребу дня из несовместимых идеологиче-

ских систем. Как совершенно справедливо отмечает ультралиберал Ю.Г. Ершов, идеология современной российской власти «противоречива и иррациональна, эклектически соединяя Великую Победу и “власовский” триколор, православную империю и атеистический Советский Союз, “братство народов свободных” и “фиктивный” федерализм и т.д. по весьма обширному списку» [14, с. 12]. Но в этой идеологии (при всей ее хаотичности) есть константа, вытекающая из самой сути капиталистических общественных порядков. Она состоит в культе индивидуального успеха [15; 16]. Всей мощью современных СМИ, всей системой образования людям внушается мысль, что смысл жизни – в достижении личного преуспевания. «Прежде думай о себе, а потом о Родине» – вот базовый жизненный принцип, который должен впитать с молоком матери ребенок, коему посчастливилось появиться на свет в послесоветской России. И педагогика как сфера деятельности, прямо и непосредственно занимающаяся формированием личности, этот принцип воспринимает как рабочее задание. Таков, собственно говоря, социальный исток всех глубокомысленных рассуждений на тему воспитания конкурентоспособной личности. Их ни в коем случае нельзя трактовать как теоретические размышления в связи с социально значимой проблемой. Здесь, по существу, имеет место обслуживание идеологических нужд властвующего меньшинства, чистой воды конъюнктурщина, «предвзятая угодливая апологетика» (К. Маркс). В изменившихся условиях весь корпус как бы научных текстов, до небес превозносящих конкурентоспособность, обречен на забвение. Это теперь никому не интересная макулатура вроде трудов академика М.Б. Митина, прочно и вполне заслуженно забытых.

Общественная ситуация необратимо изменилась, и прежние идеалы волею исторических обстоятельств превращаются в идолы.

24 февраля отделяет период, когда еще можно было питать иллюзию, будто «невидимая рука рынка» приведет страну ко всеобщему благу, от времени, когда для такой иллюзии почвы не остается.

Наступает эпоха мобилизации, а она требует не свободной игры эгоцентрически мотивированных индивидов, а сплоченных действий масс, воодушевленных общей идеей. В новой реальности, в которую мы вступаем, мерилом индивидуального успеха становится вклад в общее дело, а не размер банковского вклада. Отсюда вытекает, что требуется коренным образом изменить сетку мировоззренческих координат. Вся система идеологического воздействия на человека, и система образования в первую очередь, должна быть направлена не на формирование расчетливого индивидуалиста, обладающего умением преподнести в выгодном свете свои (ре-

альные или мнимые) достижения, а на воспитание сознательного коллективиста, готового отдать все силы на решение общей задачи и воспринимающего свой труд не как способ заработка, а как общественное служение. Помыслы такой личности сосредоточены не на индивидуальных успехах, а на общих свершениях. Ей понятен и близок командный дух, ее отличает преданность своему делу, избранной профессии, Родине. Российские педагоги в своей основной массе реальными обстоятельствами своего бытия и быта предрасположены к решению такой задачи.

В атомизированном обществе, куда нас ввели 30 лет, главным и, по существу, единственным критерием успеха являются деньги. Мобилизационный рывок, который нам необходимо совершить, требует принципиально иного подхода к способам общественного признания социальной ценности человека. Не деньги – а публично выраженное уважение к реальным заслугам работника – вот что в новых условиях актуально для общества. Это, конечно, не отменяет необходимости материального стимулирования за честный и добросовестный труд, но побуждает к делегитимизации и общественному осуждению социального паразитизма в любой его разновидности. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Подведем итог.

1. Задача формирования конкурентоспособной личности была поставлена в социально-гуманитарных науках в условиях, когда происходило «возвращение России в лоно мировой цивилизации», т.е. воплощался в жизнь либеральный (антисоветский) проект преобразования страны.

2. До 24 февраля 2022 года еще можно было питать иллюзии относительно перспективности названного проекта, но после этой даты почва для них окончательно исчезла.

3. Сохранить историческую субъектность в наступающую эпоху Россия может только при условии перехода к мобилизационному типу развития.

4. Мобилизация требует радикальной смены экономических, социальных, политических и духовных вех. В частности, установка на формирование расчетливого индивидуалиста, умеющего вести борьбу за лучшее место под экономическим солнцем, становится вредной и опасной.

5. На новом этапе исторического развития востребован иной идеал личности: коллективиста, воспринимающего свою жизнь и деятельность не как способ обретения символов жизненного успеха, а как общественное служение.

6. И чем раньше будет свергнут идол конкурентоспособности с пьедестала, на который он был водружен преданными без лести теоретиками, тем лучше для предстоящего дела.

Список литературы

1. *Бибик И.А.* Формирование качеств конкурентоспособной личности профессионала в условиях специальной подготовки // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2009. № 11 (68). С. 41–48.
2. *Данилова Т.А.* Формирование конкурентоспособной личности в образовательном процессе вуза // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 88. С. 270–276.
3. *Подосинников С.А.* Структурные характеристики конкурентоспособной личности // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной экологии. 2006. № 8(21). С. 214–217.
4. *Хайдарова А.Р.* Проблемы формирования конкурентоспособной личности студента в образовательном пространстве среднего профессионального образования // Вестник Камчатского политехнического техникума. 2011. № 5. С. 69–73.
5. *Солодкова И.М.* Творческое саморазвитие как принцип формирования конкурентоспособной личности средствами иностранного языка // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 9. С. 74–76.
6. *Митина М.Л.*, Психология развития конкурентоспособной личности: учебно-методическое пособие. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК. – 400 с.
7. *Ливищ Р.Л.* Конкуренция и солидарность в контексте педагогики / Инновационные технологии в совершенствовании качества образования / Материалы международной научно-методической конференции (г. Благовещенск, 30–31 января 2014 г.) Часть 1. Благовещенск: 2014. С. 36–41.
8. *Рахуба Л.С.* О развитии конкурентоспособной личности студента как субъекта учебной деятельности в процессе гуманитарной подготовки / Социально-гуманитарные исследования. Сборник научно-методических трудов. М.: 2017. С.71-79.
9. *Степаненко Г.Н., Бухараев В.М.* Воспитание конкурентоспособной личности как общая проблема современной образовательной правовой образовательной политики / Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки Республики Татарстан. Казань. 2018. С. 70–74.
10. *Максимова З.Ю.* Конкурентоспособная личность – требование времени / Подготовка педагогических кадров в системе высшего образования: история, современность и перспективы. Материалы региональной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2018. С. 92–95.
11. *Мусаелян Л.А.* Исторический процесс и глобализация. Пермь: Издательский центр ПГНИУ. 2016. – 158 с.
12. *Мусаелян, Л.А.* Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. Вып. 39. С. 36–52.
13. *Ливищ Р.Л.* Необходимость нового цивилизационного рывка / Образы будущего России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре. Изд-во АмГПУ. 2015. С. 67–78.
14. *Ершов Ю. Г.* Идеологический миф в обществе сорванной вестернизации // Koinon. – 2022. – № 2.Vol. 3. С. 9–25.
15. *Боднарский А.* Культ успеха как идеология современной России URL: https://scepsis.net/library/id_4002.html (дата обращения 29.09.2022).
16. *Ливищ Р.Л.* Казаться и быть: смысложизненные ориентации личности в меняющемся мире // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Вып.3 (75). – С. 36–44.

THE IDOL OF COMPETITIVENESS AFTER FEBRUARY 24

Rudolf L. Livshits

Free researcher

Gatchina, 188000, Russia

The formation of a competitive personality is considered to be the most important task of the education system in modern pedagogical science. This idea is organic to the liberal ideology that underlies the anti-Soviet project for the transformation of our country. After February 24, it became absolutely clear that “Russia's return to world civilization” did not take place. Therefore, a cardinal change of milestones, including ideological ones, is needed. In the competition between global players, the advantage belongs to a society with a solidary type of life arrangement, and not to a society consisting of atomized subjects fighting for personal prosperity. Considering new conditions, the formation of a competitive personality is not actual any more. We must focus on a team spirit development as well as devotion to a common cause, profession, and Motherland.

Key words: a liberal project, a solidary type of life arrangement, a competitive personality, a team spirit.

СУЩНОСТНЫЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЫСШИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АТРИБУТОВ МАТЕРИИ

Ю.В. Лоскутов

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: yuri-loskutov@mail.ru

Сущностные силы человека, будучи атрибутами социальной субстанции, являются также высшими проявлениями атрибутов всеобщей материальной субстанции. Социальное пространство – это высшая форма пространства, отличная от физического пространства, а социальное время – это высшая форма времени, отличная от физического времени. Человек производит отбор природных шкал для измерения социального времени и социального пространства, в результате чего отобранные шкалы составляют в этом измерении уровень включенного низшего, а не отобранные – уровень не включенного низшего. Базовыми формами собственно социального времени выступают проект и игра, определяющиеся через противопоставление друг другу. При этом проект, как выражение необходимого характера человеческой деятельности, является ведущей формой социального времени, а игра, выражающая случайную сторону деятельности, – дополнительной формой измерения социальной темпоральности. Человеческая материальная субъектность – это высшая форма субъектности как атрибута материи, как активной стороны материальной субстанции. С общеполитической точки зрения, любая форма материи является и субъектом, и объектом. При этом субъект в широком смысле включает в себя объект. Самопричинение посредством объекта выступает источником развития субъекта. Так же в общей структуре материи укоренены такие сущностные силы человека, как труд, мышление, общение, способности, потребности, нравственность, свобода, творчество.

Ключевые слова: сущностные силы человека, атрибуты материи, социальное пространство, социальное время, субъект.

Фундаментальная мысль о том, что всеобщие сущностные моменты мира выступают как сущностные моменты самого человека, принадлежит В. В. Орлову [1, с. 121]. Сущностные силы человека, будучи атрибутами социальной субстанции, являются также высшими проявлениями атрибутов всеобщей материальной субстанции [2, с. 135; 3, с. 13–16; 4, с. 98–

100]. Сущность человека выступает конструктором, составленным из всеобщих моментов, выраженных в форме особенного и единичного [4, с. 180].

Поскольку качество субстрата соответствует качеству его атрибутов, постольку сложный субстрат не может обладать только простыми атрибутами и, наоборот, простой субстрат не может быть выражен в сложных атрибутах. Будучи наиболее сложным материальным субстратом, человек обладает и наиболее сложными формами атрибутов материи.

Данная статья посвящена раскрытию соответствия конкретных сущностей сил человека конкретным атрибутам материи в целом.

В силу соответствия уровня сложности атрибутов уровню сложности их субстрата, каждая из основных форм материи обладает своим собственным пространственно-временным континуумом [5, с. 125]. Что касается пространственно-временных характеристик социальной формы материи, то можно выделить пространство-время общества в широком смысле (вместе с включенными природными формами пространства-времени) и в узком смысле (собственно социальное пространство-время) [5, с. 126]. А.В. Ласточкин отмечает то, что пространство-время общества существует через пространство-время индивидов, а также выделяет объективное пространство-время материальной деятельности и субъективное пространство-время духовной деятельности [5, с. 126].

Мы живем в социальном пространстве, которое включает в себя часть физического пространства, но не сводится к нему. Равно как мы живем в социальном времени, которое включает в себя часть физического времени, но опять же к нему не сводится. Даже наш организм не живет только в физических параметрах – у него биологические пространство и время. Парадокс «куча» возможен только потому, что «куча» – это понятие, применяемое для измерения социального пространства, и оно не соизмеримо с принятыми в этом парадоксе физическими мерками (например, песчинками). С какой миллисекунды начинается поступок и на какой миллисекунде он заканчивается? Это абсурдная постановка вопроса, не так ли? Человек производит отбор физических (а также химических и биологических) шкал для измерения своего собственного, социального времени и своего собственного, социального пространства. Те шкалы, которые были отобраны – это включенное низшее. Те шкалы, которые не были отобраны, – это не включенное низшее.

Социальное пространство – это высшая форма пространства вообще. Поскольку сущность сложного социального субстрата не может быть выражена только в простых (например, физических) атрибутах, постольку

неверна та точка зрения, согласно которой человек живет исключительно в физическом пространстве [5, с. 127]. Социальное пространство – это пространство человеческих отношений, обладающее своей собственной, исторически изменяющейся топикой [6, с. 24–25]. Однако социальное пространство детерминировано не только общественными отношениями и не только человеческой деятельностью – при его анализе важно учитывать социальный субстрат [5, с. 127].

С точки зрения французского социолога Пьера Бурдьё, социальное пространство определяется по взаимоисключению или различению социальных позиций [7, с. 35]. Примерами социального пространства выступают «мужская» и «женская» части традиционного дома, кафедра преподавателя, структурированное городское пространство [7, с. 36]. В другой своей работе Бурдьё отмечает то, что позиция в социальном пространстве определяется по распределению экономического, культурного, социального и символического капитала [8, с. 57].

М. Деланда не привязывает жестко социальное пространство к географическому: «Две межличностные сети ... будут сравниваться в масштабе по числу членов, которых они содержат, а не по протяженности занимаемого ими географического пространства» [9, с. 15].

М. Кастельс высказывает идею о существовании особого типа социального пространства в сетевом обществе – пространства потоков (точнее, потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов) [10, с. 385-386].

Вероятно, базовой формой социального пространства выступает дом. Философское определение дома состоит в том, что это «место, где человек вступает в отношения с миром» [11, с. 19]. Далее, на следующем уровне организации социального пространства, дома объединяются в поселения (которые существуют в двух основных типах – город и деревня). Главное свойство поселения состоит в том, что оно является «территориальным сгустком производительных сил» [12, с. 83]. Следующими за поселением уровнями организации социального пространства выступают страна и, в конечном счете, ойкумена.

Необходимо различать собственно социальное пространство и интегральное пространство социальной формы материи [13, с. 41]. Социальное пространство производится людьми – по мере развития производства включенное природное пространство расширяется, а собственно социальное пространство сжимается [5, с. 127]. Социальное пространство, уплотняясь, совмещает социальное местонахождение за счет развития средств связи, систем информатизации и управления [5, с. 128].

Каждая общественно-экономическая формация обладает своей конкретно-исторической формой социального пространства [5, с. 129].

Социальное время как высшая форма времени представляет особый интерес не только для социальной философии, но и для социологии, а также для исторической науки.

Суть изменений в сложном социальном субстрате не может быть выражена только через простой (например, физический) атрибут. Поэтому не следует думать, что человек живет исключительно в физическом времени. В силу того, что при рассмотрении социальной темпоральности необходимо исходить из материального субстрата общества, следует признать непосредственным содержанием времени общества производительную деятельность [5, с. 132]. Например, одной из форм производства, увеличения социального времени выступает строительство дома, обеспечивающего человека необходимым временем благополучного существования [14, с. 132].

В результате исследований К. Маркса были созданы основания для частно-научного и философского осмысления социальной темпоральности, но сам Маркс не создал развитую теорию социального времени [15, с. 107–109].

Если в начале своей философской деятельности В.А. Канке полагал (со ссылкой на К. Маркса), что социальное время – это общественное рабочее время, измеряемое в денежных единицах [16, с. VIII–XI], то позднее В.А. Канке пришел к иной точке зрения: «Социальный ряд образуют поступки, а их количественной мерой выступает социальное время» [16, с. XXIV]. В связи с этим следует отметить то, что не всякая человеческая деятельность является поступком, и потому поступок не может быть для социального времени единственной и универсальной мерой.

Следующие свойства социального времени выделяются В.П. Демидовым: длительность, размерность, ритмичность, цикличность, тотальность, необратимость [17, с. 14]. Мерами социального времени могут выступать школьный урок, академический час, спортивный тайм [17, с. 59]. Этапами цикла социального времени выступают детство, молодость, зрелость и старость [17, с. 80]. Социальное время в марксистской интерпретации и социальное пространство в трактовке Пьером Бурдьё связываются воедино О.Н. Ежовым: «Маркс... продемонстрировал нам процесс институционализации общественной темпоральности, которая лежит в основе функционирования капитала, определяющего структуру социального пространства (система статусов и позиций) ... Высший уровень институционализации темпоральности у Маркса представляет общественно-экономическая формация» [18, с. 108].

Социальное время имеет конкретно-исторические формы [19, с. 85]. Кроме того, есть время общества в целом, время социальных групп и индивидуальное время [5, с. 138]. При этом индивидуальное время может «отчуждаться от общечеловеческого (родового, исторического) времени. Оно может «опережать» общесоциальное время или «отставать» от него [6, с. 25].

Французский историк Ф. Бродель выделяет разные по длительности типы исторического времени: короткое историческое время («время событий»), более длительное (несколько десятилетий) время экономических циклов, и, наконец, история «большой длительности», измеряемая столетиями [20, с. 118–121].

Социальное время в широком смысле включает в себя физическое время [5, с. 132–136], но социальное время в узком смысле имеет свою качественную специфику, отличную от специфики физического времени. В.В. Коромыслов отмечает то, что «в широком смысле социальное время включает в себя: собственно социальное время; аккумулированную в человеческом бытии совокупность природных форм времени; связь с внешней временной средой, фоном. Последняя реализуется, в первую очередь, в такой стороне социального времени, как хронологическое (календарное) время» [21, с. 174]. С точки зрения А.В. Ласточкина, календарное время – это абстрактно-всеобщее выражение физического времени, средство количественного физического представления социального времени [5, с. 132].

Звезды мировой социологии П.А. Сорокин и Р.К. Мертон жестко разделяют два этих вида времени: «Астрономическое время однообразно, однородно; оно чисто квантитативно, лишено качественных свойств. Можно ли такими же характеристиками наделить время социальное? Очевидно, – нет. Есть выходные дни, дни исполнения определенных гражданских функций, “счастливые” и “несчастливые” дни, религиозные дни и т.д.» [22, с. 115]. Известный историк М.А. Барг проводит сходную идею: «Календарное время непрерывно, историческое время прерывно. ... Календарное время течет равномерно, ритмично, историческое время – аритмично. ... Календарное время асимметрично, т.е. течет строго направленно; историческое время остается строго однонаправленным преимущественно только на уровне всемирно-исторического процесса» [19, с. 86].

Действительно, социальное время, в отличие от одномерного физического, включает два измерения – из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. Социальное время идет назад в периоды исторического регресса (т.е. происходит возврат к уже пройденным этапам исторического развития), но при этом физическое время идет вперед. В периоды исторического прогресса социальное время идет вперед вместе с физическим. Более

того, поскольку социальное время производится людьми, постольку в нем совмещены («в известном смысле одновременны») прошлое, настоящее и будущее [5, с. 135]. И.А. Бескова связывает субъективное время человека с концепцией мнимого времени, разрабатываемой в квантовой механике и космологии. Мнимое время «предстает как вертикальная ось, берущая начало из некой точки на оси линейного времени. ... Понятие мнимого времени имеет смысл использовать в точке ветвления возможностей, когда выбор, который готовится осуществить человек на оси линейного времени (в реальном, физическом мире), проходит проверку, своего рода, “обкатку”, в его идеальных мирах» [23, с. 81].

Особое качество социального времени выражается в особых единицах измерения социальной темпоральности. Популярное философское противопоставление *Homo faber* и *Homo ludens* указывает на две основные формы социального времени. Единицей темпорального измерения деятельности *Homo faber* является проект. Единицей темпорального измерения деятельности *Homo ludens* является игра.

Онтологические предпосылки человеческой игры содержатся в нелинейных природных процессах [24, с. 80, 113]. Онтологические предпосылки проектов заключены в линейной природе универсального мирового процесса, ведущего к возникновению человеческого общества. Человек по своей природе является производящим существом. Производство – посредством различных проектов – как средств к жизни, так и самого человека составляет необходимое содержание социальной деятельности. Различные игры составляют случайное содержание социальной деятельности.

В силу преобладания необходимости над случайностью в структуре мироздания проекты занимают центральное место в человеческой культуре, а игры – второстепенное. Это признаёт даже такой сторонник игры, как Й. Хёйзинга [25, с. 81]. Таким образом, проект является приоритетной единицей измерения социального времени. Игра, как «свое иное» проекта, может быть использована в качестве второго по значимости параметра для измерения социальной темпоральности.

Игра отличается от проекта следующими особенностями. 1) В игре правила определяют результат, в проекте требуемый результат определяет правила. 2) Результат игры может быть разным, он не определен [25, с. 82]. Результат проекта должен быть строго определен. 3) Игра не утилитарна, она совершается ради себя самой [25, с. 84–85]. Проект утилитарен, он имеет внешнюю цель. 4) Продуктивный характер игры не является ее необходимой чертой. Эта черта постепенно утрачивается по мере взросления человека, но проект продуктивен по самой своей сути.

Поскольку социальное время выражает изменение социальных явлений в терминах других социальных явлений, взятых в качестве точек отсчета [22, с. 114], постольку в качестве таких точек отсчета друг для друга могут выступать как проекты, так и игры: проект для проекта, игра для игры, игра для проекта, проект для игры.

Когда сущностные силы человека рассматриваются в качестве высших проявлений атрибутов материи, нельзя не проанализировать в этой связи феномен *человеческой субъектности*. Вместе с тем, приходится признать то, что общефилософское, онтологическое понятие субъекта еще теоретически не разработано [26, с. 307]. Стоит ликвидировать этот пробел.

Прежде всего следует указать на то, что социальный субъект материален [27, с. 200; 28, с. 361; 29, с. 152, 178]. Содержание понятия субъективного, в противовес понятию субъектного и во избежание терминологической путаницы (нередко порождающей и путаницу содержательную), следует прочно закрепить за идеальной противоположностью объективного. Если в марксистской философии употребляются понятия «субъект» и «объект», то принадлежащее субъекту следует называть субъектным, но не субъективным, а принадлежащее объекту – объектным, но не объективным. В философии К. Маркса человеческая практика рассматривается именно как субъектная по своей природе и притом объективно-материальная деятельность [30, с. 151].

Далее, следует соотнести характеристики материального социального субъекта с соответствующими характеристиками низших, природных форм материи. Такое соотнесение, начатое в советской философии [31, с. 124–130; 7, с. 310; 33, с. 376–382], продолжается и сегодня.

А.П. Назаретян констатирует то, что в постнеклассической науке природа наделяется субъектностью: «Вопрос о субъектных качествах уже уместнее рассматривать не дискретно (есть – нет), а континуально. Речь идет о генезисе и о мере субъектности» [34, с. 156].

С точки зрения Е.Я. Режабека, «если одно материальное образование выступает как активное начало, а другое материальное образование становится полем приложения этой деятельности, то между ними складывается отношение субъекта и объекта. ... Применительно к процессам самодвижения, саморазвития понятие “субъект” есть лишь эквивалент термина “само”» [35, с. 24–25].

Объясняя свою «метафизику тотальности», В.В. Кизима отмечает то, что «сторона, вызвавшая действие, оказывается и стороной, испытывающей его обратное влияние, хотя прямая и обратная детерминации идут по разным каналам – первая выступает как действие причины, вторая – как

влияние среды (условий), – и потому не могут механически уравновешивать друг друга. В результате субъект оказывается также и объектом (хотя и в разном отношении), а вся ситуация развивается как единая, самодетерминирующаяся и меняющаяся целостность, тотальность» [36, с. 74].

Тем не менее, позиция тех отечественных философов-материалистов, которые совершенно оправданно отваживаются распространять категорию «субъект» на сферу природы, является довольно уязвимой, причем в силу того, что они не используют содержательным образом ключевой момент в обосновании данного тезиса – категорию «субстанция». На самом деле, поскольку субстанция – *causa sui*, постольку она изменяет самое себя, в силу чего у нее есть активная (субъект) и пассивная (объект) стороны. Субъект как активная сторона субстанции (субстанция как субъект) есть причина самого себя, а субстанция как объект – следствие себя. Любая субстанция (любая форма материи как субстанции) выступает и в качестве субъекта, и в качестве объекта. При этом субъект в широком смысле включает в себя объект – это хорошо видно на примере человека как наиболее развитого субъекта (в частности, на примере развития техники как превращения объекта в материальные органы субъекта) [29, с. 116]. Самопричинение посредством объекта выступает как источник развития субъекта. Таким образом, субъектность должна пониматься не просто как сущностная сила человека, но и в качестве атрибута материи как субстанции в целом.

С точки зрения многих отечественных философов, быть субъектом исторического процесса (т.е. репрезентативным субъектом) – значит «заключать в себе самом причину существования и развития», «творить себя и свои обстоятельства», «иметь в самом себе основание своего существования» [37, с. 39]. Всё это – не просто определения субъекта, а определения субстанции.

Изложенную концепцию субъектности (при всей ее нестандартности, опирающуюся на традиционную марксистскую онтологию), следует отличать от близких к ней позиций других философов. М.Г. Зеленцова так же рассматривает всю материю в качестве субъекта, но по другой причине: «Материя – это субъект, она во всем своем “объеме” обладает субъективностью, принимающей на разных этапах ее развития различные формы: от скрытой чувствительности до сознания» [38, с. 66]. Однако такое понимание субъектности всего лишь выражает путаницу между субъектностью и субъективностью. В природных субъектах существуют относительно простые формы отражения (например, механическое отражение, рефлексы и т.д.). Эволюция этих простых форм отражения в итоге приводит к возникновению субъективного (идеального), но сами по себе данные простые

формы отражения субъективными (идеальными) не являются [39, с. 135–139]. П.Н. Кондрашов так же заявляет о том, что субстанциальная тотальность является диалектическим единством субъекта и объекта [40, с. 183], однако он относит понятие «субъект» только к общественной сфере [40, с. 184]. Понимание субъекта в широком смысле как активного начала сходно с понятием «актант» в акторно-сетевой теории Б. Латюра: «Актант – это источник действия, который может быть человеческим или нечеловеческим» [41, с. 8]. Однако онтология акторно-сетевой теории является «плоской», не субстанциальной и не антропоцентричной, в отличие от традиционной марксистской онтологии.

Субъект – активная сторона субстанции, а в работах большинства отечественных философов активность справедливо отождествляется с самодвижением (самодетерминацией) и приписывается как всей материи в целом, так и отдельным материальным объектам [42, с. 15]. М.Ю. Смирнов отмечает следующее обстоятельство: «Всякая система может быть одновременно активной, т. е. самодвижимой в одних отношениях и пассивной, т. е. двигаться (изменяться) под воздействием внешних факторов – в других» [42, с. 19]. В связи с этим обстоятельством Ф.Ф. Вяккерев и С.В. Орлов предлагают ввести понятие субстратного отношения – «отношения материальных объектов, при котором одна из сторон (определенное материальное образование) выполняет организующую, направляющую функцию, а другая участвует в едином процессе изменения как сравнительно пассивный компонент» [43, с. 46]. Примерами субстратного отношения выступают: взаимодействие человека с веществом природы; химический субстрат, вступающий в реакцию только с помощью фермента; физические и химические компоненты уже существующей жизни [43, с. 46–47].

Если рассматривать другие сущностные силы человека на предмет их соответствия атрибутам всеобщей материальной субстанции, то прежде всего следует обратиться к важнейшим из сущностных сил: «В своей жизнедеятельности человек взаимодействует с окружающей средой и другими людьми (сущностная сила “общение”), осознает эти формы взаимодействия (“мышление”) и стремится их усовершенствовать (“труд”). Таким образом, ключевую роль в структуре объективно-всеобщего в этих сущностных силах играют соответственно взаимодействие, отражение и активность. <...> Способности – наиболее реальные *возможности* человека, заложенные в его конкретной материальной и духовной организации (в действительности). <...> Потребности – наиболее *необходимые возможности* в отношении к своей родовой и индивидуальной сущности» [44, с. 8–9].

Производство (труд) является высшей формой развития как атрибута материи [5, с. 75; 4, с. 150, 161]. Человеческое *мышление* представляет собой высшую форму отражения как атрибута материи, закономерный результат развития его более простых форм [39, с. 135–139]. В долге и ответственности выражена высшая форма необходимости, в человеческой свободе – активность, а в творчестве – способность развития [3, с. 15–16]. Однако человек обладает не только высшей формой необходимости, но и высшей формой случайности [4, с. 162].

С точки зрения З.М. Какабадзе, бытие вообще включает в себе два типа необходимости: необходимость как инерцию, и необходимость как универсальную тенденцию бытия к самодвижению [45, с. 219]. Для человека особенно важна тенденция к самодвижению: «Человеческую свободу и человеческое творчество можно рассматривать как высшие достижения и высший уровень этой общей тенденции бытия. И тогда человеческую свободу как отход от инерции и соответствующих требований бытия можно представить как вместе с тем привход и приобщение к фундаментальной тенденции бытия» [45, с. 213].

В связи с этим уместно поставить вопрос о существовании природных аналогов человеческой свободы. Например, Г.Н. Гумницкий и М.Г. Зеленцова дают такое определение свободы, которое, по сути, можно отнести к любой форме материи: «Свобода – это беспрепятственность осуществления собственной необходимости, основанная на независимости, конечно, относительной, от внешних негативных и использовании позитивных факторов» [46, с. 27]. Близко к позиции З.М. Какабадзе подходит В.Н. Типухин, когда констатирует то, что воля – это высший вид самоизменения [31, с. 130].

Список литературы

1. Орлов В.В. Научная философия в начале XXI века // Новые идеи в философии. – Пермь, 2000. Вып. 9. С. 118-123.
2. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – 397 с.
3. Орлов В.В. Фундаментальные проблемы философской антропологии // Новые идеи в философии. – Пермь. 1997. Вып. 6. С. 3-16.
4. Коромыслов В.В. Сущность человека и проблема всеобщего: дис. канд. филос. н. – Пермь: Перм. ун-т. 2007. – 197 с.
5. Ласточкин А.В. Социальная форма материи. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 177 с.

6. *Мясникова Л.А.* Основные аспекты соразмерности человека и мира // Человек – мера всех вещей. – Горький: Горьк. обл орг-я СНИО СССР, 1990. С. 24-27.
7. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. С. 33-52.
8. *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» / Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. С. 53-98.
9. *Деланда М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
10. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.
11. *Алехина С.Н.* Идея Дома в русской философии: Дисс. канд. филос. н. – Курск, 2004. – 171 с.
12. *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
13. *Коромыслов В.В.* Проблема существования социального пространства в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса // Вестник Костромского ун-та. 2010. № 4. С. 38-42.
14. *Курбанов М.Г.* Феномен человечности. – Махачкала: Алеф, 2016. – 223 с.
15. *Павлюц К.Н.* Проблемы становления категорий «социальное время» и «социальное пространство» в философском и социальном знании: дис... канд. филос. н. – М., 2007. – 222 с.
16. *Канке В.А.* Формы времени. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 264 с.
17. *Демидов В.П.* Социальное время человека и общества. – СПб: Книжный Дом, 2007. – 311 с.
18. *Ежов О.Н.* Онтология социального времени. – Саратов: Саратов. технол. ун-т, 2000. – 477 с.
19. *Барз М.А.* О категории «историческое время» (методологический аспект) // История СССР. 1982. № 6. С. 82–100.
20. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
21. *Коромыслов В.В.* Проблема существования социального времени в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса // Вестник Костромского ун-та. 2012. № 1. С. 174–177.
22. *Сорокин П.А., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 112–119.
23. *Бескова И.А.* Двунправленность причинно-следственных связей (модель, в которой следствие может предшествовать причине) // Философский журнал. 2008. № 1. С. 77–89.
24. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
25. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
26. *Прохоренко Ю.И.* Субъектность в структурах социальной реальности: дис. ... д-ра филос. н. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – 449 с.
27. *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Батищев Г. С. Избранные произведения. – Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 191–275.
28. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб: Питер, 2003. С. 282–427.

29. *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. – 412 с.
30. *Любутин К.Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. – М.: Высшая школа, 1981. – 264 с.
31. *Тупухин В.Н.* Логическое становление субъекта. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 263 с.
32. *Богомолов А.С.* «Праксис» или практика? // Хофман Дж. Марксизм и теория «праксиса». М.: Прогресс, 1978. С. 300–319.
33. *Архипцев Ф.Т.* Актуальные аспекты взаимоотношений субъекта и объекта // Методологические аспекты исследования биосферы. М.: Наука, 1975. С. 372–388.
34. *Назаретян А.П.* Универсальная эволюция субъектности: от ретроспекции к прогностике // Универсальная история: междисциплинарные подходы. – Сыктывкар, 2001. С. 151–171.
35. *Режабек Е.Я.* Особенности органических систем и принцип историзма // Режабек Е.Я. В поисках рациональности. – М.: Академический Проект, 2007. С. 21–35.
36. *Кизима В.В.* Начала метафизики тотальности // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 71–136.
37. *Крутова О. Н.* Проблема человека в социальной философии марксизма. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
38. *Зеленцова М. Г.* Монистическая парадигма философского понимания мира и человека: дис... д-ра филос. н. – Иваново, 2001. – 282 с.
39. *Орлов В.В.* Человек, мир, мировоззрение. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 220 с.
40. *Кондрашов П.Н.* Феномен целостности человека и его бытия-в-мире: экзистенциально-антропологическая интерпретация в контексте философии Карла Маркса: дис... д-ра филос. н. – Екатеринбург, 2019. – 381 с.
41. *Беннетт Дж.* Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 220 с.
42. *Смирнов М.Ю.* Человеческая активность в контексте всеобщего: дис... канд. филос. н. – Омск, 2014. – 146 с.
43. *Вяккерев Ф.Ф., Орлов С.В.* Исторические и логические аспекты определения понятия материи // Философские науки. 1981. № 6. С. 41–48.
44. *Коромыслов В.В.* Конкретно-всеобщий подход к анализу сущностных сил человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Выпуск 3 (27). С. 5–14. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-5-14.
45. *Какабадзе З. М.* Человек как философская проблема // Какабадзе З. М. Проблема человеческого бытия. – Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 186–299.
46. *Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г.* Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество. 2008. № 3. С. 20–31.

***THE ESSENTIAL FORCES OF MAN AS A HIGHEST
MANIFESTATIONS OF THE MATTER ATTRIBUTES***

Yuri V. Loskutov

Perm State University
15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia

The essential forces of man, being attributes of social substance, are also the highest manifestations of the attributes of universal material substance. Social space is the highest form of space, distinct from physical space, and social time is the highest form of time, distinct from physical time. A human selects natural scales to measure social time and social space, with the result that the selected scales constitute in this dimension the level of the included lower, and the unselected scales the level of the unincluded lower. The basic forms of social time are the project and the play, defined in opposition to each other. The project, as an expression of the necessary character of human activity, is the leading form of social time, and the play, which expresses the accidental side of activity, is an additional form of measuring social temporality. Human material subjectivity is the highest form of subjectivity as an attribute of matter, as an active side of material substance. From the general philosophical point of view any form of matter is both subject and object. Herewith subject in the broad sense includes an object. Self-causation by means of the object acts as a source of development of the subject. Also rooted in the general structure of matter are such essential human forces as labor, thinking, communication, abilities, needs, morality, freedom, creativity.

Key words: essential forces of man, attributes of matter, social space, social time, subject.

УДК 101.1
DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-65-76

ИДЕАЛЬНОЕ КАК СВОЙСТВО СОЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ИНТЕГРАЛЬНОГО СУБСТРАТА (ЧЕЛОВЕКА)

В.В. Корякин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

Вопрос о сущности идеального и его непосредственных основаниях напрямую связан с проблемой сущности и субстрата человека. Человек обладает социальным материальным интегральным субстратом, сущностью которого является производство собственной жизни посредством преобразования материального мира. В качестве стороны производственной деятельности выступает социальное отражение, представленное в двух формах – материальной и идеальной. Идеальное отражение является моментом материального отражения и возникает в процессе труда – способности человека меняться, становиться другим, не переставая при этом оставаться собой. Идеальное как результат вымещения субстратов любых предметов и производства их на основе универсального субстрата человека является моментом объективного вымещения человеком собственного субстрата в процессе развития.

Ключевые слова: сознание, отражение, идеальное, субъективное, социальный субстрат.

Проблема сущности сознания (отражения, идеального, субъективного) остается одной из центральных для философии, а также целого ряда наук о человеке (в первую очередь – психологии), несмотря на ее временно «отложенный» характер. Вопрос о природе сознания есть одновременно вопрос о сущности человека, общества и истории. Без его решения нельзя дать корректного описания и объяснения ни одному социальному явлению. Пик дискуссий о природе психики и сознания как ее высшей формы пришелся в отечественной литературе на 60–80-е гг. прошлого века. Особое место в них занимал спор Д.И. Дубровского и Э.В. Ильенкова, способствовавший оформлению основных подходов к определению сущности сознания в рамках современного материализма (марксизма). К концу XX века интерес к большинству фундаментальных проблем философии заметно снизился, крайне редкими стали и работы посвященные идеальному. Вместе с тем, отечественная материалистическая литература

демонстрирует существенные расхождения, а порою и взаимоисключающие позиции в трактовках сознания, что вынуждает периодически возвращаться к проблеме его сущности и ставить цель о снятии имеющихся теоретических затруднений в его описании.

В истории отечественной науки встречались крайние позиции в оценке сознания, по сути, отрицающие относительно самостоятельный и специфический характер его бытия. Одной из таких позиций стала впервые озвученная на сессии АН и АМН СССР 1950 г. посвященной работам академика И.П. Павлова рефлекторная концепция психики. Ее авторы (К.М. Быков, А.Г. Иванов-Смоленский) представили психику в целом, сознание в частности, как рефлекторную деятельность, свойство высшей нервной деятельности. Сознание, таким образом, было определено как материальное явление, лишенное какой-либо самостоятельности и специфичности. На той же сессии АН разгрому были подвергнуты взгляды учеников И.П. Павлова, отстаивавших идею своего учителя о психике как «надстроечном» по отношению к высшей нервной деятельности явлении, зависимом от нее, но к ней не сводимом [1].

Другой попыткой лишить сознание реального существования стало стремление ряда авторов представить его лишь в качестве категории, фиксирующей способность человека относиться к миру. Только в своей практической и познавательной деятельности человек якобы начинает различать субъективное и объективное в реальности, определять себя как мыслящую реальность в отношении к миру, а мир – в отношении к себе как реальность объективную (материю). Другими словами, сознание существует наряду с материей лишь в гносеологическом плане, в онтологическом же плане есть только одна реальность – материя [2; 3; 4]. При таком подходе сознание фактически объявляется материальной действительностью или ее стороной, что во многом согласуется с позицией авторов рефлекторной концепции психики. Оба подхода, игнорирующие существование сознания как особой реальности, впрочем, подверглись разгромной критике в позднесоветской литературе, хотя их инерция еще пару десятилетий сказывалась в ряде публикаций.

Признание бытия сознания породило серию проблем при его определении, из которых можно выделить две взаимосвязанные крупнейшие. Основная проблема заключалась в выяснении непосредственного субстрата сознания как идеальной реальности. В общем виде все участники дискуссии, следуя базовым идеям родоначальников марксизма и в особенности выводу В.И. Ленина о том, что мыслит не мозг, а человек при помощи мозга [5, с. 249–257], в качестве субстрата сознания рассматривали чело-

века. Однако данное общее решение проблемы требовало дальнейшей конкретизации понимания человека и представленной в нем непосредственной основы идеального.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что непосредственно общественная действительность есть «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [6, с. 18]. Телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе – это первый конкретный факт истории, который подлежит констатации [6, с. 19]. «Людей можно отличать от животных по чему угодно, сами же они начинают себя отличать от животных, как только начинают производить необходимые им средства жизни» [6, с. 19]. Производя необходимые средства жизни, люди косвенным образом производят и свою собственную материальную жизнь. Способ, каким люди производят средства к жизни, зависит от свойств самих этих средств. Этот способ производства является не только воспроизводством физического существования индивидов, но и способом их жизнедеятельности. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами [6, с. 19]. Производя свою жизнь, люди вступают в объективные (производственные) отношения, которые в купе с бытием индивидов отражаются в сознании [6, с. 19–25, 29–30].

Учитывая общий подход К. Маркса к человеку как социальному материальному деятельному существу, отечественные авторы разделились на два лагеря в попытке выяснить непосредственные основы идеального. Одна группа видела их в единстве функционировании мозга и предметной деятельности человека, другая – исключительно в предметной деятельности и возникающих в ходе ее отношениях между людьми по поводу вещей. В.С. Тютин, определяя идеальное как отражение, полагал его в качестве функции мозга как высокоорганизованной материальной системы. При этом автор различал субстратные свойства данной системы, которые исключительно материальны, и связанные с ними функциональные (реализующиеся посредством человеческой деятельности), которые субъективны, идеальны [7, с. 206–207]. Близкую позицию высказывал А.М. Коршунов, который видел сущность психического «в идеальном отражении, осуществляемом человеком с помощью мозга. Как по отношению к объекту, так и по отношению к своему непосредственному носителю это свойство выступает идеальным образом внешних предметов» [8, с. 59]. По его мнению, «идеальное есть образ-значимость, связанный с использованием отражения в деятельности людей» [8, с. 65]. Уже в начале дискус-

сии с Э.В. Ильенковым Д.И. Дубровский подчеркивал, что непосредственной основой психического (в т. ч. идеального) выступает мозг человека, который индивидуальным образом реагирует на созданную людьми социальную среду и сам до некоторой степени является продуктом человеческой деятельности [9]. При этом на протяжении всей дискуссии автор подчеркивал, что физиологическое как непосредственная основа идеального включается в социальное и от него зависит [10, с. 37]. А.Г. Спиркин также подчеркивал органическую связь идеального с мозговыми процессами и социальной деятельностью, отмечая, что идеальное – это не сама предметная деятельность, а лишь ее духовный аспект [11, с. 65, 73].

Увязав идеальное с физиологической активностью мозга и практической деятельностью, авторы подчеркнули его субъективную природу. Идеальное субъективно, т.е. в буквальном смысле присуще субъекту, а не является неким «надиндивидуальным» образованием. При этом субъективное трактовалось не как сугубо единичное явление. Человек был понят как субъект индивидуального и общественного сознания в их единстве, сознания, которое несет в себе все богатство общего, особенного и единичного объективного содержания [10, с. 34–35, 42; 11, с. 66–67, 73; 12, с. 414; 13].

Альтернативная позиция заключалась в попытке раскрыть исключительно социальные основания идеального. Отвечая на критику Д.И. Дубровского, Э.В. Ильенков признавал относительную зависимость сознания, по всяком случае чувственного, от физиологии человека, при этом подчеркивал, что от физиологии человека в целом, а не только мозга и нервной периферии. Но одновременно он утверждал, что рациональное (понятийное, логическое) сознание имеет непосредственное основание в человеческих предметных деятельности и отношениях и не сводимо к анатомо-физиологическим основам человеческого организма, как, впрочем, и не выводимо из них [14]. По мнению Э.В. Ильенкова, «идеальное – субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, и тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. Идеальное осуществляется в многообразных формах общественного сознания и воли человека как субъекта общественного производства материальной и духовной жизни» [15, с. 219].

Конкретизируя общую дефиницию идеального, Э.В. Ильенков утверждал, что оно существует в процессе практической деятельности (труда) и отношений, которые складываются между людьми, людьми и вещами в ходе нее. Преобразуя вещь, человек одновременно ее отражает (распред-

мечивает), полученную абстракцию выражает в особого рода предметности – языке (слове), используя язык организует свою мысль и далее реализует ее вновь в преобразовании, создавая новую вещь (опредмечивает) [15, с. 221–22; 16, с. 214–228]. Идеальное, таким образом, есть результат и деятельностная функция трудовой, чувственно-предметной деятельности общественного человека [16, с. 213]. «Идеальное существует не в голове, а посредством головы в предметной деятельности человека» [16, с. 216]. «По отношению к естественно-природной организации человеческого тела оно имеет такой же внешний характер, как и по отношению к тому материалу, в котором оно реализуется, опредмечивается в виде чувственно-воспринимаемой вещи» [16, с. 216]. Оно непосредственно существует только как форма деятельности общественного индивида, направленная на внешний мир [16, с. 214]. На данном основании Э.В. Ильенков сделал подвергшийся масштабной критике вывод об идеальном как особого рода объективной реальности по отношению к индивиду (субъекту, субъективному чувственному сознанию) [17, с. 157]. Идеальное, согласно нему, существует не столько в индивидах, сколько между ними, между ними и вещами, приобретая различные формы предметности (вещи, деятельности, языка). Близкие позиции высказывали и другие авторы [18, с. 30; 19].

С проблемой непосредственных оснований идеального оказался сопряжен и второй важный вопрос о границах его существования. Всякая ли форма отражения содержит момент идеальности и любое ли психическое явление идеально? Разброс в позициях по данному вопросу оказался весьма существенным, причем существенными оказались расхождения даже во мнении одного и того же автора. Э.В. Ильенков, например, определяя идеальное как «субъективное бытие предмета, или «инобытие» предмета – бытие предмета в другом и через другое» [16, с. 218], не преднамеренно, но, по сути, допускал предельно широкое его толкование как отражения вообще. Существуют в другом и через другое все материальные объекты (и физические, и химические, и биологические). Подобная характеристика присуща всем формам отражения, в связи с чем в идеальном как форме отражения не обнаруживается ничего специфического. Некой «рамкой», предотвращающей расширительное толкование идеального, становится лишь постоянная апелляция Э.В. Ильенкова к тому факту, что идеальное возникает лишь на основе трудовой деятельности и реализуется в общественных отношениях продуктах труда. Допуская возможность расширительного толкования идеального, Э.В. Ильенков, тем не менее, отрицает идеальность даже чувственных форм. Идеальной природой, согласно нему, обладает лишь логическое мышление.

В литературе существуют и иные расхожие трактовки «границ» идеального. Одни авторы считают идеальными все психические явления, при этом допуская наличие психики у животных, другие – только психику человека, третьи – только высшую форму человеческой психики – сознание как чувственное, так и логическое. Трактовка идеального и его «границ» всецело зависит от понимания его субстрата, в конечном счете, человеческого субстрата, а стало быть, сущности человека и способа его существования и развития – труда. Примечательно, что подавляющее большинство участников дискуссии ставили проблему субстрата психики (в т.ч. идеального), но не человеческого субстрата, хотя последняя обсуждалась в советской литературе в рамках спора о соотношении социального и биологического в человеке на протяжении 60–80-х гг. прошлого века. Решая проблему сущности идеального, они не углублялись в вопрос о сущности человека и труда, ограничиваясь ссылками по данной теме на наиболее популярные определения К. Маркса.

Участники дискуссии не ставили напрямую вопрос о субстрате, сущности и способе развития (труде) человека, но потому, как они решали проблему идеального, можно с большой вероятностью предположить, реконструировать, в какой концептуальной плоскости они его в скрытом виде решали. Э.В. Ильенков подчеркивал, что человек является продуктом труда, труд преобразует как внешний мир, так и самого человека [16, с. 213]. В труде как деятельности, направленной на окружающий мир и человека, человек только и существует как таковой [16, с. 218–219]. Поскольку труд является одновременно процессом и отношением, то и индивид раскрывается в системе отношений. Личность есть «конкретная система взаимодействующих индивидов», «реальная телесно-вещественная совокупность вещественно-телесных отношений». Сущность человека не замкнута в конкретном индивиде, она определяется вне его – в «неорганической телесности», т.е. в отношениях между людьми, в т.ч. в отношении к себе как к другому. В отношении к себе и другому человек создает и выявляет свою сущность [20 с. 331]. При том, что отмеченное автором понимание человеческой сущности допускает различные интерпретации, его стремление подчеркнуть ее общественный и деятельностный характер, утверждение, что она не замкнута в индивиде, вынуждает предположить, что Э.В. Ильенков склонялся к функциональной (атрибутивной) концепции человеческой сущности, получившей широкое распространение в отечественном материализме начиная с 60-х гг. прошлого века.

Не вполне ясным при этом становится понимание Э.В. Ильенковым человеческого субстрата: является ли он социальным тоже, или вся «соци-

альность» формируется исключительно вне его? Меняется ли в человеке – существе, преобразующем себя, что-то кроме отношений и сознания, стороной которых оно является? Впрочем, у Э.В. Ильенкова имеется конкретное утверждение, касающееся практических индивидуальных изменений. Согласно ему, идеальное – это «форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда», которая «снимается» в субъективной форме предметной деятельности; последняя же предметно фиксируется в субъекте в виде механизмов высшей нервной деятельности» [16, с. 218]. Таким образом, автор фиксирует лишь физиологические изменения в человеческом субстрате, что позволяет сделать вывод, что и сам этот индивидуальный субстрат он понимает как биологический.

Д.И. Дубровский, подчеркивая субъективность идеального (присущность его индивиду), признавая его зависимость от трудовой деятельности и возникающих на его основе отношений, от практических результатов труда как предметов отражения, видел его субстратную основу в физиологии человека (мозге – в первую очередь). Таким образом, можно предполагать, что Д.И. Дубровский склонялся к биосоциальной трактовке человеческой сущности, окончательно утвердившейся в отечественной литературе к 80-м гг. прошлого века, рассматривавшей человеческий субстрат тоже как исключительно биологический. Будучи непримиримыми оппонентами, Э.В. Ильенков и Д.И. Дубровский, по сути, исходили из одного и того же понимания человеческого субстрата и человеческой сущности, придерживаясь при этом разных подходов к ее определению – функционального и субстанционального, соответственно, что проявилось и в различии подходов к определению сущности сознания.

Представление о биологическом субстрате человека, при этом способного к социальной активности – труду, сознанию, общению, в своем фундаменте содержит парадокс несоответствия субстрата и атрибутов. Новейший материализм различает биологическое и социальное как простое и сложное. Простое обладает простыми свойствами, сложными свойствами может обладать лишь сложное. С позиции же биосоциального и функционального (атрибутивного) подходов к человеческой сущности получается, что простой биологический субстрат обладает сложными социальными свойствами. Чтобы избежать подобного противоречия придется привести их в соответствие друг с другом: либо признать, что атрибуты человека тоже являются биологическими по своей природе, а стало быть, пусть и в примитивном виде они присущи как минимум животным (что не подтверждается фактами); либо сделать вывод о социальном характере человеческого субстрата, который с необходимостью включает в себя

биологические основания, но к ним не сводится, обладает собственным, отличным от них социальным («надживотным») материальным содержанием.

Человек обладает социальным материальным интегральным субстратом, в котором все уровни материальной организации (физический, химический, биологический, социальный) в пространственно-временном плане тождественны, но при этом соподчинены (простые сложным), иерархизированы [21, 22], в связи с чем они одновременно выступают в качестве моментов сложного – социального. Каждая форма материи, каждый субстрат обладает определенной формой материальной активности (движения), точнее – способом существования и развития. Развитие субстрата осуществляется в связи с собой и другими субстратами одновременно. Объект не может изменяться без изменения его непосредственного предметного окружения, с которым он связан, с которым он, стало быть, находится во взаимодействии. В качестве стороны предметного взаимодействия, а значит и развития в целом выступает отражение – способность взаимодействующих субстратов в специфической форме, сообразно содержанию, свойствам и отношениям субстрата отражения воспроизводить характеристики другого субстрата.

Как сторона развития отражение всецело зависит от него, определяется им и его воспроизводит. Физическая форма отражения воспроизводит общие и особенные характеристики физического способа развития – взаимного притяжения физических субстратов. Химическое отражение воспроизводит способность химических субстратов взаимно превращаться, биологическое – способность биологического субстрата самостоятельно меняться в процессе самосохранения в связи с изменениями среды, приспособляясь к ней. Специфика социального субстрата раскрывается в способности человека производить (развивать) себя посредством преобразования любых материальных объектов (природных, искусственных (средств производства и знаков) и социальных – других людей), что воспроизводится в социальной форме отражения.

Оставляя без внимания социальный материальный характер человеческого субстрата, все участники дискуссии о сущности сознания признавали наличие социального отражения, но сводили его, в конечном счете, исключительно к его идеальной форме. Отражение как идеальное рассматривалось в качестве стороны или момента трудового процесса, но то, что сам труд как социальный способ развития, а стало быть, и взаимодействия обладает собственными вполне материальными отражательными способностями осталось не замеченным. Вступая в практические отношения к

другим индивидам в процессе совместной производственной деятельности, человек воспроизводит их трудовые навыки сообразно собственным умениям. И это воспроизводство вполне материально, оно осуществляется, не проходя через сознание, осознание начинается только по мере реализации совместного практического действия как его сторона.

В процессе труда не только человек отражает преобразуемый предмет, но и предмет вполне материальным образом отражает человека, точнее – те материальные моменты его социальной интегральной сущности, которыми обладает сам (физические, химические и т.д.). Человек не производит свою сущность в предмете буквально (опредмечивает ее), а актуализирует характеристики предмета родственные его собственным характеристикам, доводя их до уровня своей сложности. Преобразуя физический объект, индивид не добавляет ему никакой сверхфизической (например, социальной, в т. ч. идеальной) сложности, он лишь делает свойства физического объекта аналогичными по сложности собственной, включенной в интегральный социальный субстрат физике, т.е. доразвивает физику предмета. При этом физическое в предмете и физическое в человеке посредством практики становится неким общим для них, а потому более сложным по отношению к их исходным состояниям физическим. Таким образом, физическое и в человеке, и в предмете усложняется. Усложненная физика предмета становится продолжением усложнившейся физики человека, превращается, по выражению К. Маркса, в его «неорганическое тело», точнее – «неорганическую физику». Обладая интегральным субстратом, человек, таким образом, интегрирует благодаря своей практической деятельности все прочие, внешние по отношению к нему субстраты. Социальный интегральный субстрат обретает свое внешнее выражение и продолжение.

Однако труд ставит человека в отношении не только к природным, но и к социальным объектам – другим людям. Взаимодействуя друг с другом в процессе практики, люди воспроизводят все многообразие свойств (социальных, биологических, химических, физических) друг друга, сообразно особенностям собственного субстрата, превращают ранее разрозненные свои силы в общие, тем самым одновременно усложняя их. Это социальное (и все прочее, включенное в него природное) общее возникает в процессе труда не между индивидами или над ними, а в самих индивидах, в каждом из них. Оно становится для каждого своим общим. Индивиды, таким образом, интегрируют друг друга и интегрируются друг с другом одновременно, каждый из них при этом оказывается своего рода продолжением каждого, другим своим «социальным телом» для себя и другого.

В труде как отражении раскрывается как общее, так и индивидуальное содержание каждого человека во всем их многообразии (развитии), что становится непосредственной основой в т. ч. общественного и индивидуального сознания. Но при этом возникает вопрос, в силу каких причин и на каком основании социальное материальное отражение обретает идеальную форму?

К. Маркс определял идеальное как «материальное, пересаженное в голову человека и преобразованное в ней» [23, с. 21]. Не смотря на относительную метафоричность данного определения, оно строго фиксирует, что идеальное существует исключительно в индивиде, а не между индивидами или над ними, т. е. является субъективным. Сущность идеального укоренена в сущности человека. Человек – социальное материальное существо, производящее собственную жизнь посредством преобразования материального мира в целом (себя, других людей и природы). Его субстрат – социальный материальный интегральный, в нем в процессе производства раскрывается и развивается универсальное (общее всему миру), родовое (общее всем людям) и индивидуальное человеческое содержание. Идеальное, таким образом может существовать лишь на основе универсального, родового и индивидуального субстрата. Существование предмета на основе другого субстрата – человека – означает, что своего непосредственного субстрата, обретая идеальный вид, данный предмет лишается. Идеальное – это предмет, лишенный своего непосредственного материального субстрата и существующий на основе другого, универсального материального субстрата – человека [24, с. 155].

Человеческий субстрат может быть универсальным, только при условии универсальности его свойств, в т. ч. способности вымещать непосредственные субстраты предметов. Но сама эта способность является таковой, если она вымещает все возможные субстраты, которые были, есть и будут, не только внешних индивиду объектов (вещей и других людей), но и самого субъекта сознания (идеального). Идеальное, таким образом, может существовать только на основе универсального материального субстрата (человека) при одновременном его вымещении. Подобное становится возможным, если человеческий субстрат способен к саморазвитию, т.е. способен быть одновременно собой и другим.

Труд делает человека другим, при этом в обобщенном и одновременно индивидуализированном виде он сохраняет в нем все положительное накопленное содержание. В процессе труда развивается и субстрат, и сущность человека. В каждом акте трудовой деятельности субстрат человека модифицируется, приобретает конкретный вид, который в точности

не совпадает с исходным его состоянием. Электрик, к примеру, приступивший к чтению, перестает непосредственно быть электриком. В известном смысле он утрачивает непосредственный субстрат электрика и приобретает (актуализирует) субстрат читателя, при этом он в любой момент может вернуться к своему профессиональному роду занятий и субстрат электрика воспроизвести вновь. При чтении субстрат электрика как бы вымещается: как электрик человек продолжает существовать отныне лишь в виде образа, т.е. в идеальной форме. Но поскольку все субстратные состояния человека могут сменять друг друга, вымещаться один другим, то все они реализуются в идеальной форме. И читающий электрик оказывается способным держать в голове как образ себя электрика, так и образ себя читателя одновременно.

Социальное отражение, таким образом, в процессе труда (производства человеком собственной жизни) раскрывается в единстве двух своих основных форм – материальной и идеальной. При этом социальное материальное отражение является стороной практической (преобразовательной) деятельности, а идеальное – моментом материального отражения.

Список литературы

1. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 137 с.
2. *Понамарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976. – 304 с.
3. *Сагатовский В.Н.* Материальное и идеальное как характеристика сознания // На пути строительства коммунизма. – Тюмень, 1968. С. 190–200.
4. *Сагатовский В.Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. – 431 с.
5. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Избр/ соч. М.: Политиздат, 1985. Т. 5. Ч. 1. С. 183–512.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
7. *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. – М.: Наука, 1972. – 256 с.
8. *Коришонов А.М.* Отражение, деятельность, сознание. – М.: Политиздат, 1979. – 216 с.
9. *Дубровский Д.И.* Мозг и психика (о необходимости философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии, 1968. № 8. С. 145–155.
10. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. – 368 с.
11. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. – М.: Политиздат, 1972 – 303 с.
12. *Шептулин А.П.* Категории диалектики в свете ленинской теории отражения // Ленинская теория отражения и современная наука. Кн. 1. – София: Наука и искусство, 1973 – 525 с.
13. *Дубровский Д.И.* Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 15–27.
14. *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

15. *Ильенков Э.В.* Идеальное // *Философская энциклопедия*. В 5-и тт. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 219–227.
16. *Ильенков Э.В.* *Философия и культура*. – М.: Политиздат, 1991. – 446 с.
17. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // *Вопросы философии*. 1979. № 7. С.145–158
18. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1977 – 304 с.
19. *Давыдов В.В.* Категория деятельности и психического отражения в теории А.Н. Леонтьева // *Вестник МГУ. Сер. 14. Психология*. 1979. № 4. С. 25–41.
20. *Ильенков Э.В.* Что такое личность? // *С чего начинается личность*. – М.: Наука, 1983. С. 319–358.
21. *Орлов В.В.* К понятию человеческой природы // *Философия пограничных проблем науки*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. Вып. 2. С. 87 – 101.
22. *Орлов В.В.* К общей философской концепции человека // *Философия пограничных проблем науки*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. С. 72 – 93.
23. *Маркс К.* *Капитал*. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23
24. *Орлов В.В.* Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. – 438 с.

***IDEAL AS A PROPERTY OF SOCIAL
MATERIAL INTEGRAL HUMAN SUBSTRATE***

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia

The question of the essence of the ideal and its immediate foundations is directly related to the problem of the essence and substratum of man. Man has a social material integral substratum, the essence of which is the production of his own life through the transformation of the material world. As a side of production activity, there is a social reflection, presented in two forms - material and ideal. An ideal reflection is a moment of material reflection and arises in the process of labor - the ability of a person to change, become different, without ceasing to remain himself. The ideal, as a result of the displacement of the substrates of any objects and their production on the basis of the universal human substrate, is the moment of objective displacement by a person of his own substrate in the process of development.

Key words: consciousness, reflection, ideal, subjective, social substratum.

УДК 101.8
DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-77-86

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Д.В. Савенков

Ассистент кафедры философии
Пермский национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: savenkov.dmitriy.1997@mail.ru

Современное общество находится в ситуации глобального кризиса, который затрагивает как сферу материального производства, так и сферу духовную. В условиях кризиса современной цивилизации особую актуальность приобретают исследования, которые затрагивают человека его универсальную, интегральную, родовую сущность. Одним из важнейших способов самопознания человеческой сущности является историческое сознание. Историческое сознание является предметом многих научных исследований. В понимании исторического сознания сформировались несколько аспектных методологических подходов, а также подходы в рамках философских направлений. В этом отношении важное значение для социально-философской науки приобретает анализ методологических оснований в понимании исторического сознания. Выявление объективных методологических оснований в понимании исторического сознания имеет важное эвристическое значение в условиях кризиса современной цивилизации. Анализ различных методологических подходов в понимании исторического сознания и выявление эвристических возможностей и содержательных пробелов – предмет и цель данной статьи.

Ключевые слова: историческое сознание, общественное сознание, методология, аспектные подходы в понимании исторического сознания, формы общественного сознания.

Сегодня, мы находимся на переломном этапе истории, глубококом цивилизационном кризисе. Именно в такие моменты интерес общества к своей истории значительно возрастает. Историческое сознание является важным компонентом мировоззрения, являясь способом самопознания человеческой сущности. Через призму истории человечество находит ответы о себе самом в прошлом, намечая наиболее общие тенденции, которые позволяют сделать прогноз будущего развития человеческой цивилизации. Историческое сознание занимает особое место в структуре общественного сознания, с одной стороны оно охватывает все прошлое социальной суб-

станции, с другой стороны историческое сознание может быть растворено в других формах общественного сознания, лишиться своего специфического предмета и способа отражения. В данном контексте в социально-философской науке возникали дискуссии относительно места и роли исторического сознания в структуре общественного сознания, поэтому важно провести анализ методологических подходов к пониманию исторического сознания и выделить объективный метод, соответствующий объективному подходу в социально-философской науке.

Сегодня, в понимании исторического сознания доминируют два основных методологических основания. Во-первых, аспектные подходы, которые в качестве предмета исследования берут одну из сторон исторического сознания. Во-вторых, можно выделить методологические подходы в рамках философских течений: неокантианство, экзистенциализм, цивилизационный и марксистский подходы.

Среди аспектных подходов можно выделить следующее аксиологический, гносеологический, онтологический и функционально-социологический. Сущность онтологического подхода заключается в том, что исследуется генезис исторического сознания в соответствии с его местом в рамках общественного сознания в целом. В рамках гносеологического подхода историческое сознание трактуется прежде всего, как познавательное отношение к прошлому, раскрывающий роль исторической науки в историческом сознании. Аксиологическое направление стремится показать и оценить содержание ценностей исторического сознания, которые являются механизмом преемственности поколений и фактором осознания исторической идентичности. В рамках функционально-социологического подхода авторы стремятся показать специфику исторического сознания, сквозь призму его функций.

Далее, необходимо более подробно остановиться на каждом из аспектных подходов, выделить содержательные моменты и пробелы. В гносеологическом направлении основным авторами являются В.В. Балахонский, И.С. Кон, В.И. Копалов, Б.Р. Могильницкий, А.И. Ракитов, М.В. Бахтин. Ключевыми понятиями данного направления являются объяснение и интерпретация. Представители данного направления в частности В.В. Балахонский и М.В. Бахтин стремятся определить и тем самым разграничить понятия интерпретации и понимания.

Авторы предлагают в качестве разграничения несколько оснований: по цели, по способу функционирования и по гносеологическому статусу. По цели интерпретация и понимание различаются своей направленностью, интерпретация фиксирует лишь отдельные стороны изучаемого события, а

понимание призвано раскрыть сущность события. По способу функционирования интерпретация сводится до описания, а объяснение может существовать в форме соотношения существования и развития объекта с историческими закономерностями. В качестве гносеологического статуса различия заключаются: «историческое объяснение, особенно на начальных этапах своего эвристического становления, может иметь вариативный, правдоподобный характер, но в процессе восхождения к конкретному уровню исследования объяснение стремится к достоверности, достигнув которую не перестает оставаться именно объяснением; в противоположность этому, интерпретация всегда предполагает соответствующую степень вариативности, т.е. наличия возможности иных интерпретаций, лишившись этого, она теряет свой статус интерпретации» [2, с. 197].

В гносеологическом подходе явно прослеживаются неокантианские корни как Марбургской, так и Баденской школ. Важное теоретическое значение для нас в контексте гносеологического подхода имеет В. Дильтей. Историческое познание для немецкого философа явилось важным методологическим и философским принципом, через который раскрывалось понятие жизни в его всеобщности. Принцип исторического развития, состоит в том, что при моделировании прошедшей истории «исчезает абсолютное значение какой бы то ни было отдельной формы жизни» [3, с. 52]. Исходя из этих основополагающих принципов немецкий, философ выводит некоторые общие методологические основания, которые необходимы для правильного моделирования исторических событий: «1) стремиться к тому, чтобы объединить жизненные отношения и основанный на них опыт “в одно стройное целое”; 2) направить своё внимание на то, чтобы представить «полный противоречивый образ самой жизни» (жизненность и закономерность, разум и произвол, ясность и загадочность и др.); 3) исходить из того, что образ жизни «выступает из сменяющихся данных опыта жизни» [3, с.58–59].

Подводя некий итог гносеологическому подходу, необходимо сделать несколько выводов. Гносеологическое направление содержит в себе несколько ограничений, которые не позволяют целостно судить об историческом сознании. Во-первых, отсутствуют связи между общим и единичным, возникает доминирование единичного над общим. Остается не проясненным, как от субъективного понимания, мы переходим к общим закономерностям и законам истории. Таким образом, мы оказываемся на поле чистого субъективизма. Во-вторых, ключевые понятия интерпретации и объяснения остаются нестрогими и имеют место для их вольной интерпретации. В-третьих, наблюдается редукционизм в понимании закона. За-

кон сводится до простой взаимосвязи. От набора фактов до построения теории нас отделяет только нахождение связей фактов, которые постулировано воплощаются в теории. Таким образом, историческое сознание в рамках гносеологического подхода сводится к субъективному пониманию исторических фактов и событий, мы видим характерный для данного направления примат единичного над общим. Безусловно, гносеологическая методология обладает эвристическим потенциалом, но историческое сознание как целостная форма общественного сознания, не должна сводиться в исследовании лишь к гносеологической стороне.

Далее следует рассмотреть онтологическую методологию в понимании исторического сознания. Ключевым понятием данного подхода является понятие «целостности» исторического сознания. Авторы, работающие в рамках данного направления (Г.А. Антипов, А.А. Линченко, С.И. Дегтярев, М.А. Киссель, Л.К. Нагорная, Ф.А. Селиванов и др.), осознают методологическую важность целостного подхода к историческому сознанию. «Следует понимать историческое сознание как целостное образование, одно из фундаментальных основ социального бытия, которое имеет двойное значение: в широком смысле – являясь историческим срезом всех форм общественного сознания» [4, с.124].

Представители онтологического подхода отмечают, что в исследовании исторического сознания критично важно определить его структуру, функции, уровни и типы, чтобы показать целостность исторического сознания. Историческое сознание в данном контексте представлено, как саморазвивающаяся система. Особое эвристическое значение имеет идея об относительно-абсолютном характере исторического сознания. Содержание, которого представляется как диалектика относительного и абсолютного, таким образом, историческое сознание является незавершенным, оно дополняет свое содержание, является открытым как в прошлое, так и в будущее. В данном случае, проявляется возможность, показать и оценить эволюцию исторического сознания, отметив и преемственность, и новизну его содержания. «Открытость» истории делает ее синтезом как традиции, так и новаторства, а вместе с ним – и уникальности. Именно благодаря относительной целостности исторического сознания, противоречия предыдущей эпохи могут быть диалектически и органически сняты критическим путем» [4, с. 125]. Придавая особое значение целостности исторического сознания и подходя к нему системно, исследователи отмечают, что историческое сознание обладает интегральной сущностью. Целостность исторического сознания не сводится к простой сумме частей его структуры. Сама целостность обладает новой сложностью в силу своего интегрально-

го характера. «Целостность исторического сознания, как и всякая другая целостность есть не простая сумма частей, но “интегративное качество” – результат гармоничного взаимодействия частей друг с другом, при ведущей роли целого» [4, с. 126]. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках онтологического подхода есть содержательные основания для осмысления исторического сознания через призму его целостности.

Также следует отметить и недостатки в рамках онтологической методологии, которые не позволяют схватить целостность исторического сознания. Во-первых, основные понятия в рамках исследования исторического сознания не раскрыты: общественное сознание, исторический факт, историческое познание, историческое сознание. Данный недостаток не позволяет, содержательно показать целостность исторического сознания. Один из авторов онтологического подхода сам указывает на это обстоятельство. «Такие понятия, как историческое познание, исторический факт оказываются незавершенными, а историческая истина предстает как плюрализм мета-описаний. основополагающее значение приобретают категории «исторического интереса» и «исторической интерпретации» [5, с. 13]. Из первого недостатка следует второй уже методологический. Данный подход использует методологическое многообразие в исследовании исторического сознания от герменевтики и экзистенциализма, (Ясперс, Риккерт) до представителей марксистского направления. При этом, не показана связь между различными методологиями, не определены точки их соприкосновения, что также не позволяет целостно схватить сущность и целостность исторического сознания. Третьим важным недостатком является непоследовательная диалектика, где не представлены переходы и связи. Остается не ясной взаимосвязь относительной и абсолютной стороны исторического сознания, и какая из этих сторон является ведущей. Таким образом, онтологическая методология обладает рядом ограниченностей, но при этом идеи целостного подхода к историческому сознанию, интегральная сущность исторического сознания обладают эвристическим потенциалом и требуют дальнейшего осмысления в рамках исследования исторического сознания.

В рамках аксиологического подхода в понимании исторического сознания на первый план выходит ценностное содержание исторического сознания, как основы и механизма преемственности поколений, как осознание исторической идентичности. Основными авторами в рамках аксиологического направления исторического сознания являются: М.А. Барг, Ю.А. Левада, А.В. Гулыга. Апологеты аксиологического подхода вводят понятие времени как отличительной стороны исторического сознания.

«Этим понятием (историческое сознание) охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [7, с. 191]. Важнейшее значение в данном подходе представляет оценочный момент. Через взаимодействие практических и теоретических форм исторической памяти, обыденного и теоретического уровней исторического сознания формируется ценностное содержание, которое сопровождается динамизмом через призму времени. «Но главное, что отличает историческое сознание от всех остальных форм, – считает Ю. А. Левада, – это введение измерения времени в плоскость человеческого отношения к наличной действительности. В этом контексте устанавливается связь между историческим сознанием и памятью, а само историческое сознание рассматривается как один из элементов памяти общества» [8]. Стоит отметить эвристическое значение ценностного подхода в понимании исторического сознания так, как на первый план выходит рефлексия, оценка прошлого через историческую память. В этом отношении историческое сознание выполняет одну из основных своих функций – самопознание человеческой сущности. Во-вторых, в рамках аксиологического подхода историческое сознание через призму ценностей и функций представлено, как целостная структура.

Также, стоит отметить и содержательные пробелы в рамках аксиологического подхода в исследовании исторического сознания. Во-первых, важным содержательным недостатком является отсутствие разграничения понятий. Историческое сознание в определенных трактовках сводится до исторической памяти, содержание исторического сознания приравнивается к ценностной оценке истории. «Так, Б.Г. Могильницкий указал на частичное совпадение объемов понятий «историческое сознание» и «этнонациональное сознание». Он акцентировал внимание на том, что нельзя сводить историческое сознание к исторической памяти: это обедняет содержание данного явления; кроме того, они выражают разные уровни связи истории и современности» [9, с. 34–35]. Во-вторых, в рамках аксиологического подхода размывается специфика и место исторического сознания в структуре общественного сознания. Историческое сознание, обладая особенностью динамизма во времени, во многом начинает сходиться по содержанию и функциям с общественным сознанием.

Далее, мы подходим к следующему аспектному методологическому подходу в исследовании исторического сознания – функционально-социологическому. Основными авторами здесь выступают следующие ученые: О.Ф. Гаврилов, Г.Т. Журавлев, А.М. Коршунов. В данном подхо-

де рассматривается специфика и особенности функций исторического сознания. Специфические функции исторического сознания рассматриваются через призму его роли в рамках общественного сознания. Вокруг соотношения исторического сознания и общественного сознания возникли дискуссии в советской философской и исторической науке. В первом подходе историческое сознание сводится до исторической памяти, тем самым утрачивает место и специфику функций в структуре общественного сознания. «Одни авторы считают, что той специфической стороной социальной действительности, которую призвано отражать историческое сознание, является прошлое общественное бытие, и в таком случае историческое сознание сводится к исторической памяти» [11]. С другой точки зрения область исторического сознания и его функции расширяется, историческое сознание оказывается тождественным общественному, всеобъемлющим элементом духовной деятельности людей. Основой аргумент заключается в том, что историческое сознание не имеет своего специфического объекта отражения, а отражает прошлое общества в целом на всех этапах его развития. Согласно И.А. Гобозову, историческое сознание представляет собой неотъемлемую часть всех форм общественного сознания [12, с. 256].

Обе позиции представляются односторонними крайностями в понимании места и функций исторического сознания в структуре общественного сознания. Историческое сознание действительно занимает интегральное место в структуре общественного сознания и имеет общие срезы со всеми другими формами общественного сознания, но у исторического сознания есть свой специфический предмет отражения в виде прошлого социальной субстанции и специфический способ отражения в виде исторической памяти, свои специфические функции исторического сознания, которое выступает как одно из средств консолидации общества, апеллируя к общей национальной истории, выступает способом самопознания человеческой сущности, является средством интеграции в общественные процессы через историческую память. Таким образом, некорректно сводить историческое сознание до исторической памяти. Также, как и некорректно отождествлять историческое сознание с общественным сознанием, тогда вся духовная, многообразная деятельность людей будет сведена до формирования взглядов об истории, исторических срезов отдельных сфер человеческой жизни, будут утрачены все специфические функции отдельных форм общественного сознания.

Возникновение дискуссий о месте и роли исторического сознания в структуре общественного сознания свидетельствует о необходимости най-

ти основания выделения различных форм общественного сознания. Формы общественного сознания находятся в диалектическом единстве, образуя целостность, которая при этом не сводится к сумме частей. Формы общественного сознания имеет внутренние связи и оказывают друг на друга непосредственное влияние, но это влияние не абсолютное, а относительное, ключевую роль все-таки оказывают, находящиеся вовне материальные отношения. Далее для более полного понимания соотношения форм общественного сознания отметим, что конкретные формы находятся на различном удалении от материальной основы. Наиболее близкими к материальной основе оказываются экономическая, политическая, правовая и научная формы общественного сознания. Более отдаленными оказываются философская, религиозная, моральная, историческая и др. формы. Важно также учитывать, что сами формы являются подвижными и перемещаются в структуре общественного сознания в связи с объективными условиями.

Таким образом, можно сделать вывод, что при выделении форм общественного сознания некорректно учитывать только функциональные особенности. Важно учитывать несколько оснований, во-первых, специфический способ отражения, во-вторых, объект отражения, в-третьих, специфические функции формы общественного сознания. Четвертым основанием будет являться место и соотношение с другими формами в структуре общественного сознания. Следует выделить еще пятое основание, которое справедливо отметил А.К. Уледов. Советский философ отметил, что важным критерием выделения форм общественного сознания будет многообразие человеческой деятельности людей, которая выражается в определенных отношениях. «Для нас главное – это обоснование важности методологического принципа рассмотрения структуры сознания в зависимости не только от предмета отражения, но и от структуры деятельности людей и их общественных отношений» [13, с.76].

Таким образом, не отрицая эвристического потенциала аспектных подходов, в исследовании исторического сознания, следует отметить их односторонний характер, в рамках которого невозможно рассмотреть всю специфику исторического сознания как сложной саморазвивающейся системы. В условиях кризиса современной цивилизации важно комплексно исследовать историческое сознание, показать объективные основания трансформации его содержания, чтобы была возможность прогнозировать будущее социальной субстанции. Поэтому в исследовании необходимо учитывать структуру исторического сознания, место и роль исторического сознания в структуре общественного сознания, диалектическую связь ис-

торического сознания с другими формами общественного сознания, специфику функций и содержания исторического сознания, объективные законы исторического процесса как предмета отражения исторического сознания. Многообразие указанных аспектов и сущность исторического сознания может быть раскрыта только на основе марксистской методологии, материалистического понимания истории, диалектической теории, а также исследование должно быть насыщено методами диалектики.

Список литературы

1. *Балахонский В.В.* Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты. – СПб.: Российский государственный педагогический университет, 1997. – 199 с.
2. *Бахтин М.В., Балахонский В.В.* Процедуры объяснения и интерпретации истории: исторический и логико-методологический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №2. С. 194–201.
3. *Дильтей, В.* Построение исторического мира в науках о духе // Дильтей Д. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 3. – М.: Три квадрата, 2004. С. 18–73.
4. *Линченко А.А.* Социально-философское понимание целостности исторического сознания // Вестник Тамбовского государственного университета. 2006. №4. С. 123–128.
5. *Линченко А.А.* Целостность исторического сознания: сущность и структура // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. №6. С 9–14.
6. *Линченко А.А.* Интерпретация и целостность исторического сознания // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. 2009. №2. Электр. ресурс, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-tselostnost-istoricheskogo-soznaniya> (дата обращения: 23.01.2009).
7. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 181–243.
8. *Алесин И.И.* Историческое сознание как продукт историзма // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2009. №29. Электр. ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-soznanie-kak-produkt-istorizma> (дата обращения: 16.09.2014).
9. *Подлевских Л.Г.* Историческое сознание как категория теоретической мысли // Вестник Вятского государственного университета. 2009, №3(1). С. 34–37
10. *Могильницкий Б. Г.* Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание. – Томск: изд-во Томского университета, 2000. С. 35–36.
11. *Кративенский С. Э.* Социальная философия. Учебник для гуманитарно-социальных специальностей. 3-е изд. – М.: ВЛАДОС, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2004. – 416 с.
12. *Гобозов И. А.* Введение в философию истории. 2-е изд.– М.: ТЕИС, 1999. – 363 с.
13. *Уледов К.А.* Структура общественного сознания (теоретико-методологическое исследование). – М., «Мысль», 1968. – 324 с.
14. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: становление историзма. – М: Мысль, 1987. – 348 с.

***METHODOLOGICAL APPROACHES IN
THE RESEARCH OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS***

Dmitriy V. Savenkov

Perm State University

15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia

Modern society is in a situation of global crisis, which affects both the sphere of material production and the spiritual sphere. In the conditions of the crisis of modern civilization, research that affects the human being's universal, integral, generic essence acquires special relevance. One of the most important ways of self-discovery of human essence is historical consciousness. Historical consciousness is the subject of many scientific studies. Several aspect methodological approaches have been formed in the understanding of historical consciousness, as well as approaches within the framework of philosophical trends. In this regard, the analysis of methodological foundations in the understanding of historical consciousness becomes important for the socio-philosophical science. The identification of objective methodological foundations in the understanding of historical consciousness has an important heuristic value in the crisis of modern civilization. The analysis of different methodological approaches in understanding historical consciousness and the identification of heuristic possibilities and substantive gaps is the subject and purpose of this article.

Key words: historical consciousness, social consciousness, methodology, aspect approaches in understanding of historical consciousness, forms of social consciousness.

УДК 171

DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-87-98

РАЗВИТИЕ ГУМАНИЗМА В РЕЛИГИОЗНОЙ И СЕКУЛЯРНОЙ ФОРМАХ

М.В. Думинская

Доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономического образования и философии

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2

E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

В.И. Миллер

Кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры социально-экономического образования и философии

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2

E-mail: miller815mailru@bk.ru

Материалы статьи направлены на изучение феномена «гуманизм», его трансформации в религиозную и секуляризованную формы. Истоки данных форм обнаруживаются в истории древности, а современные формы складываются к XX веку, характеризуя две противоположные сущности понимания гуманизма, его специфики, роли и значения в жизни человека и общества. К XXI веку особый интерес представляет проблема соотносительности гуманизма и антигуманизма, как противоположных установок современности.

Ключевые слова: гуманизм, светский гуманизм, религиозный гуманизм, сакральное и профанное, антропоморфизм, антигуманизм.

Истоки гуманизма как уникального феномена и мировоззренческого принципа обнаруживаются с момента осознанного принятия человеком уникальности самого себя не только «здесь и сейчас», но и в далеком прошлом, выразившимся в культе предков, а также в «уверенности» своего существования в иных измерениях, где «встречается прошлое и настоящее и будущее». Это идея о бессмертии человека, его души, нашла отражение в принципе разделения двух миров: земного и небесного, а также с момента осмысления человеком чувства сакрального и появлением культового отношения к святыням. В наибольшей степени это выразилось в потребности выразить свое отношение к миру посредством художе-

ственной деятельности, «дополнить мир собой» и найти свое место в этом и других мирах.

Примечательно, что со времени своего возникновения как термина, гуманизм, означая человеколюбие, приобретает два значения, с противоположными мировоззренческими установками: религиозной и светской. Религиозный и светский гуманизм оказываются специфическими образами человеческого бытия, органично отражаясь в памятниках мировой культуры. Подчеркивая единство бесконечности и конечности, вечности и временности, человечество формирует систему понятий, терминов, развивает из культового действия систему мифов, которые в ходе исторического развития усложняются и отделяются от культа, становясь литературными и научно-философскими сюжетами, формулами и терминами. Примечательно, что, даже тогда, когда в религиозной жизни небесные боги более не главенствуют, они продолжают занимать важное значение в мифологии священного. Сама структура Космоса имманентно содержит мысль о Высшем Небесном существе, как если бы в момент создания богами в земном мире их образ успел запечатлеться. Проблема священного выступает как нечто самое сокровенное, самое заветное. Тем самым, религиозные идеалы гуманизма были обращены к образу человека, но проникнуты любовью к Богу.

Особое значение в данной системе категориального аппарата, обусловившего духовные основания общечеловеческой культуры, приобретает религиозный гуманизм, отраженный в различных мировых религиях. В текстах Священного писания отражена идея о ценности человека, в необходимости познания границ любви к самому себе и другим людям, в преодолении греховной телесной сущности и в обретении божественного замысла в отношении каждого человека. Этому способствовали категории: священное и трансцендентное. Так, специфика трансцендентного, обнаруживается в онтологической потребности человека обрести «Бога в себе», преодолевая чувство одиночества и недозавершенности родовой природы. В тот момент, «когда человек открывает истину о том, что Бог есть огромная потенциальная мощь, скрытая в нем самом, тогда и начинается опыт постижения сакрального, опыт, способный к высшим проявлениям проникновения. Человек становится мерой всех вещей не сам по себе, но в процессе постижения Бога» [1, с. 148]. Этот длительный путь в истории человечества отражен в двух противоречащих процессах: с одной стороны, «близость для познания и принятия Бога» для человека очень важны, с другой, Высшие существа небесной структуры постепенно вытесняются из культов, «отдаляясь» от человека. Осознавая священность жизни, чело-

век оказывается в плену собственного открытия: он отдается во власть жизненных явлений и отдаляется от священности, стоящей над его повседневными нуждами [1, с. 42]. Наиболее полно это положение просматривается в уникальном явлении «одиначества»: «Homo Solus – мудрец, стремящийся к достижению идентичности с Богом» [2, с. 110].

Антропоморфизм античности обосновывал принцип «все божественно, все человечно», подчеркивая гармоничное единство человека и космоса, божественного и человеческого. Следует отметить, что «человек не тождественен с космосом и не тождественен с Богом, но человек есть микрокосм и микротеос. Человеческая личность может вмещать в себе универсальное содержание» [3, с. 437]. В действительности, природа человека настолько уникальна, многогранна, что производит примеры гениальности в различных творческих актах и демонстрирует примеры способности и готовности убивать себе подобных ради сомнительных политических и экономических установок (подобное описано в термине «титанизм Возрождения» и «обратная сторона титанизма») [4].

Греческая «пайдейя» определялась спецификой общеродовой природы и соотносилась с понятием *philia* (в переводе с греч. – люблю). По мнению Аристотеля, это чувство распространено в мире живых существ одной родовой природы, но осознанно проявляется у людей в почитании человеколюбивых (*hos oikeion kai philon*). В отличие от животных, только человек способен перенести это чувство на социальные отношения, выходящие за рамки родства [5, с. 219]. По мнению М. Хайдеггера, древние греки полагали, что изначально в телах сосредоточена их телесность, в растениях – растительность, в животных – животность, в человеке – человечность [6, с.43]. В действительности, нормы гуманности изначально соотносятся с социальностью как ведущей установкой человека и направлены на формирование осознанных реакций уважительного отношения. В культурной практике человечества нормы гуманности в первую очередь предъявляются людям, связанным узами кровного родства (нормы почитания родителей, бережное отношение к детям и т.д.), затем охватывают более широкий круг лиц (представителей старшего поколения; людей, наделенных политической властью). Наряду с этим, человек может перенести, присущую ему от природы потребность в любви и нежности на одного человека в большей степени, чем проявить гуманность в отношении других людей.

В богатой палитре человеческих образов и культурных установок античности просматривается следующая закономерность: смысл и содержание гуманизма как принципа культуры меняется в зависимости от целей и

задач человека как субъекта деятельности. «В античной культуре идея гуманизма обосновывает высшую ценность человека в рамках логико-понятийного языка культуры, а гуманность характеризует такое поведение, в котором проявляются установки сознания, признающие человека высшей ценностью» [7, с. 167]. Понятия гуманизм и гуманность стали различаться подобно тому, как современная этика различает мораль и нравственность, выделяя теоретический и практический уровни. Взаимодействие двух уровней обусловило развитие гуманистической теории и практики, а также ведущие принципы религиозного гуманизма: прощать обиды, не судить и не осуждать, проявлять терпимость и милосердие и др. Однако «золотая теория нравственности» противопоставлена объективной реальности, так, в общества «процветают» установки, направленные на культивирование насильственных форм разрешения любых конфликтов, нетерпимость к инакомыслию и др.; следствием чего оформляется противостояние человеческих ценностей и божественных. С целью примирения, сложившегося в истории культуры конфликта между должным и сущим, в истории философии и этики выдвигались различные оценки. Так, А.А. Гусейнов, отмечая невозможность систематизации того живого образа любви, который был создан Иисусом, тем не менее, выделяет те основания, которые определяют необходимые условия реализации гуманизма на практике. Во-первых, напоминание о том, что истинная любовь смиренна; всегда предполагает служение людям и отсутствие в сознании любящего какого бы то ни было личностного превосходства над другим. Во-вторых, любовь обязательно деятельна: одних только слов недостаточно, доказывать ее можно только поступками, узнается она именно «по плодам» (Матф. 7.20). В-третьих, любовь бескорытна; она не может быть обменена на славу, наслаждения, и сама в себе содержит награду. Такой она становится, когда направляется на тех, от кого нельзя получить никакой практической выгоды [7, с. 102–108].

Синтез античного и средневекового наследия обусловил двойственность культуры итальянского Возрождения в оценках как человека, так и ценности его земного существования. Процесс секуляризации образа жизни и стиля мышления привели к появлению культуры Ренессанса, в центре которой находился гуманизм как проявление особого интереса к человеческим, земным ценностям. В условиях интенсивной общественной жизни и деловой активности создавалась общая духовная атмосфера, в которой высоко оценивались человеческая индивидуальность и творческая активность. Гуманистический идеал итальянского Ренессанса воплощал в себе возродившийся античный идеал красоты и человечности, в соответствии с которым гуманисты сформировали особый стиль жизни, стиль мышления, от-

личавшийся известной элитарностью, в нем просвещенная эрудиция противопоставляется грубому варварству, по оценкам Л.М. Баткина, именно у античных авторов был обнаружен идеал человеческого в научной области, его ясность и красота [8, с. 18–19]. В широком смысле ренессансный гуманизм стал оцениваться как фундаментальное основание данной культурной эпохи, интеллектуальная модель которой была обусловлена двойственностью: гуманизма как мировоззрения и гуманистической культуры во всем ее объеме. Описание гуманизма как мировоззренческой установки культуры, органически связанной с Италией и одновременно лишенной по своей сути национальной ограниченности [9; 10].

Каковы причины появления секулярной формы гуманизма? С течением времени актуальность реформационных процессов в истории философии была утрачена, но форма секулярного гуманизма сохранила свою актуальность. Между понятиями «секулярный» и «гуманизм» прослеживается множественность связей, так как их единство было направлено на противостояние религии как феномена, подавляющего роль и значение человека. Важнейшими категориями секулярного гуманизма становятся: деятельное «здесь и сейчас», свободное для человека и направленное на его самоопределение, а также ответственное за результаты своего труда. Форма секулярного гуманизма культивирует норму активной гражданской позиции, свободу выбора и осознанную ответственность, которая особенно обостряется в ситуации «пограничного стояния между жизнью и смертью».

Значительный вклад в развитие и становление двух форм гуманизма внесли представители экзистенциализма двух направлений – религиозного (К. Ясперс, Г. Марсель, Н.А. Бердяев, Л. Шестов) и атеистического (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер). Следуя данной традиции, с целью установления истоков и современных форм гуманизма, нами выделяется два вида: 1) обоснование религиозного философского гуманизма, в рамках которого раскрывается тезис о божественной природе человека; 2) светского (секулярного) гуманизма, обосновывающего критику религии как типа мировоззрения, призывающего сосредоточить усилия на демократизации общественных условий, в которых развивается человек. В настоящее время одним из основных признаков разделения «религиозного» и «секулярного» гуманизма является признание или критика религии в жизни современного человека и общества. Если религиозная форма подчеркивает значение и ценность религии, то секулярный гуманизм отстаивает важность научного знания в жизни человека и общества. При этом, формы религиозного и секулярного гуманизма неоднородны, представляю собой некий сплав теорий и концепций, общественно-политических движений.

XX век поставил перед миром грандиозную задачу – соединить распавшиеся элементы целого и найти всеобщее, которое бы не отрицало автономности частей, а превратилось бы во множество самодовлеющих сущностей. По мнению А. Камю, в наследии современному человеку было передано «отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека [11, с. 31]. В связи с данной характеристикой человека формулируется проблема – критика гуманизма и анализ причин появления феномена антигуманизма. Эти явления не могут расцениваться как отрицание классического гуманистического опыта предшествующих эпох, в большей степени, это переосмысление, развенчание тех его форм, которые препятствуют его действительному утверждению или не различают действительных проблем человека. Культурфилософские и антропологические теории XX века объединены идеей необходимости «превозмочь» сложившийся в европейской культуре тип человека, отраженный в различных вариантах теоретического антигуманизма. В качестве их ведущей культурной установки выступила «переоценка всех ценностей». Ее последователями выступили художники-авангардисты Пикассо, Эрнст, Кирико, которые в начале XX века утверждали в своих произведениях «смерть человека», теоретик и практик «театра жестокости» А. Арто, а также драматурги Э. Ионеско и С. Беккет, пропагандировавшие идею о неминуемой гибели человечества как носителя и выразителя тотального абсурда.

Следующая волна антигуманизма получила отражение во французской литературе 60-х годов, в частности, у «нового романиста» Роб-Грийе, предлагавшего изображать человека в литературных произведениях как любую другую вещь, «как насекомое в ряду других насекомых». Далее, философы К. Леви-Стросс, М. Фуко и Ж. Лакан выдвинули тезис о «смерти человека». Структуралистская и неофрейдистская аргументация в его защиту позволила придать наукообразную форму вновь возродившейся моде на «антикультуру». «Искусство, как в модернистской, так и в постмодернистской модификации делает предельно выразительными отталкивающие образы, начинает смаковать безобразное своими художественными средствами, закрепляя эстетизацию негативного в своем языке, доводя отвратительно-прекрасное до совершенства» [12, с. 71]. Это было определено идеей сознательного преобразования гуманистической доминант прошлого. Так, появлялись новые виды искусства, художественные средства, способствовавшие глубокому осмыслению происходящих культурных процессов, определению места и роли человека.

Религиозная антропология XX века (М. Бубер, М. Шелер, Г. Марсель и др.) разрабатывала эсхатологическое учение о человеке и выступила одной

из форм социального нигилизма. В религиозно-философском модернизме, как правило, ставился под сомнение не сам человек, как носитель определенных сущностных свойств, а лишь господствующая антропоцентрическая парадигма, развивающаяся со времен Возрождения. Эсхатология, социальный пессимизм как нельзя более выпукло подчеркивают «оборотную сторону» традиционного гуманизма – претензию на монопольное господство человека в мире, на беспрепятственное очеловечивание окружающей среды, покорение сил природы.

Возвещая «смерть человека» в современной буржуазной культуре и призывая к ее преодолению, аналитики франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.) выдвигали на первый план витально-жизненное, «дионисийское» начало, которое способно разрушить сложившиеся механизмы формирования индивидуальности. Тема освобождения природно-жизненной стихии, уничтожающей прежний тип культуры, отражена в сочинениях Г. Маркузе. Они проникнуты ренессансно-гуманистической верой в то, что грядущее обновление, торжество «контркультуры» создаст базис для раскрытия новых творческих сил и эстетических способностей человека. Тезисы антигуманистического плана имели парадоксальным образом своим продолжением оправдание гуманистических начал культурного творчества.

Апофеозом теоретического антигуманизма стала деятельность представителей «новой философии», которые декларируют, что само появление общественной организации уже влечет за собою рождение государственности и «смерть человека», Б.-А. Леви писал о том, что индивид не существует и всегда является лишь двойником государства. Общество, согласно «новым философам», заражено болезненной «патологией власти», продуцирующей иллюзорное «извечное отчуждение» и превращающей человека в Ничто. «Новая философия» предлагала оставить надежды на возможность обретения культурой гуманистической перспективы развития. Отрицая позитивность социальной революции как средства снятия отчуждения и тотальной эксплуатации, «новые философы» признавали, что современная капиталистическая система также не в состоянии преодолеть свои врожденные пороки. При отсутствии реальных перспектив позитивного социального развития проблема самооценности индивида, культивации гуманизма могут быть только иллюзиями или же фальшивыми партийными или церковными лозунгами. Таков диагноз, вынесенный «новой философией» эволюции европейского гуманизма.

Отход от гуманистической проблематики наблюдался в культурфилософии структурализма с присущей ей идеей «теоретической смерти» чело-

века. Представители этого направления заявляли о том, что человека как такового никогда не существовало, он является лишь продуктом идеологии. В XIX веке возник тезис о смерти Бога, в последующем веке человек переживал тему смерти самого себя. В теоретических системах на смену понятию человека приходит понятие структуры. «...очевидно, что собственная суть гуманитарных наук заключается не в человеке как привилегированном, по-особому сложном объекте. Создает их и отводит им особую область вовсе не человек, а общая диспозиция эпистемы; именно она находит им место, призывает и утверждает их, допуская тем самым, постановку человека в качестве их объекта». Более того, «бесполезно называть «гуманитарные науки» ложными науками – это вообще не науки; конфигурация, которая определяет их позитивность и укореняет их в современной эпистеме, сама же лишает их возможности быть науками... Таким образом, вовсе не предельная несводимость человека, его непобедимая трансцендентность, и даже не его особая сложность мешают человеку стать объектом науки. Под именем человека западная культура создала существо, которое должно быть позитивной областью знания и вместе с тем не может быть объектом науки» [13, с. 45].

Выступая как «слишком человеческое», гуманизм осуществляет в себе смысл «сверх», заданный пониманием человека, который, являясь завершающим звеном биологической эволюции организмов, одновременно и последовательно определяем вторым членом оппозиции «нечеловеком». В этой противоположности оценок человека как высшего и угнетенного существа заключена череда его предикаций, таких как «индивид», «субъект», «личность». Отсюда, на наш взгляд, осуществляются все деформации понятий, связанные напрямую или означающие человека как такового. В рамках складывающихся мировоззренческих установок (секулярных и религиозных) предлагаются противоположные оценки уникальности и самобытности человеческого существа. Мы полагаем необходимым рассматривать образ человека как фиксацию многообразных историко-культурных традиций и новаций, деятельностных интенций и духовных устремлений. Актуализация секулярных ориентиров в культурной практике человечества обуславливает значение земного существования, подчеркивает принцип ответственности в овладении искусством «быть человеком».

Сторонники структурализма оказались последовательны в проведении линии «теоретического антигуманизма»; в их сочинениях субъект предстает всецело формируемым различными пластами «культурного априори». Соответственно, основной интерес теоретического (структурального) анализа заключался именно в раскрытии внутренних связей и процессов этого

«априори» как чистого объекта познания. В области научного познания человек представляет собой трансцендентную сущность, аналогичную кантовской «вещи в себе». Так, в структурализме продолжалась линия кантовского агностицизма, происходил отказ от научного познания человека. Научность в данном случае объявлялась неприемлемой как метод и способ видения проблемы. Правда, в эволюции этого направления в 70–90 гг. намечился поворот к постструктурализму, сочетающему структуралистские установки с социально-критическими мотивами, что демонстрировало наличие гуманистического фермента даже в жестких сциентистски ориентированных теориях.

В культурной практике XX века выявляются антигуманистические тенденции, спектр их объективных форм постоянно расширяется, «покоряет» человека, контролируя все проявления его бытия. Принципы ренессансной культуры эволюционируют, сообразно с такой точкой зрения, в полную противоположность – дегуманизованную культуру современности. В процессе выявления глубинных социально-психологических истоков социокультурного кризиса необходимо отметить рост «некрофильской», технократической ориентации массовой культуры; возрастание роли «авторитарного типа личности», чьи ценностные ориентиры противоположны демократии, эмансипации, либерализму и толерантности. «Выход из кризиса может быть определен реализацией условий изменения самого человека, с целью последующего усовершенствования существующего образа жизни» [14, с. 192–194].

Анализ концепций конца XX – начала XXI в., в которых отражен анализ нового содержания антропологического, был бы не полным без учета таких следующих направлений: акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология, новый материализм, которые с разной степенью частоты относятся к так называемому термину «постгуманизм». По мнению А.А. Писарева, «этот набор разнородных позиций внес свой вклад в формирование привилегированного места человека как рационального, объективирующего и стремящегося к господству над природой существа и материи как инертной субстанции, а также сопряженные с этими представлениями реальные следствия – капитализм, технонаука и, в конечном счете, антропоцен» [15, с. 148]. Возникновение подобных оценок может спровоцировать кажущаяся «гегемония человека» над миром природы и других живых существ, которые рассматриваются в качестве расходного материала для нужд и потребностей современного человека. Это и бесконечное стремление общества к потреблению, возрастающее каждый год, приводящее человечество к различного рода катастрофам.

Другая крайность в оценке человека, его роли и значения отражена в антигуманистических концепциях. Так, формирование теории «плоская онтология», как справедливо отметил Ю.В. Лоскутов, направлено на осознание «особого статуса» человека, который может представлять перед самим собой и обществом как «вещь-в-себе» или как «ассамбляж», что атакует гуманистический категорический императив И. Канта и размывает вопрос о человеческой ответственности» [16, с. 89]. Автором статьи предлагается глубокий анализ дегуманизированных теорий и формулируется вывод о том, что «если «плоская онтология» применяется к человеку и обществу, формируя соответствующую картину мира, то неизбежен взгляд на человека как на полностью случайное, не обязательное в структуре реальности, манипулируемое извне существо, что может иметь далеко идущие антигуманные практические последствия» [16, с. 97]. Особая опасность данных теорий заключается в том, что собственно человеческое теряет свою привилегированность, изменяется статус человека с творца (демиурга) самого себя и окружающего мира на подчиненное существо, нуждающееся в руководстве извне. Эта установка не только может сформировать пассивное мировоззрение уровня «человек-насекомое», как в романе Б. Пелевина, но и уничтожить в человеке его самость и независимость. Ч. Айтматов описал пытку шири, когда манкурт лишался осознания самого себя, становясь чужелом прежнего человека. Такой образ человека одновременно внушает ужас и сострадание, острую потребность вновь повторить фразу Сатина из пьесы М. Горького «На дне»: «Человек – это звучит гордо»!

Человечество переживало многочисленные преобразования в сферах политики, науки, экономики и т.д. Опровержение привычной морали произошло в большей степени из-за научно-технической революции, трансформировавшей современную культуру. Эта форма выявила несоответствия между новой технологией и унаследованными моральными «кодами», облеченными в традиционные нормы, поддерживаемые законодательно, но не отвечающие требованиям современной жизни. Новая мораль признает тот факт, что современная технология обеспечивает цивилизационный прогресс, однако, наряду с этим, ориентирует человеческую индивидуальность на удовлетворение столь широких потребностей, что приводит к появлению ложных желаний. На основании этого можно полагать, что произошло окончательное завершение общества потребителей, результатом которого стала функционализация самого потребителя, психологическая монополизация всех его потребностей, как вполне единодушное потребление, достигшее гармоничной согласованности с концентрацией и абсолютной заорганизованностью производства. Социальные нормы «стэндинга»,

по мнению Ж. Бодрийяра, создают круговорот вещей с коротким циклом, этот новейший цикл и необходимость ему подчиняться, образуют подлинную мораль человека в западной культуре [17, с. 153], а «логика движения заменяет более субъективную логику обладания и проектирования» [18, с. 88].

Каков портрет человека 2022 года? Могут ли быть применимы к нашим современным социокультурным реалиям, которые являются отражением человеческого выбора и деятельности, установки гуманизма? Каково соотношение современных гуманистических и антигуманистических тенденций в современном мире? Возможен ли диалог и взаимодействие между формами религиозного и секулярного гуманизма? Ответы на эти вопросы требуют обращения к образам современного человека и здесь в антропологическом ключе объединяются такие направления как: философия культуры, философская антропология, социальная философия и др., позволяющие установить целостную и критически осмысленную картину современности, главными персонажами которой является каждый из нас.

Список литературы

1. *Апрелева В.А.* Сакральный Космос Руси Изначальной: мифология, философия, символизм. Ч. 1. Истоки Руси в контексте философии культуры. Гл. 1-8. СПб, 2004. – 220 с.
2. *Гагарин А.С.* Человек одинокий в мифологии и философии античности // Человек в философско-культурологическом измерении. – Нижневартовск. 1998. С. 109–112.
3. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: 1994. – 480 с.
4. *Лосев А.Ф.* Обратная сторона титанизма / Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.
5. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 379 с.
6. *Хайдеггер М.* Время картины мира / Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41–63.
7. *Гусейнов А.А.* Иисус Христос: любите врагов ваших / Гусейнов А.А. Великие моралисты. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
8. *Баткин Л.В.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
9. *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. – М.: Высшая школа, 1977. – 254 с.
10. *Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. - Л.: Наука, 1976. – 153 с.
11. *Камю А.* Миф о Сизифе: Эссе об абсурде / Камю А. Бунтующий человек. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 23–100.
12. *Лисовец И.М.* Эстетика и актуальное искусство в начале XXI века // Философия современного искусства: Матер. VI Овсянниковской междунар. эстетич. конф. Москва, 13–15 ноября. 2014. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 62–68.
13. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.
14. *Фромм Э.* Иметь или быть. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

15. *Писарев А.А.* Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 144–157.
16. *Лоскутов Ю.В.* «Плоская онтология» в социальном контексте // Новые идеи в философии. – Пермь, Изд. центр ПГНИУ. 2021, № 8 (29). С. 89-98.
17. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. – 168 с.
18. *Barthes R.* The New Citroen / Barthes R. Mythologies. – N.Y., 1978. P. 88-90.

THE DEVELOPMENT OF HUMANISM IN RELIGIOUS AND SECULAR FORMS

Marina V. Duminskaya

Surgut State Pedagogical University
10/2, 50 let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia

Veronika I. Miller

Surgut State Pedagogical University
10/2, 50 let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia

The article is focuses on the phenomenon of “humanism” and its transformation into religious and secular forms. The origins of these forms can be traced back to antiquity, while contemporary forms are formed by the 20th century, characterizing two opposite essences of understanding humanism, its specificity, role and significance in the life of a human being and society. By the 21st century, of particular interest is the problem of correlation of humanism and anti-humanism as opposing attitudes of modernity.

Key words: humanism, secular humanism, religious humanism, sacred and profane, anthropomorphism and antihumanism.

УДК 291.11

DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-99-107

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

М.К. Шишкина

Ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: mshishkina34@mail.ru

На современном этапе развития российского общества можно наблюдать качественное изменение религии, расширение сферы ее непосредственного воздействия, а также увеличение числа людей, причисляющих себя к верующим, что получило название «религиозный ренессанс». Происходящие трансформации религии сказываются на важнейших сферах общества, что приводит к необходимости исследовать тенденции изменения религиозности. В данной статье акцент делается на тенденциях политизации и клерикализации религии, которые особенно ярко проявляются в постсоветской России. В новых условиях особенно актуальной становится разработка концепции взаимодействия государства и церкви, а также дальнейший анализ изменения религиозности.

Ключевые слова: религия, религиозность, политизация, клерикализация.

В течение последних тридцати лет в российском обществе происходит всесторонний процесс его модернизации. Реформы, проведенные в конце 20 века, привели к глубокому кризису общества, о чем свидетельствуют снижение уровня жизни, глобальные проблемы в системе социального обеспечения и здравоохранения. Эти события сопровождаются и духовным кризисом, возникшим вследствие безальтернативного отказа от идеологии Советского государства. Сложившуюся ситуацию многие исследователи характеризуют как «духовный вакуум» [1], одной из форм преодоления которого становится обращение к религии. Исследователи, характеризуя ситуацию в этот период, называют ее «религиозным ренессансом» [2; 3], что означает резкий прирост числа верующих.

Прежде, чем говорить о будущем религии, необходимо дать краткую характеристику ее современного этапа. Религиозность в современной России носит сложный, противоречивый характер. Можно сказать, что сего-

дня мы наблюдаем качественно новое явление (по сравнению с религиозной ситуацией до возникновения СССР). Чрезвычайно важно понять, к чему приведет дальнейшее развитие религии, поскольку она оказывает значительное влияние на политику, систему образования, духовную жизнь, на развитие российского общества в целом.

Несмотря на то, что подавляющее количество граждан России причисляют себя к верующим, истинно верующих, воцерковленных, исполняющих религиозные обряды, в десятки раз меньше. Таким образом, религиозность в современной России имеет двойственный характер. С одной стороны, большая часть россиян заявляют о своей религиозности, о своей принадлежности какой-либо конфессии, а с другой стороны, не ведут активной религиозной жизни. Это свидетельствует о том, люди обращаются к вере потому, что им необходима идея, которая позволит им идентифицировать, соотнести себя с другими. Через обращение к религии можно апеллировать к единым корням, традициям, истории и т.п. Так, например, в социальных опросах нередко ситуация, когда респондент причисляет себя к православным, но не причисляет к верующим.

Причины распространения религии также можно найти в том, что помимо запроса в новой мировоззренческой парадигме у граждан постсоветской России, государству было выгодно покровительствовать церкви. Когда произошел распад Советского Союза, а общество находилось в состоянии глубокого кризиса, власти нужен был союзник, авторитету которого могло доверять общество. Поэтому государство и церковь составили союз, в котором как для государства, так и для служителей культа было получено немало выгод. Так, например, церковь оказалась в положении, в котором она может вести коммерческую деятельность, необлагаемую налогом со стороны государства, был введен закон «О защите чувств верующих». РПЦ, таким образом, получает в некотором роде привилегированное положение по сравнению с другими религиозными конфессиями.

Поскольку в целом увеличивается количество людей, причисляющих себя к верующим, меняется их качественный состав, так, например, растет количество прихожан с высшим уровнем образования, следовательно, меняется отношение к возможности взаимодействия науки и религии [4]. Если в советское время существовало резкое противоречие между наукой и религией, то в настоящее время получают распространение теории, стремящиеся их примирить. Богословы стремятся перенять опыт западных теологов, которые давно пишут о возможности интеграции этих сфер.

Но при использовании различных способов соединения религии и науки возникает риск, что как научные, так и религиозные идеи могут быть подвергнуты намеренному искажению, чтобы они лучше соответствовали какой-либо теории. Что, вероятно, и происходит, когда богословы подводят какой-либо факт под подтверждение религиозной теории, но при этом, абсолютно игнорируют те факты, которые никак не вписываются в эту схему. Ведь верующие охотно следуют за священнослужителями, не всегда критически осмысляя информацию, которую они получают [4].

Меняется и сам формат распространения религиозных идей. Сейчас наиболее удобным способом трансляции своих идей является Интернет, который обеспечивает максимально быструю передачу информации от человека к человеку. В связи с этим растет его роль в жизни людей, растет уровень виртуальных ценностей в мировоззрении верующих, в особенности участников информационных сообществ (меняется и сам формат богослужений, появляются онлайн-богослужения, онлайн-службы). Поэтому рост и развитие религиозных ценностей обусловлено, в том числе и воздействием виртуальной реальности.

Из анализа религиозной ситуации в России, можно заметить, что она претерпевает качественные изменения. Для прогнозирования дальнейшей ситуации важно рассмотреть вопрос о перспективах развития религии. Если выделить тенденции, характеризующие ее дальнейшее состояние, можно предположить, какие именно изменения она претерпит, каковы будут ее функции и место в жизни российских граждан. Наиболее явными в постсоветской России являются тенденции политизации религии и клерикализации общественной жизни. Остановимся на каждой из них подробнее.

Политизация религии

В современную эпоху глобализации, трансформации политических систем, становится очевидным процесс взаимодействия двух противоположных сфер – политики и религии.

Политизация – «процесс обретения политического статуса проблемами и явлениями», по сути своей не политическими; она означает переход проблемы из иной социальной сферы в политическую» [5, с. 95]. Обычно к причинам возникновения политизации относят, во-первых, отсутствие способов решения проблемы неполитическими способами. Политизация, во-вторых, может возникнуть, если проблема, которую необходимо решить, обладает высокой общественной значимостью. В-третьих, к причинам возникновения политизации можно отнести «искусственную» политизацию, когда политические субъекты заинтересованы в

получении какой-либо выгоды. Любая социальная проблема становится политической, если в ее решение вмешивается власть. Но, тем не менее, у власти должны быть свои границы, за которые она не должна выходить, чтобы не порождать конфликты и противоречия в обществе. Политизация особенно усиливается в кризисные периоды, когда все больше людей вовлекается в острую политическую борьбу, а социальные явления, сфера которых традиционно лежала вне политики, оказываются с ней связанными.

Религия, взаимодействуя с политикой, сама становится политической силой. Эти изменения ведут к тому, что в политике формируется религиозное пространство, что ведет к трансформации основ религии, изменению функций. Это может оказывать как положительное значение, так и являться разрушающим политическим фактором. Взаимодействие религии и политики, оказывая влияние на жизнь общества, может порождать религиозные конфликты, а также религиозный терроризм.

Политизация религии является острой проблемой российского общества. По закону духовные лица не могут самостоятельно заниматься политической деятельностью, но вместо них этим занимаются их представители, которые входят в различные партии и воздействуют на принятие различных руководящих документов. К явным примерам проникновения религии в государственную жизнь можно отнести следующие явления: религиозная символика внесена в государственный гимн и наградные и денежные знаки страны; часто происходит освящение официальных мероприятий, а видные политические деятели появляются на различных церковных мероприятиях, что транслируется через СМИ.

В определенной степени власть в этом отношении зависит от общественного мнения, поскольку для большого количества россиян православие выступает как национальный, интегрирующий фактор. Но важно отметить, что власть не только не вмешивается в эти процессы, но напротив, поддерживает их.

Процесс политизации религии идет вразрез со светским укладом современной России. Интеграция политических интересов части духовенства с вовлечением его в политический процесс приводит к возникновению и усилению клерикализма. С одной стороны, можно понять, что клерикализм существует как оппозиция секуляризации. Но нельзя забывать, что клерикализм вреден по своей сути, поскольку усиливает разделение между людьми, классифицируя их как верующих и неверующих, что способствует дестабилизации социальной ситуации, а также создает риск для возникновения и развития атеофобии.

Клерикализация общественной жизни

«Клерикализм – совокупность стремлений, направленных на укрепление авторитета и усиление влияния католической церкви и ее главы» [6]. Но данное явление относится не только к католицизму; так, для православия в современной России также характерна тенденция клерикализации.

Распространение идей клерикализма производится разными способами. Один из них – интеграция государственной и церковной идеологии (один из примеров – введение в 2020 году в Конституцию понятия «Бог»). К другим способам распространения идей клерикализма можно отнести их трансляцию их через СМИ, а также введение в образовательные стандарты таких дисциплин как история православия, закон Божий и т.п.

Согласно статье 14 Конституции Российская Федерация является светским государством, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [7]. В соответствии с данным конституционным принципом статья 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» определяет, что государство: – не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. Не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления. Не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону. Обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях [8].

Эта же статья регламентирует запрет для религиозных объединений выполнять функции органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления. Но нарастание тенденций клерикализма вызывает ответную реакцию в общественном сознании. Наиболее ярко это иллюстрирует письмо десяти академиков РАН к президенту В.В. Путину, в котором выражается обеспокоенность «всё возрастающей клерикализации российского общества» [9], сопровождающейся «активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни» [9], особенно в систему образования. Авторы письма подчеркивали необоснованность введения теологии в пе-

речень научных специальностей (что все-таки произошло в 2021 г.), а также внедрения в школьную программу дисциплины «Основы православной культуры» (что также произошло в 2012 г. во всех регионах страны). «Верить или не верить в Бога – дело совести и убеждений отдельного человека. Мы уважаем чувства верующих и не ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира», подменить знания, накопленные наукой, верой. Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует» [9]. Академики обвиняли Русскую православную церковь в «православном шовинизме» [9], подчеркивая, что необходимо принять во внимание, что Российская Федерация – многоконфессиональное образование.

Также одним из показательных признаков возрастающего клерикализма служит демонстрация положительного отношения чиновников к религии. Они участвуют в религиозных встречах, обрядах, церемониях, производится освящение различных мероприятий, а трансляция этого населению ведется через телевизионные каналы, которые также финансируются государством. Православные иерархи регулярно высказывают свое мнение по важнейшим вопросам развития страны (от пандемии коронавирусной инфекции до освещения СВО).

Помимо отсутствия системы налогообложения для религиозных организаций, идет процесс реституции церковного имущества. Закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [10] усиливает процесс превращения религиозных организаций в крупнейших собственников имущества, что вызывает протесты граждан. Примером может служить перенос Пермской государственной художественной галереи из здания Спасо-Преображенского кафедрального собора [11], или протесты в сквере на Октябрьской площади 2019 года в Екатеринбурге [12].

Сторонники клерикализма также стараются объяснить необходимость усиления власти церкви тем, что она является основой морали и нравственности. Религиозные объединения постоянно высказываются по вопросам духовно-нравственного образа россиян, апеллируя к понятию «традиционные ценности». При этом государство оказывает духовенству колос-

сальную поддержку, выделяя из бюджета средства для производства фильмов, проведения различных фестивалей и праздников, основным мотивом которых служит пропаганда религии, ее основ и положений учения.

В условиях пропаганды религиозных идей в сознании некоторой части населения формируется представление о религии как основе национального самосознания и культуры, а также хранительнице традиционных ценностей. Для этой части жителей России, которая является одной из самых многочисленных в современном обществе, религия выступает как фактор культурной идентификации себя с другими, сочетаясь при этом с практически полным отсутствием активной религиозной жизни. И.Г. Каргина, анализируя этот феномен, называет такую религиозность религиозностью «фуззи», что в переводе означает «нечеткий» [13, с. 91].

Таким образом, можно сказать, что после распада Советского Союза религия начинает играть замещающую роль. Постсоветская Россия нуждалась не столько в вере в Бога, сколько в смыслообразующих ориентирах. В этой ситуации православие, уходящее корнями далеко в историю российского народа, проникает в сознание россиян. При отсутствии каких бы то ни было альтернатив, отсутствии идеологического многообразия, объяснима попытка увидеть в религии некую национальную идею, историческую перспективу.

Но для такой религиозности характерен целый ряд отличительных характеристик. «Большинство верующих обращены к внешней, обрядовой стороне религиозности, а не к внутренней, которая характеризуется как раз уровнем веры, качеством религиозных убеждений. Согласно исследованию Аналитического центра, Ю. Левады, проведенному в 2011 году, среди православных в Бога верит примерно половина граждан России, 49 миллионов россиян почти не ходят в церковь, не особенно верят в воскресение и реальность личности Христа, не молятся; в загробную жизнь среди православных верит 21 %, в рай – 41 %, а в ад – чуть больше 48 % верующих, 93 % из православных россиян никогда не участвовали в приходской жизни» [14]. По опросу ВЦИОМ, проведенном в 2022 году, «около 70 процентов россиян считают себя православными» [15], но «ходят в храм около половины православных россиян (49 процентов), причащаются и исповедуются – чуть более трети (38 и 35 процентов соответственно). Четверть говеют. Из них лишь каждый пятый – в Великий пост. А все периоды строгого воздержания соблюдают только пять процентов воцерковленных. Большинство же православных – более 70 процентов – правилам не следуют» [15]. Эти показатели также могут служить подтверждением выдвинутого тезиса, что для большого числа верующих религия является

лишь культурной традицией. Понимание религии как культурологического феномена не предполагает обязательного исполнения церковных обрядов. Поэтому и религиозные объединения начинают также менять сферу своего воздействия, например, открывают школы для детей и взрослых, а также различные кружки, лагеря и т.д. Таким способом церковные организации стремятся охватить как можно больше сфер жизни современного человека, которые не входят в сферу их непосредственного влияния.

Подводя итог, можно предположить, что перечисленные выше тенденции, которые также нуждаются в дальнейшей разработке и систематизации, приведут к усилению влияния церкви, а также укреплению взаимодействия государства и церкви. На сегодняшнем этапе нельзя сказать, что выделенные тенденции пойдут на спад, или что снизится рост людей, причисляющих себя к верующим. Поэтому необходима разработка концепции взаимодействия государства и церкви, рекомендации по взаимодействию власти с различными конфессиями для того, чтобы избежать межконфессиональных конфликтов. Также в современных условиях чрезвычайно важно обеспечить взаимопонимание между различными конфессиями, а также выработать пути для установления уважительных, терпимых отношений между различными религиями.

Список литературы

1. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
2. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. №2. С. 24–36.
3. О религии, атеизме и православии. Академик Лев Митрохин отвечает на вопросы портала «Религия и СМИ». URL: <http://religare.ru/article/1062.htm> (дата обращения 12.09.2022).
4. Барбур И. Религия и наука. История и современность. – М.: Библейско-Богословский институт святого апостола Андрея, 2000. – 430 с.
5. Данилов, М.В. Явление «политизации» в современном обществе: постановка исследовательской проблемы // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. Т. 9. 2009. С. 92–96.
6. Философский энциклопедический словарь. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/index.htm> (дата обращения 04.09.2022).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ – ФКЗ 6 от 30.12.2008, ФКЗ 7 от 05.02.2014, ФКЗ 2 от 01.07.2020, ФКЗ 11 от 21.07.2020 // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
8. Федеральный закон 125 от 26.09.1997 (ред. от 11.06.2021) “О свободе совести и о религиозных объединениях” (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021).
9. Открытое письмо десяти академиков РАН президенту Российской Федерации В.В. Путину. URL: <https://gorod.tomsk.ru/index-1214485407.php> (дата обращения 10.09.2022).

10. Федеральный закон 327 от 30.11.2010 «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (с изменениями и дополнениями).
11. Пермская художественная галерея должна выехать из здания собора к июню 2022 года. URL: <https://www.business-class.su/news/2021/12/03/permskaya-hudozhestvennaya-galereya-dolzha-vyehat-iz-zdaniya-sobora-k-iyunyu-2022-goda> (дата обращения 05.10.2022).
12. Протесты в сквере Екатеринбурга (2019). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_сквере_Екатеринбурга_\(2019\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_сквере_Екатеринбурга_(2019)) (дата обращения 05.10.2022).
13. *Каргина И.Г.* «Фуззи» религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 4. 2009. С. 89-96.
14. *Пронина Т.С.* Религиозность современных россиян: смена форм или содержания? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 9 (113). 2012. С. 312-319.
15. Сколько на самом деле православных в России. URL: <https://ria.ru/20220324/pravoslavnye-1779713968.html> (дата обращения 29.08.2022).

TRENDS IN THE CHANGE OF RELIGIOSITY IN POST-SOVIET RUSSIA

Mariya K. Shishkina

Perm State University

15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia

At the present stage of development of Russian society, one can observe a qualitative change in religion, the expansion of the sphere of its direct influence, as well as an increase in the number of people who consider themselves believers, which is called the “religious renaissance”. The ongoing transformations of religion affect the most important areas of society, which leads to the need to study the trends in the change of religiosity. This article focuses on the tendencies of politicization and clericalization of religion, which are especially pronounced in post-Soviet Russia. In the new conditions, the development of the concept of interaction between the state and the church, as well as further analysis of the change in religiosity, becomes especially relevant.

Key words: religion, religiosity, politicization, clericalization.

МЕТАСИСТЕМА НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Л.Г. Сидоров

Кандидат экономических наук, доцент кафедры философии, социально-культурных технологий и туризма

Рыбинский государственный авиационный технический университет

152934, Ярославская область, г. Рыбинск, ул. Пушкина, 53

E-mail: phiskt@rsatu.ru

В статье рассматривается проблема формирования нравственной среды научного управления как метасистемы управления. Критикуются современные западные теории, определяющие научное управление как систему манипуляции. Отмечается, что научное управление в процессе коммуникации выступает как вдохновение – инспиративное управление. Автор обосновывает необходимость популяризации научного знания. Автор приходит к выводу, что нравственная среда научного управления включает в себя такие символические медиа коммуникации как знание, истина, трудовой смысл жизни и т.п. Основой нравственной среды научного управления является социальный идеализированный проект. Модель желаемого будущего включает в себе рациональные и иррациональные элементы философии, науки, религии, искусства, идеологии, утопии. В качестве идеализированного проекта в XXI веке сформировалась модель гуманистическое общество знания.

Ключевые слова: научное управление, вдохновение, нравственная среда, общество знаний.

Научное управление влияет на все сферы общественной жизни, формирует прогрессивные тенденции развития. Современная технократизация и бюрократизация системы научного управления, оказавшись индифферентной нравственным склонностям и поступкам человека, не способна создать условия успешного научного управления в обществе. Задача данной статьи определить нравственные основания научного управления как метасистему научного управления. С одной стороны, под научным управлением понимается эффективное управление на промышленном предприятии на основе контроллинга, нормирования, стандартизации и его влияние на человека и общество. С другой стороны, научное управление в процессе коммуникации представляет собой влияние одной системы на поведение другой системы с определенной целью с использованием научных методов и ценностей. Научное управление привносит в обыденную

жизнь символические ценности науки, такие как истина и знание, вдохновляет человека на основе высших ценностей.

В XIX в. формируется теория научного управления на предприятии. В системе нормоконтроля Ф. Тейлора были заложены основы классической концепции «экономического человека». Позднее сформировалась административная школа в управлении, представленная в работах Л. Урвика и А. Файоль. В ней рассматривалась концепция «административного человека», живущего интересами, ценностями и целями своей организации. М. Вебер теоретически исследует условия формирования «административного человека» на основе понятий «идеальный тип», и «бюрократия». К сожалению, научное управление, основанное на технократической, бюрократической системе потребительского общества не развивает лучшие человеческие качества, не делает счастливее всех, кто этого достоин. Деньги становятся основным критерием эффективности работника, мерилom достоинства человека. Стремясь любой ценой извлечь прибыль «экономический» человек становится индифферентен высшим ценностям, смыслом, нравственному чувству. Согласно Ф. Тейлору человеку нужны деньги, но работать он не хочет. Кризис классического подхода к научному управлению определяется еще и тем, что ценности истины и бескорыстия науки не совпадают с ценностями организационного управления, менеджмента, как системой манипулирования с целью получения материальной выгоды. Возникают негативные явления, ведущие к дегуманизации, бюрократизации общества, к корпоративизму. Неверие в социальные идеалы, возможность их осуществления приводит к социальной энтропии, коррупции, аномии, которые становятся системообразующими элементами общества. Еще А. Смит отмечал, что управление рыночным хозяйством может быть успешным только в условиях создания нравственных отношений в обществе. Философия научного управления с XIX века и на Западе, и в России пошла по пути менеджизма: бюрократизации и рационализации научного управления организацией. Нравственный пафос научного управления как искусства, постепенно уходит из социального научного управления. Нравственные основания управления являются метасистемой научного управления.

В XXI веке начинает формироваться общество знаний. Научное управление, развиваясь на основе научного знания, формируется как символическая побудительная коммуникация на основе высших ценностей науки – истины и знания. Об этом фундаментальном сдвиге в системе научного управления писал В.В. Миронов. Он отмечал, что революция в научном управлении заключается в изменении подхода к идеалу

научности и переосмыслении роли человеческого фактора [1]. Научное управление как коммуникация и инспирация приобретает свойство побуждать к свободному принятию решений, общественно-полезному действию при условии формирования нравственной среды управления, необходимой для высококвалифицированного специалиста и инновационного управления. Высокотехнологичное общество знаний формирует новый тип коллективного субъекта управления – обучающуюся организацию профессионалов. «Профессиональный человек» перманентно совершенствуется. Профессионал – это интеллектуал с высоким уровнем знаний и творческих взглядов, он имеет гражданскую ответственность. Творческий труд нелегок. Но он развивает человека, преодолевает социальное отчуждение. Стремление к труду как способу самореализации придает жизни смысл, формирует потребность в совершенствовании. Прогресс технический объединяется с прогрессом гуманитарным. Цель гуманитарного прогресса – развитие возможностей человека, обеспечение выживания человечества, сохранение Человека в человеке. Образованные люди, граждански настроенные профессионалы в наиболее развитых странах становятся коллективным субъектом управления в формирующемся обществе знаний.

Философия научного управления в России излишне технологична, ей недостает нравственных оснований. В отсутствии метасистемы научное управление не может получить общественное признание, выполнить свое предназначение. В настоящее время в российском обществе социально-гуманитарные науки лишены возможности вести откровенный диалог с народом и властью. Кредит доверия социальным наукам за последние годы был исчерпан. Это объясняется тем, что она, во-первых, воспринимается как знание утопическое, как идеология. Во-вторых, для малого и среднего бизнеса наука вообще – невыгодный бизнес, требующий крупных вложений, которые не всегда окупаются. К тому же результатами науки в нашей стране в ряде случаев можно пользоваться бесплатно. В-третьих, многие считают, что проще покупать товары из-за рубежа. Такой подход активно поддерживают идеологи глобального общества. Социально-гуманитарные исследования, обеспечивающие и поддерживающие независимый культурный код развития русской цивилизации не нужны глобальному обществу и даже вредны, их трудно и дорого опубликовать на Западе. Научные журналы в России, обязанные учитывать множество бюрократических требований, включаться в дорогостоящие западные системы цитирования, испытывают трудности, попадают в заведомо проигрышные условия конкуренции с западными издательствами.

Формирующееся гуманистическое общество знаний – это не только общество организаций, это, прежде все, общество коммуникации, в котором доминирует новый вид управления – инспиративное управление как вдохновение смыслами. В процессе коммуникации управляющая система силой мысли «захватывает» управляемую систему. Инспиративное управление в обществе – это вдохновение высшими ценностями, искусство управления в процессе коммуникации. Концепция инспиративного управления [2] опирается на теорию эмпириомонизма и тектологии А.А. Богданова [3]. Согласно А.А. Богданову в основе управления лежит механизм психоэнергетики, определяющий воздействие идей на труд и жизнь человека. Научное управление одновременно является и наукой, опирающейся на законы, и организационным искусством. Управление как искусство направлено на то, чтобы управляющая система смогла представить свои цели и ценности как интересы управляемой системы, как удовольствие к которому все стремятся. В этом смысле управление как коммуникация совпадает с идеологией. Управление как организационное искусство по А.А. Богданову призвано объединить организацию идей с организацией людей и организацией вещей. Если управление осуществляется на основе положительного подбора, происходит прогрессивное развитие общества. Если в обществе побеждает отрицательный подбор, начинается общественный регресс.

Н. Винер в работе «Кибернетика и общество» отмечал проблему усиления власти искусственного интеллекта в обществе. Он писал о необходимости гуманизации социального управления, о том, что только мечтающий человек способен двигать общественный прогресс. Винер утверждал, что важна обратная связь: изменив среду, мы должны нравственно изменить себя, чтобы в ней выжить [4]. Инспиративное управление развивает творческую, нравственную сущность человека, осуществляет модернизацию массовой культуры посредством популяризации научного знания. Способствует созданию единой среды коммуникации ученых и народа. Инспиративная концепция управления принципиально отличается от риторической теории Д. Макклоски и А. Кламера. Она противостоит акторно-сетевой концепции Б. Латера [5]. Лингвистические приемы в риторической концепции рассматриваются как методы внедрения нужных экономических теорий в подсознание людей как форма манипулятивного управления. Б. Латер в своей акторно-сетевой теории исключает понятия истины и добра из сферы природы человека. Личность отождествляется с бездушными актерами – неодушевленными предметами и явлениями. С человека снимается ответственность за свои поступки перед кем бы то ни

было. Инспиративное управление, используя высшие смыслы, вдохновляет человека, творчески его совершенствует: способствует развитию социальной активности, стремлению к позитивному преобразованию мира.

Инспиративное управление формирует нравственные основания коммуникации – метасистему научного управления. К основным характеристикам инспиративного управления можно отнести следующие его свойства. Инспиративное управление, во-первых, ориентирует человека на высшие смыслы, имеет трансцендентальные свойства, выполняет функцию социального рычага управления; во-вторых, опирается не только на явное, но и на неявное знание, содержит в себе элементы, с одной стороны, научного исследования, с другой стороны, произведения искусства, имеет мыслечувственные свойства; в-третьих, имеет системный национально ориентированный характер, способствует межкультурному полицентричному взаимодействию; в-четвертых, имеет синергетические свойства, формирует единое пространство научного управления, нравственные ценности, на основе которых осуществляет прямую и обратную связь в процессе коммуникации. Инспиративное управление как вдохновение высшими смыслами в процессе коммуникации формирует метасистему научного управления. Метасистема научного управления создает условия совершенствования возможностей человека и организации, прогрессивного развития общества. Метасистема научного управления, ориентирует ученого на профессиональное совершенствование, гражданскую активность, нравственные смыслы, мечту. Формируется команда единомышленников, коллективный субъект научного управления – профессионалы, обучающиеся организации. В процессе коммуникации осуществляется разработка прикладных технологий, проникнутых пафосом нравственного чувства. Нравственные основания научного управления способствуют популяризации научного знания. Формируется обратная связь научного управления между учеными и народом.

Автор приходит к выводу, что отсутствие единых нравственных оснований научного управления ведет к тому, что национальные государства превращаются в объект управления нелегитимных структур глобального общества. В метасистеме научного управления глобального общества потребления доминирует идея власти над миром любой ценой, т.к. власть над материальными ресурсами обеспечивает бесконечный рост потребления. Это ведет к угрозе миру и экологическим рискам. Нравственные основания научного управления обеспечивают безопасность современного общества на основе высших ценностей, отказа от ценностей глобального общества потребления. Нравственные основания научного управления

способствуют духовному восхождению человека, превращают его из объекта в субъект управления. Высшие ценности включают в себя понятия всеобщего блага, справедливости, солидарности, ориентируют на творческий трудовой смысл жизни. Они формируют нравственные основания научного управления, морально санкционирующие самоуправление системы «человек – общество – организация». Становление культурной среды научного управления рассматривается в концепциях экзистенциального менеджмента Дж. Одиорне, И. Нонака, Н. Конно и др. Философской основой экзистенциального менеджмента выступают идеи экзистенциализма и интеракционизма, изучающие культурную среду социальной коммуникации. В отсутствии нравственных оснований социальной коммуникации человек теряет нравственные ориентиры самоуправления.

Формирование метасистемы научного управления в процессе коммуникации осуществляется в диалоге между руководителем и подчиненным. Монологизм создает иллюзии менеджериализма, ведет к абсолютизации бюрократизма в управлении. Диалогический подход к научному управлению – необходимое условие формирования нравственных оснований метасистемы научного управления, социальной ответственности человека и организации. Метасистема научного управления – это мягкая сила, способствующая успешному решению поставленных задач. Она создает привлекательный образ трудового человека, трудовой смысл жизни, позволяет гармонизировать материальные и духовные потребности. Основу метасистемы научного управления составляет не столько кабинетный рационализм, сколько интуиция совести и историческая память.

Метасистема научного управления формирует единый язык, понятный простому человеку, неспециалисту в сфере управления и философии. В результате ученые получают возможность помогать людям, демонстрировать им свое неравнодушие к насущным проблемам. В настоящее время такая метасистема научного управления развита слабо, философские тексты, язык философской науки обращен сам к себе и перегружен иностранными терминами. В философских работах часто отсутствует нравственная позиция автора, ясность. По поводу таких работ откровенно иронизирует Е.В. Золотухина-Аболина. Она отмечает, что один профессионал – философ не может понять, что написал другой. Это происходит потому, что в ряде случаев авторы специально создают такой текст, «чтобы никто ничего не понял» [6, с. 49]. В результате каналы коммуникации засоряются, в людях появляется негативное чувство и недоверие к философии. Хотелось бы в связи с этим вспомнить А.Г. Баумгартена, который отмечал необходимость «приноравливать» научное знание к пониманию окру-

жающих. Он видел в этом основное практическое значение философско-эстетического опыта.

Метасистема научного управления опирается на социальный идеализированный проект, который включает в себя элементы нравственной философии, религии, науки, мифологии, утопии, искусства. Основой метасистемы научного управления является сконструированный на основе высших ценностей социальный идеализированный проект желаемого будущего. Социальный идеализированный проект будущего определяет характер прогрессивных изменений в обществе. Это мечта человека о лучшем будущем. Метасистема научного управления создает условия популяризации науки, в результате чего создается рычаг для запуска синергетических процессов в обществе. Метасистема научного управления создает основы системного мышления человека – профессионала и гражданина. В.С. Диев отмечает, что «модель будущего страны определяет и её настоящее. Не решив этой проблемы, трудно говорить о построении национальной модели управления» [7, с. 86]. Основу нравственной среды современного информационного общества составляет социальный идеализированный проект гуманистического общества знаний, меритократическая модель управления. В меритократической системе научное управление ориентировано на трудовой смысл жизни человека, где конечной целью являются не деньги, а успехи в труде, заслуги перед обществом.

Чтобы научное инспиративное управление смогло стать организующей силой общества необходима метасистема, ориентированная на знания, истину, трудовой смысл жизни. Условием ее развития являются идеализированный проект будущего, интеллектуализация общества, развитие наукоемкого производства. Научное знание должно вдохновлять человека на творческое преобразование жизни. В метасистеме современного научного управления развитых стран уже конструируется новый идеализированный проект гуманистического общества знаний, «генетический код» будущего [8, с. 79].

Список литературы

1. *Миронов В.В.* Управление как наука: традиции и инновации // Высшее образование в России. 2008. № 2. С. 172-175.
2. *Сидоров Л.Г.* Инспиративная концепция научного управления: ценности и идеалы // Идеи и идеалы. 2021, т. 13, №2, ч.2. С. 284–302.
3. *Богданов А. А.* Эмпириомонизм: Статьи по философии. – М.: Республика, 2003. – 396 с.
4. *Винер Н.* Кибернетика и общество. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 288 с.
5. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 211–242.

6. Золотухина-Аболина Е.В. О популяризации философского знания // Философия – обществу. – СПб.: Изд-во СПб ун-та. 2007. С. 47–51.
7. Диев В. С. Задачи и перспективы философии управления // Вестник Хакасского гос. ун-та. № 25. 2018. С. 83–86.
8. Касавин И.Т. Миф науки как источник прогресса // Вопросы философии. 2021, № 11. С. 76–82.

METASYSTEM OF SCIENTIFIC MANAGEMENT

Leonid G. Sidorov

Rybinsk State Aviation Technical University
53, Pushkin St., Rybinsk, 152934, Russia

The article deals with the problem of the formation of the moral environment of scientific management as a management metasystem. Modern Western theories that define scientific management as a system of manipulation are criticized. It is noted that scientific management in the process of communication acts as inspiration - inspirational management. The author substantiates the need to popularize scientific knowledge. The author comes to the conclusion that the moral environment of scientific management includes such symbolic media communications as knowledge, truth, labor meaning of life, etc. The basis of the moral environment of scientific management is a social idealized project. The model of the desired future includes rational and irrational elements of philosophy, science, religion, art, ideology, utopia. As an idealized project in the 21st century, a model of a humanistic knowledge society was formed.

Key words: scientific management, inspiration, moral environment, knowledge society.

КАК ВЫЙТИ ИЗ ИГРЫ? О СОВРЕМЕННОЙ ГЕЙМИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Биричева

Кандидат философских наук, науч. сотрудник сектора истории и философии науки
Институт философии и права Уральского отделения РАН
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: ek.v.bir@gmail.com

Геймификация современности ставит вопрос о поиске границ игры (определения не-игры). Парадоксальный характер феномена выявляется в контексте анализа сходств и различий с игрой животных, особенностей детской игры, проявлений элементов игры в различных сферах человеческой жизни и деятельности. Отмечается непротивоположность игры взрослости, серьёзности, утилитарности, добровольности, труду, рутинности и т.п. Метафора мира как игры предельно расширяет границы данного феномена, обнаруживая в т.ч. мнимость альтернативы «игрушка или игрок?». Однако «зона свободы» открывается в измерении, топологически «перпендикулярном» пространству тотальной геймификации. Принятие бытия-в-игре выводит к пониманию условности этого состояния и безусловной ответственности собственных актов, не исключая и положительные аспекты использования игры в качестве инструмента творчества.

Ключевые слова: игра, игроизация, геймификация, онтология игры, сущность игры, детская игра, субъект игры, игрушка, игрок.

В социально-гуманитарных исследованиях последних десятилетий концепт игроизации/геймификации активно используется для характеристики современной действительности [1; 2; 3; 4]. Для нашего времени очевидно исторически беспрецедентное массовое увлечение не только детей, но и взрослых играми, прежде всего, виртуальными. Однако феномен геймификации имеет более широкий смысл, обнаруживающий игровые черты в деятельности, на первый взгляд, совершенно далёкой от игр (и, может быть, даже этически несовместимой с ними), например, в мировой политике [5], работе с трудовыми ресурсами [6], познавательных стратегиях исследователя [7, с. 99; 8, с. 51] и т.д. Возникает вопрос: по каким критериям игроизацию можно назвать специфической особенностью именно современного общества? Ведь даже об игре в цифровом мире можно говорить просто как о продолжении реализации в новом простран-

стве и с помощью новых технических средств извечной человеческой потребности. Так, если современность претендует на исключительность в плане места и роли игры в жизни человека, то следует прояснить, какие смыслы сегодня несёт этот феномен. Наконец, немаловажной в этом контексте является проблема «выхода из игры» для человека, чувствующего себя элементом неуправляемо разыгрывающейся «партии».

Методологически целесообразным для подобного исследования видится использование экзистенциально-феноменологического подхода, который позволяет не только анализировать переживания, ценностные ориентиры и мировоззренческие основания реальных индивидов, но и рассматривать исследуемое с учётом его амбивалентного характера, во всей полноте [9, с. 7–8]. Интерес к практике имени дела с бытием-в-игре приводит в поле чисто теоретических вопросов о природе тотальной геймификации и о сущности игры. Однако обращение к исследовательской традиции этого феномена даёт скорее «отрицательный» результат, погружая в лавину парадоксов и не позволяя выделить критерии различения игры и не-игры: игре не противоположна ни взрослость, ни серьёзность, ни повседневность (и т.д.). О классификациях игр, их функциях, возможностях и рисках их применения написано огромное количество работ; при этом сложно отыскать чёткое определение игры как таковой, понять, что ей противоположно, осмыслить специфику человеческих игр. Не претендуя на теоретический прорыв в такой сложной области, попробуем, тем не менее, решить практическую задачу, рассматривая парадоксы игры в надежде выйти из герменевтических кругов, по крайней мере, обогатившись пониманием, более широким видением того, что с нами происходит.

Наиболее распространённое интуитивное понимание игры соответствует её определению с точки зрения психологии: «форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закреплённых способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры» [10, с. 121]. На первый взгляд, действительно, под такую дефиницию попадает всё от детских игр в дочки-матери, войнушку, прятки и т.д. до ситуативных игр для взрослых в рамках, например, педагогических технологий повышения квалификации. Однако данное определение сужает игру до чисто человеческого феномена, который, к тому же, предполагает конвенционально фиксированные правила и отсекает не менее значимое получение индивидуального опыта. Во-первых, животные тоже играют (в охоту, состязание, заботу и т.д.) [11, с. 22–23]; во-вторых, у ребёнка игра «во всё» отличается спонтанным «изобретением» правил и их сменой «на ходу» [12, с. 15–17]; наконец, любой социальный опыт «усваивается» в единичных уникальных актах, давая эвристики, благодаря которым сами эти общественные практики получают возможность трансформироваться (ста-

новятся исторически изменчивыми). В противоположность традиционному пониманию игры некоторые исследователи поэтому замечают, что это «не столько действие, сколько состояние» [13, с. 87; 14, с. 152], обращая внимание не только на деятельностный или поведенческий уровень, но и на эмоциональный фон, настрой, коммуникативные компоненты, экзистенциальные смыслы, которые несёт человеческая игра.

Несомненно, человеческая игра специфична, набор игровых элементов для человека практически не ограничен. Человек способен вжиться в любую роль, метафорически представить себя или какой-то предмет кем и чем угодно, а игры животных каждого вида ограничены соразмерными их образу жизни функциями (к примеру, кошка может «охотиться» за мячиком, как за живой жертвой, но вряд ли станет представлять, что за ней самой гонится хищник, примеривая на себя роль напуганной мыши или летящей птицы). Исследования развития детей в их отличии от животных обнаруживают изначальную естественную расположенность человека к тому, чтобы «увидеть себя во всём» [15, с. 92–124] и отвечать миру выражением самоощущения, уже в детском лепете «давая отчёт» об окружающем положении дел, о чертах мира, произведших впечатление [16, с. 103, 109–111]. Имея дело с миром, ребёнок осваивает его поначалу не путем логического анализа, а «вживанием» во всё являющееся, подражательным перенятием образов и явлений. Концентрируясь, прежде всего, на событиях и «цельных сдвигах», малыш во взаимодействии с другими людьми, в совместных практиках на первых порах в языковом плане обращается к другому не как *я* к *ты*, повторяя какие-то действия взрослых. Он общается «гораздо интереснее: самим собой, всем своим существом. Происходит обмен индивидами... целиком он вбирает в себя саму личность взрослого, он сам и есть взрослый, в данный момент меняет себя на него, перенимает его, вмещает в себя..., перемагничивает вокруг себя как уже хозяина всю ситуацию» [15, с. 102–103].

До 5–6 лет «дети всегда заняты игрой. Не играющий ребёнок представляет собой исключение из правила, что вызывает особое внимание родителей, педагогов и врачей» [17, с. 73]. Этот период характеризуется непрерывными преобразованиями в то, что захватывает, спонтанным переключением с одних ролей и метафор на другие. И основное, качественное, отличие человеческой игры заключается в смене правил, смене игр, которое ярко прослеживается в ранней детской игре. «У детей так называемого дошкольного возраста в первые пять лет жизни смена игры, так сказать, входит в игру... Ребёнок может, подарив игрушку, тут же потребовать её назад. Здесь нет нечестности и слабоумия. Игрушка была им подарена внутри прежней игры, а теперь он включил себя в другую» [12, с. 15–16]. Ребёнок для своей игры вовсе не обязательно выделяет какое-то особое пространство и время, как это закрепляется в традиционном пони-

маний игры [11, с. 47–49], ведь поначалу весь мир для него един и поворачивается разными сторонами, с каждой из которых малыш старательно взаимодействует [12, с. 304–305]. «Раннее детское восприятие купается в сплошной метафорике. Ветка человек, расколотое полено лицо, сам я кролик. Вы думали не знаю что, но дело обстоит иначе, факт тот, что я морская свинка. Эта вакханалия детской метафорики постепенно упорядочивается» [12, с. 86], «правила игр» фиксируются, однако, тем не менее, остаются открытыми для пересмотра. Взрослея, человек выстраивает психологические механизмы защиты от негативных аспектов окружающей реальности, начинает игнорировать нежелательное и с возрастом разучается играть «во всё», шаблонизируя своё видение и как бы окаменевающая в определённых ролях.

Ещё одним распространённым мнением является редуцирование игры к чисто развлекательному или, по крайней мере, «неутилитарному» феномену [18, с. 50]. Однако игры успешно применяются, например, для обучения, поиска решений нетривиальных задач, организации продуктивной деятельности (например, помощь пользователей в обработке больших объёмов визуальной информации по типу игры с достижениями, уровнями сложности и т.п.). Конечно, игра способна быть «целью самой по себе», но в отмеченных случаях цель игры лежит не только в процессе, но предполагает и практически полезный результат (например, создание научных баз данных на основе распознавания объектов на снимках с космического зонда или на микрофотографиях колоний бактерий). Также игру не стоит однозначно противопоставлять труду, как полагают некоторые исследователи [17, с. 75]: участие в спортивных состязаниях, исполнение музыкальных произведений, актёрская игра и другие подобные практики требуют огромной умственной и физической работы, рутинной подготовки. С другой стороны, для возвращения интереса к труду достаточно продуктивной стратегией является «придумать себе игру» (представить себя кем-то другим или «посоревноваться» с самим собой, чтобы было не скучно выполнять рутинные действия).

В плане же наличия «трудовых» компонентов примечательны и игры в узком смысле, особенно видео- и компьютерные игры. Киберспорт (например, соревнования по спидранам, быстрому прохождению игр за счёт виртуозности и специфических стратегий) не случайно так назван: участие в виртуальных состязаниях немыслимо без длительного предварительного «изучения» игровых механик, оттачивания навыков, быстрых реакции и т.п. Большинство современных ролевых онлайн игр содержит большую долю рутинных компонентов, в которых игрок не столько проходит сюжетную линию или взаимодействует в PvP-режиме с другими онлайн-пользователями, сколько однообразно выполняет поиск и продажу предметов, маленькие задания от неигровых персонажей (NPC), накопле-

ние ресурсов, очков, «опыта» и т.п. (например, от игроков World of Warcraft, Linage, Dota 2, Genshin Impact и многих других ММО нередко можно услышать, что это для них «как вторая работа вечером после основной» или «сколько же ещё “качать” своего персонажа до нужного уровня?!»).

С другой стороны, игрок в любую (не только компьютерную) игру всегда может преследовать утилитарные цели в плане достижения личной выгоды — победить, получить приз, натренировать определённые способности, показать свои умения перед другими, завязать новые знакомства, научиться чему-то интересному и т.д. То есть серьёзное увлечение взрослых играми (к примеру, ролевыми в реальности, историческими и художественными реконструкциями) зачастую обусловлено не чисто развлекательными потребностями, но получением опыта, смысла, эмоционального удовлетворения (скажем, ролевики совершенствуются в шитье костюмов, куют оружие, создают «фантастические» предметы; переживают события и отношения, которым может не быть аналогов в их личной жизни; получают эстетическое наслаждение при изготовлении искусных фантазийных вещей, а нередко и деньги от их продажи). В таком случае представляется не совсем корректным детерминировать сущность феномена мотивацией к вовлечению в него (иначе по такому же принципу наукой нельзя было бы назвать деятельность исследователя, который, выполняя трудовые обязанности, желает при этом получить признание коллег или воспринимает свою профессию как средство заработка). В подобном ключе и отличие от «обыденности» [11, с. 26, 32; 13, с. 88] очевидно не позволит провести линию демаркации с не-игрой: для геймера, спортсмена, актёра, музыканта, ребёнка и т.д. само состояние игры является повседневной нормой, и «необычным» будет скорее перестать играть.

В своём каноничном труде *«Homo ludens. Человек играющий»* Й. Хейзинга отмечает и такие критерии игры, как отсутствие принуждения и угрозы для жизни [11, с. 31]. Тем не менее, игра останется таковой, даже если кто-то из её участников не хотел бы играть или ему скучно, но по тем или иным причинам он продолжает взаимодействовать с другими. Сам же исследователь неоднократно показывает на примерах конкретных культурно-исторических практик, насколько любые состязательные и азартные игры пропитаны предельным риском, как войне свойственны игровые элементы и в каких обстоятельствах человек, желающий принадлежать своей культуре и солидизироваться со своим обществом, не может отделаться от участия в социально-политических играх [11, с. 80–117, 133–154]. Так, порой человеку может казаться, что он стал игрушкой в чьих-то руках (судьбы, других людей, бога или безличных сил) – настолько неуправляемо сцепились обстоятельства вокруг. При этом, пытаясь выступить активным игроком, он нередко замечает, что сам становит-

ся элементом игры, детерминированным её правилами, возможностями, механиками действий и т.п. (которые зачастую, к тому же, неочевидны и воспринимаются лишь косвенно как результат столкновения с неожиданными препятствиями).

Выражаясь словами Г.-Г. Гадамера, «собственно субъект игры... – это не игрок, а сама игра» [14, с. 152], которая как первичная по отношению к человеку реальность «разыгрывается» [там же, с. 148–153] (см. также [11, с. 242]), и для неё «фактура тела или нравственность игрока не важны» [12, с. 122]. Такое «интернациональное» ощущение переживается многими не только сегодня, оно возникало и в кризисные периоды предшествующей истории. Метафора мира как игры встречается практически в каждой культуре, например, в 34 «гимне игрока» X мандалы Ригведы [19, с. 242–244], в «Игре в шар» Н. Кузанского [20, с. 266–267, 276–279], в «Бусидо» – всё в мире как «кукольное представление» [21, с. 85] и т.д. В максимально широкой онтологической перспективе от Гераклита («эон, дитя играющее» [22, с. 242–243]) до Л. Витгенштейна (п. 1 «Логико-философского трактата»¹ [23, с. [5]]) «о софии премудрости Божией, с какой устроен мир, мы по определению не знаем достаточно, чтобы уверенно отказывать ей в игре» [12, с. 15]. Подчеркнём, что ощущение бытия-в-игре не означает пассивности – напротив, человек не только видит возможности для действий, но и совершает те или иные поступки, делает выбор. Как удачно отмечает Ж.-П. Сартр, «выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбирать. Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что даже в том случае, если ничего не выбираю, тем самым я всё-таки выбираю» [24]. Однако положение «игрушки» характеризуется осознанием непредсказуемости влияния своих шагов на ситуацию, в целом, и ощущением того, что индивидуальные действия не способны изменить в желаемую сторону «программу», по которой разворачивается «игра». В результате открывается мнимость альтернативы «игрушка или игрок?», поскольку в этом положении человек остаётся несвободным, чтобы «выйти из игры».

Так, геймификация действительно приобретает тотальный размах не только в человеческой жизни – особенно если учесть, что язык говорит об игре в т.ч. неживых феноменов («игра» слов, генов, бликов в отражении, воображения, на нервах и т.д.; «разыграться» могут буря, аппетит, гроза и т.п.). Безусловно, когда мы настолько расширяем понятие игры, включая в него общеприродные стратегии, цели и ценности, труд и забаву, метафору и случайность, искусство и познание, риск и следование правилу, становится невозможно установить, что не игра. Не существует и способа доказать, что человек не играет: даже если он серьёзно выполняет трудовые

¹ Нем. “Die Welt ist alles, was der Fall ist” можно перевести как «Мир есть всё то, что выпало» в смысле выпадения тех или иных комбинаций в броске игральных костей.

обязанности, проявляя максимальную креативность, это может быть лишь исполнением роли работника и даванием воли игре воображения. Однако для того, чтобы «выйти из игры» вовсе не обязательно кому-то что-то доказывать. Подлинное доступно лишь изнутри индивидуальной ситуации, поэтому продуктивнее обратить внимание на *уникальность дискретного действия*, которое всегда *конкретно* [25] в противоположность универсальному (в т.ч. «правилам» любой игры). Ощущая себя «игрушкой» в сцепившихся обстоятельствах, как, к примеру, в каноничном примере по этике, «проблеме вагонетки», человек *представляет* себя перед *объективно* неразрешимым выбором, когда любое действие и бездействие приведёт к одному или другому негативному результату. Однако это *абстрактная* мыслительная ситуация с искусственными «правилами», в уникальности же реального события человек свободен, например, найти способ спасти всех, пожертвовать собой и ещё бог весть что придумать, выходящее за рамки универсальных схем. Кроме того, настоящий поступок по совести не предполагает выбор «меньшего из зол», напротив, стремится к полноте спасения и освобождения [26, с. 47–82]. «Отменить» игру можно, только волевым актом решимости на конкретное действие, которое по определению никогда не впишется в общие правила, законы, программы, поэтому осуществляется безотносительно «плоскости» игры.

Таким образом, только человек, от природы способный играть во всё и менять правила, может «выйти из игры», несмотря на её тотальность. Как способ выведения возможного в действительное игра противоположна не чему-то в мире, не каким-то «неигровым» действиям или состояниям нём, но решимости реализации этических интенций индивида. Если всё включено в тотальную игру, то, тем более, не безразлично, в чём мы упорствуем, чему помогаем через себя дать выход в реальность, а чему усилием осмысленного поступка не позволяем «просочиться» из бесконечно возможного в единственную действительность настоящего. Последнее всегда конкретно, поэтому открыто «вертикали» уникального в противоположность универсальным схемам, готовым стратегиям и абстрактным правилам (существуют ли они объективно или являются субъективными представлениями). Т.е., безусловно, заранее не предположить, что «выпадет», какой стороной «повернётся» к нам мир, как «сложатся» обстоятельства. Однако готовность творчески и по совести поступать, примериваясь к миру различными средствами выводит в продуктивное пространство смыслов по ту сторону условностей игры и не-игры. Интересно, что в таком ключе и игра (в т.ч. сегодня по мировоззренческим причинам потери единого основания) может приобрести особый статус инструмента имени дела с реальностью, бытийной стратегии примеривания к миру.

Список литературы

1. *Артамонова В.В.* Развитие концепции геймификации в XXI веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2-2. С. 37–43.
2. *Зорина О.Ю., Поворина Е.В.* Геймификация как феномен современного мира // Новое поколение. 2016. № 9. С. 73–79.
3. *Новикова О.Н.* Игроизация бытия человека, или всевластие игрового праксиса // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 18–26.
4. *Хаддадин В.А.* «Игра» трансцендентности и среды // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 52–58.
5. *Михалев А.В.* Новая Большая игра как неокOLONиальный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 10–25.
6. *Бабаева А.В., Клюев А.А.* Особенности геймификации при работе с трудовыми ресурсами: философский аспект // Вестник Мининского университета. 2017. № 4 (21). С. 13.
7. *Оболкина С.В.* Если «мир — это компьютерная игра», как в него играть? // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 1 (34). С. 88–101.
8. *Оболкина С.В.* Геймдизайн и онтология невозможного // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 39–52.
9. *Биричева Е.В.* Феноменология обиды // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 1 (38). С. 13.
10. *Краткий психологический словарь* / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. 2-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с.
11. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий. - СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
12. *Бибихин В.В.* Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 576 с.
13. *Ретюньских Л.Т.* Игра и детство: онтологические перекрёстки // Вестник Вятского гос. ун-та. 2018. № 4. С. 86–94.
14. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
15. *Бибихин В.В.* Узнай себя. – СПб: Наука, 1998. – 577 с.
16. *Бибихин В.В.* Детский лепет // Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 9–111.
17. *Ретюньских Л.Т.* Научный результат // Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 71–78.
18. *Нищуков В.С., Попик О.Ю.* Тотальный, нарративный и инструментальный подходы к проблеме игры в современной философии: Й. Хейзинга, Ф.Г. Юнгер, А. Гуттман // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 6. С. 44–52.
19. *Бибихин В.В.* Грамматика поэзии. Новое русское слово. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 592 с.
20. *Кузанский Н.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1980. – 472 с.
21. *Бусидо.* Военный канон самурая с комментариями. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 320 с.
22. *Фрагменты* ранних греческих мыслителей. Ч. I. М.: Наука, 1989. – 576 с.
23. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
24. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм. [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.net/library/id_545.html (дата обращения: 27.09.2022).
25. *Бакеева Е. В.* «Ужас конкретности»: к философии поступка М. К. Мамардашвили // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 162–168.
26. *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 352 с.

***HOW TO EXIT THE GAME? ABOUT
THE MODERN GAMIFICATION OF REALITY***

Ekaterina V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law, UB RAS
16, S. Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russia

The gamification of contemporality raises the question of finding the boundaries of the game (and the definition of non-game). The paradoxical nature of the phenomenon is revealed in the context of the analysis of similarities and differences of the game of animals and human beings, features of children's play, game elements in various spheres of human life and activity. The lack of opposition for the game is demonstrated on the phenomena of adulthood, seriousness, utilitarianism, voluntariness, work, routine, etc. The metaphor of the world as a game maximizes the boundaries of this phenomenon, revealing also the sham of the alternative “toy or player?”. However, the “freedom zone” may be opened in a dimension that is topologically “perpendicular” to the space of total gamification. The acceptance of being-in-the-game leads to an understanding of the conditionality of this state and the unconditional responsibility of our own acts, including the positive aspects of using the game as a creative tool.

Key words: game, play, gamification, game ontology, game essence, children's game, game subject, toy, player.

УДК 141.3

DOI 10.17072/2076-0590-2022-10-125-133

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ВИЗУАЛЬНОСТИ В РАБОТЕ ДЖОНАТАНА КРЭРИ «ТЕХНИКИ НАБЛЮДАТЕЛЯ»

М.А. Лумпова

Аспирант каф. философии, направление «Философия, этика и религиоведение»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: ma.lumpova@yandex.ru

В статье рассматривается актуальное направление в исследованиях теории визуальности, а именно формы (техники, режимы) ее исторического присутствия. Основной целью статьи является анализ концепции техник наблюдения Джонатана Крэри, ключевого представителя направления визуального поворота. В статье показано, что теория философа и историка искусства содержит ряд эвристически ценных наблюдений, в числе которых раскрытие двух режимов (техник) видения, «классического» и «неклассического» наблюдателя. Тем не менее, мы утверждаем, что, несмотря на свое положительное значение в развитии визуальной теории, работа Крэри также в своей основе содержит и весьма проблематичные, даже противоречивые положения.

Ключевые слова: визуальность, субъективность, визуальный поворот, Крэри, техники наблюдателя.

Одним из актуальных направлений в исследованиях визуальности, является конкретный анализ *исторических визуальных модусов присутствия*. В связи с этим нельзя не отметить, ставшую культовым источником для исследований визуальности, антологию «Видение и визуальность» [1]. Данный труд собрал на своих страницах в последствие крупнейших теоретиков визуального поворота: Дж. Крэри, М. Джея, Х. Фостера, Н. Брайсона, Р. Краусс. Оговоримся, что тематика видения в его историческом ракурсе, заявленная во введении Фостером, не является некоторым единым концептуальным направлением антологии. Однако, по мнению Фостера, разноголосица концепций внутри данного труда, позволяет не просто дать набор фактов и данных, но на этапе зарождения исследований визуальности «сбить фокус» с настроек господствующего в современную эпоху скопического режима видения, что, в целом, направлено также на пере-

смотр методологического аппарата гуманитарного и естественнонаучного знания.

Как отмечает теоретик, в антологии общим для различных теорий является попытка каждым из авторов дать аппарат, который бы раскрыл визуальность в пересечении «между механизмами зрения и его историческими техниками, между данностью видения и его предзаданностью дискурсом, различием или множеством различий между тем как мы видим, как нам удастся, разрешено и приходится смотреть и как в итоге мы рассматриваем увиденное и неувиденное» [2, с. 21].

Целью данной статьи является анализ теории исторических «техник или режимов видения» одного из авторов статьи в антологии, Джонатана Крэри, профессора колумбийского университета, теоретика работающего на пересечении философии и антропологии, а также конкретных исследований в областях искусствознания, истории искусства и политической науки. Наиболее полно его теория развита в труде «Техники наблюдателя» [3], работе, которая стала концептуальным разъяснением его статьи в выше анонсируемой антологии.

С первых строк произведения автор говорит, что основной мыслью книги является рассмотрение проблемы видения именно в его историческом конструировании [3, с. 11]. Следует отметить, что позиция Крэри прежде всего интересна тем, что визуальность, взятая им в ракурсе предельно широких, абстрактных категорий, является попыткой затронуть в первую очередь типическое изменение построения субъективности-наблюдателя в классическую и неклассическую эпохи. «Меня интересует, каким образом идеи субъективного видения и производительности наблюдателя получили распространение не только в искусстве и литературе, но и в философском, научном и технологическом дискурсах. <...> следует понять, каким образом они оказались частью единого взаимосвязанного поля знания и практики. <...> я хотел бы в общих чертах изобразить наблюдающего субъекта, который одновременно был и следствием, и конститутивным условием в XIX веке» [3, с. 23].

Крэри пишет, что данная проблема раскрывается на аналитическом исследовании конкретного материала, схваченного в качестве реконфигурации отношений субъекта и способов репрезентации, их кардинальной трансформации, которые произошли в XIX веке. Несмотря на то, что работа посвящена позапрошлому веку, она, по мнению теоретика, имеет свой эвристический потенциал в раскрытии ряда проблем, которые ставит перед собой XXI столетие. Крэри не отрицает, что бытие современного человека опосредовано цифровыми способами производства видимого,

которое став доминирующей моделью жизни в социуме, будет определять функционирование базовых институций и процессов [3, с. 12]. Однако он справедливо замечает, что если мы хотим понять современность, следует обратиться к схватыванию предыдущих техник видения, так как анализ модернового наблюдателя XIX столетия выступает в качестве «предпосылки в становлении новой абстракции видения» [3, с. 13]. Таким образом, без исследования механизма его функционирования, мы рискуем сохранять старые формы существования субъективности вопреки переходу к ее новому типу, ибо «более старые способы “видения” будут упорствовать в своем шатком существовании рядом с этими новыми формами» [3, с. 12]

Фундаментальный сдвиг в отношении субъект-мир, раскрывается у Крэри в двух *режимах видения*, которые он условно называет *классическими* (XVI–XVIII вв.) и *неклассическими* (с XIX в. – по настоящее время) техниками наблюдателя. Основной характеристикой (типическим элементом) исследования классического наблюдателя Нового времени становится *стремление к исключению самого себя в акте видения* (как активного субъекта процессов и явлений), абстракции беспредвзятого ученого, извне наблюдающего идеальное поле эксперимента. Мир, познаваемый им, мыслится как объективный и независимый от смотрящего.

Переход к *неклассической модели видения* происходит путем раскрытия ни к чему не сводимой человеческой чувственности. Человек, его специфичность и субъективность, его собственный опыт, становятся здесь объектом пристального исследования эпохи. Зрение предстает как нередуцируемое слияние физиологических процессов и внешней стимуляции, а также, входя в структуру телесности субъекта, имеет творческую роль в восприятии мира, которую не вынести за пределы эксперимента. «Тело, ранее бывшее нейтральным и невидимым элементом видения, отныне обрело плотность, из которой добывалось знание о наблюдателе» [3, с. 188–189].

Следует заметить, что Крэри берет за основу режимов отнюдь не изменение технической компоненты, как может показаться при поверхностном чтении книги. Так теоретик пишет: «История наблюдателя несводима к изменяющимся техническим и механическим практикам ровно в той мере, что и изменяющиеся формы произведений искусства и визуальной репрезентации» [3, с. 22]. Таким образом, по утверждению Крэри его концепция обязана затронуть более глубокие структуры трансформации субъекта: а) как системы отношений «между телом и различными формами институциональной и дискурсивной власти» [3, с. 14] и б) как непосредственное изменение «способности человеческих субъектов относи-

тельно производства, познания и желания» [3, с. 14]. Таким образом, примеры в виде использования в XVII и XVIII веках камеры-обскуры, а также появление стереоскопа и фотографических систем технического репродуцирования в XIX веке не следует буквально сводить к единичным иллюстрациям. По мысли Крэри они являются узловыми, можно даже рискнуть, назвав их сингулярными, точками, за которыми раскрываются более широкие пересечения дискурса в ту или иную эпоху формирования, собирания и воспроизведения определенного типа субъективности.

На страницах произведения Крэри довольно доходчиво показывает, что теоретическая основа классического внешнего по отношению к исследуемому миру метафизика-наблюдения камеры-обскуры из правдивого построения, отвечающего условиям эпох Нового времени и Просвещения, превращается в ригидный и идеологический конструкт в неклассической системе включенного в мир философа.

Еще одним важным моментом для концепции визуальности теоретика является радикальный отказ от внеисторического построения конструкции наблюдателя. Поэтому Крэри специально подчеркивает, что любые теории визуальности, которые анализируют субъективность изолированно, то есть исключительно как часть восприятия или абстрактно взятого индивида вне его эпохи, являются версиями идеализма. Поэтому любое исследование практик видения неизбежно сопряжено с рассмотрением их в конкретике истории. «Видение и его воздействие всегда неотделимы от наблюдаемого субъекта, который одновременно является и историческим продуктом и местом зарождения определенных практик, техник, институтов, и процедур субъективации» [3, с.18].

Несмотря на то, что концептуальные построения Крэри выгодно отличают борьба с аисторизмом, а также дают попытку прочтения влияния дискурсивной формации на конкретно-исторические взаимоотношения наблюдателя и мира, нельзя не указать на противоречия, которые открываются при внимательном анализе его исследования.

Так Крэри пишет: «Если можно утверждать, что существует особый тип наблюдателя, характерный для XIX века (или любого другого исторического периода), то наличие такой фигуры может быть лишь следствием функционирования непреодолимо гетерогенной системы <...> отношений [3, с. 18–19]. Мы всецело поддерживаем данный тезис, однако выдерживает ли его само построение Крэри? Не маячит ли за гетерогенностью режимов видения гомогенность структуралистского подхода, например, раннего периода творчества Фуко, сильно повлиявшего на теоретика? Крэри, будто предчувствуя данный упрек, сам задает вопрос, который может воз-

никнуть у читателей его труда: «Не рискуем ли мы представить нечто абстрагированное и оторванное от уникальных особенностей и колоссально-многообразия, характеризующих визуальный опыт этого века?» [3, с.19]. Крэри отвечает на поставленный самому же себе упрек, и пишет, что он с помощью выбранного им метода выявляет ключевые способы «анализа, контроля и воплощения видения в культурных и научных практиках» [3, с. 20]. Также теоретик указывает, что, да, из его поля зрения при концептуализации классического и неклассического наблюдателя исчезли «маргинальные и локальные формы сопротивления господствующим практикам видения, а также формы их переориентации и частичного упразднения» [3, с. 20]. Однако, данные уточнения не снимают вопроса, а лишь видоизменяют его в следующую формулировку. Можно ли безболезненно для исследования сводить анализ к предложенному Крэри, и заявлять, что последующие исследования захватят упущенное им поле практик, впоследствии встраивая в подготовленную теоретиком конструкцию «гегемонической системы дискурсов»?

Вопрос отнюдь не тривиален. И навязчиво воспроизводится в теоретических дискуссиях¹. Уже в собственной книге, Крэри упоминает теорию Светланы Альперс, которая отказывается от сведения многообразия поля практик к картезианскому перспективизму, рассматривая эпоху Возрождения, связанную со становлением классического наблюдателя. Альперс, вводит множество в поле формирования классического наблюдателя, разделяя видение Северного и Итальянского Ренессанса, что позволяет ей говорить о некоем поле преемственности, в частности, соотносить Северное Возрождение с изобретением фотографического метода репродуцирования [3, с. 56–57]. Для Крэри же принципиально важно сохранить *разрыв* между эпохами классического и неклассического наблюдателя, который показывает несводимость одного режима видения к другому. Как замечает сам Крэри, если следовать пути заданному Альперс, то он в своем итоге легко скатывается от идеи преемственности, к теории тождественности различных эпох, пустой временности, а значит и к аисторизму в теории. «Если эти альтернативы “постоянны”, значит, наблюдатель оказывается удален от конкретных материальных и исторических условий видения» [3, с.57]. Нельзя не отметить верность замечания Крэри в том, что за ди-

¹ В частности, см. критику Бернардом Смитом фукодианского направления развития визуальности, к которому относится Джонатан Крэри [2, с. 22]. Так, теоретик показывает, что внутри, казалось бы, непререкаемости власти дискурса имели определенное значение определенные системные отличия «кто был носителем, а кто – объектом взгляда» [2, с. 42].

намикой преемственности зачастую философа поджидает идеализм отождествления всех эпох в единый монолит временности, как бы изменения «вхолостую». Однако согласие с его критическим изводом, по отношению к другим концепциям, автоматически не заключает еще верности построения самой теории Крэри. Более того в полемике с Альперс сам Крэри показывает, что он в итоге оказывается также далеко от истории, выхолащивая из анализируемых им систем живую ткань противоречий, представляя режимы наблюдателя как разрыв между двумя системами властных техник, а не многосоставное развивающееся целое, обладающее преемственностью, которая не сводится к равнозначности, тождественности эпох.

Примечательно, что для философии данная полемика не нова. Еще в середине века она имела место у ключевых представителей экзистенциализма и структуралистского движения. Как нам представляется, критика обращенная Сартром к Фуко, (в лице которого он бичует весь структурализм в целом), не потеряла своей актуальности, и может быть адресована Крэри². Говоря о структурализме, Сартр в частности пишет, что: «Отказавшись обосновать переходы [от одного периода к другому], мы противопоставляем истории область неопределённости, в этом случае, анализ структур – единственное, что может позволить настоящее научное исследование» [4]. Таким образом, основная проблема направления заключается в невозможности увидеть переход от одного режима к другому, заменяя живое историческое движение скачкообразной чередой дискурсов и разрывов. Сартр справедливо замечает: «В структурной перспективе, то есть не диалектической, невозможно отдать отчёт в этой эволюции» [4].

Однако, рассмотрение замкнутых на самих себя дискурсивных режимов власти грозит не только мистическим способом перехода от одной структуре к другой, или как бы уточнил Крэри от одного режима наблюдения к другому. Следствием этого становится то, что внутри дискурса субъект снимается в качестве динамической составляющей исторического процесса. Обратимся к Крэри. Так, он, анализируя фигуру классического наблюдателя, пишет, что нет разницы между рационалистами и эмпириками, философами XVII и XVIII веков (хотя сам мельком отмечает, что «господствующие теории видения, будь то теории Альберти, Кеплера или Ньютона» подразумевали под собой фоном очевидное исключение Гюй-

² Следует еще раз оговориться, что правомерность критики одного философа по отношению к другому, не равносильна абсолютному согласию с его собственными построениями. Иными словами, мы не отрицаем проблематичности исторического развития в теории Сартра, на некоторые стороны которой Фуко указал в ответном интервью [4].

генса [3, с. 113]). Философы, ученые, художники и др. все без исключения индивиды являются различными версиями *одного и того же* огромного классического наблюдателя³. Но тогда каким образом наблюдатель перешел от классической визуальной матрицы к неклассической? По мысли Крэри, мы не можем определить данный переход ни развитием техники, ни политики, ни иной другой из институций, ибо они являются лишь следствием или функциями от производства дискурса. И если между моделями существует непримиримый разрыв, остается только гадать, каким образом, старые отношения, хотя бы в качестве анахронизма, переходят и существуют в новом режиме видения? Каким образом, в конце концов, может помочь собственное исследование Крэри при схватывании и анализе исторически следующего режима наблюдения, опосредованного цифровыми способами производства, распространения и потребления изображений, если режимы наблюдения принципиально оторваны от предыдущих?

Из вышеизложенного следует, что изначальная конструкция структур (или как их называет Крэри, режимов, техник) видения, сколько угодно ее не конкретизируй, не может быть задним числом дополнена динамикой. Более того, уже сам Крэри наглядно показал, что при попытке вместить в себя маргинальные пути развития, его концепция будет вынуждать иссле-

³ В то же время, мы не можем пройти мимо резкого разворота Крэри, который, переходя к теории неклассического режима видения, будто бы сам забывает о своих построениях и своих же полемиках с Альперс. Так он утверждает, что начиная примерно с середины XIX в., образуется как минимум *два* пути развития наблюдателя, один из которых раскрывает субъекта в его творческом ключе «суверенности и автономии видения», другой является репрессивным, сводя чувственность индивида к стандартизованности и инструментальности машины. Причем, как пишет сам Крэри, «эти пути постоянно пересекаются и накладываются друг на друга в рамках единого социального поля, посреди бесчисленных зон, в которых осуществляется разнообразие конкретных актов видения» [3, с. 189]. Более того, в своем зачине переход к неклассическому режиму связан у Крэри с рассмотрением трудов Гете. Однако, ничего помимо того, что немецкий теоретик совершил фундаментальный прорыв, отказавшись от камеры-обскуры и поставив эксперимент над физиологией своего собственного восприятия при переходе от света во тьму, мы не найдем. Крэри будет постулировать коллективность и системность перехода. Однако за множеством примеров несложно заметить то что его постулат является аксиоматическим положением. И опять же странное несоответствие теория Крэри обнаруживает при возвращении к классическому наблюдателю, когда любое иное построение перспективы за пределами картезианской системы выкидывалось за борт исследования. Тем не менее Гете и других исследователей XIX в., в том числе Шопенгауэра, крайне маргинального теоретика своей эпохи, Крэри не поспеет назвать значимыми сдвигами на пороге современной эпохи [3, с. 96].

дователей либо подстраиваться в заданные теоретиком рамки, либо разрушать фундамент его конструкции. Собственно это уже и заключалось в непринятии Крэри исследований подобных Альперс, которые как раз и говорили о гетеротипичности видения, однако не только между эпохами, но и внутри них.

Тем не менее Крэри осуществил ряд эмпирически крайне важных, простите за каламбур, наблюдений. Нельзя не отметить, что концепция фигур классического и неклассического наблюдателя имеет огромный эвристический потенциал для дальнейших разработок в теории исторического развития субъекта видения. Однако, исходя из разбора концепции Крэри, мы вынуждены заключить, что основание субъективности, схваченное в виде визуального присутствия, до сих пор является открытой для полемик темой философского осмысления⁴.

Список литературы

1. *Vision and Visuality*. – New York: Bay Press, 1988. – 135 p.
2. Мазур Н.Н. Исследования визуальной культуры: история и предыстория // Искусствоведение. 2018. № 1. С. 10–51.
3. Крэри Д. Техники наблюдателя. М.: V-A-C press, 2014. – 256 с.
4. Два философа. Сартр о структурализме, Фуко о Сартре. URL: <http://left.by/archives/10685> (дата обращения 15.09.2022).
5. Jay M. Scopic Regimes of Modernity // *Vision and Visuality*. Pp. 3–23.
6. Jay M. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*, University of California Press, 1993, 648 p.

⁴ Ввиду этого, мы не можем не выразить разочарования тем, что популярностью пользуются переводы на русский язык работы Крэри, тогда как труды другого знакового теоретика, оказавшего непосредственное влияние на становление и развитие визуального поворота, Мартина Джея известны лишь на языке оригинала [5, 6]. Как нам представляется, такое однобокое внимание несколько снижает градус полемики и конструктивного диалога, которого недостает при становлении глубоких, сильных и, что самое главное, действенных построений любой новой теории.

***ANALYSIS OF CONCEPT OF VISUALITY IN THE BOOK OF
JONATHAN CRARY “TECHNIQUES OF THE OBSERVER”***

Maria A. Lumpova

Perm State University
15, Bukirev St., Perm, 614068, Russia

The article discusses the current direction in the research of the theory of visuality, namely the forms (techniques, modes) of its historical presence. The main goal is to analyze the concept of “techniques of the observer” by J. Crary, a key representative of the visual turn direction. The article shows that the theory of the philosopher and art historian contains a number of heuristically valuable observations, including the disclosure of two techniques (modes) of seeing the “classical” and “non-classical” observer. Nevertheless, we argue that, despite, its positive significance for the development of visual theory, Crary’s work also contains at its core very problematic (and sometimes even contradictory) provisions.

Key words: visuality, subjectivity, visual turn, J. Crary, techniques of the observer.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ Н. СРНИЧЕКА и А. УИЛЬЯМСА И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ

Д.А. Шевчук

Магистрант 2 к. направления «Анализ социальных систем и процессов»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: homoxerox@gmail.com

Анализируются предложения по переустройству современного западного общества, выдвинутые Н. Срничком и А. Уильямсом в работе «Изобретая будущее». Критически осмысливаются основные аспекты социально-экономической программы авторов: полная автоматизация, сокращение рабочей недели, введение безусловного базового дохода (ББД), сведение на нет трудовой этики. Сравняется отношение к введению ББД у авторов разных политических взглядов. Рассматривается возможность реализации предложений Н. Срничка и А. Уильямса в России.

Ключевые слова: социальный идеал, посткапитализм, автоматизация, труд, работа, безусловный базовый доход, социальное государство, стратегическое планирование.

Вопрос, как следует обустроить общество, разрешить его коренные проблемы таким образом, чтобы они не возникали впредь, сделать так, чтобы в отношениях между частными и общественными интересами наступила гармония, волнует людей с давних времён. Следы утопической мысли находятся и в Азии, и в Латинской Америке, и на Ближнем Востоке, и в Африке. И если раньше в этих регионах это были разве что следы, которые можно обнаружить в религиозных и иных культурных традициях народов, то начиная с конца XIX века и в Китае, и в Индии, и в странах Латинской Америки разворачиваются свои полноценные утопические проекты, не отстающие по размаху от европейских построений.

Вопрос о наилучшем обустройстве общества особенно актуален сегодня не только для мира, но и для России, ещё и потому, что только ленивый не говорит об очередном кризисе капитализма, о том, что капитализм зашёл в тупик, и следует что-то предпринять для выхода на иную качественную ступень развития общества и общественных отношений, в том числе для развития международных отношений. Ведь уход одной страны с накатанной колеи, созданной европейскими державами, выбор ею альтер-

нативного развития не может не влиять на всю мир-систему. Самый яркий пример тому – СССР.

О кризисе капитализма говорят и европейские лидеры (президент Франции Э. Макрон), и российские чиновники (в частности, президент В.В. Путин). И если на проблемы капитализма начали обращать внимание не только учёные, тем более левого толка – ведь это вполне стандартная для них тема, – но и политики (и либеральные, и консервативные), то невольно приходишь к мысли, что система действительно вновь трещит по швам. Впрочем, события, тянущиеся с начала 2022 года, красноречивее любых фраз говорят об этом.

В данной статье, тем не менее, мы ограничимся рассмотрением современного радикального левого европейского проекта, составленного профессионалами и представленного в книге «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда» за авторством Н. Срничека и А. Уильямса. Книга вышла в 2015 году, и в ней анализируются причины поражения всех современных западных левых движений (это связано с отсутствием стратегического планирования у них), причины побед неолиберальных сил в США и странах Европы, и, наконец, даётся новый образ будущего, которого так не хватает гуманистическим мыслителям сегодня. На нём и на актуальности решений, предлагаемых авторами, мы и остановимся в этой статье.

Сначала объясним, почему выбор пал на очевидно левый проект. Дегуманизация, преследующая человека практически весь период его существования, борющаяся с процессами гуманизации, с появлением капитализма вышла на новый уровень, и с каждым периодом, проходящим уже внутри капитализма, лишь углубляется и расширяется. Вместе с этим растут, конечно, и возможности гуманизации, ведь технический прогресс, а вернее, его плоды, которые сегодня направлены на контроль масс, на навязывание им искусственных потребностей, на одурачивание и через это зарабатывание миллиардов (никто не будет дурачить другого без выгоды); этот прогресс и его плоды могут играть и положительную роль. Вся суть в том, как ими пользоваться, а значит, в чьих руках они находятся. Ведь плоды технического прогресса – это лишь инструмент. Распоряжение же его плодами поднимает вопрос о власти и властных структурах.

Следует также понимать, что власть – это не только насилие и высшие чиновники. Насилие, безусловно, является основой государственной или даже, шире, системной власти, однако она к этому не сводится. И вот с этой надстроечной над насилием системой власти капиталистической системы, которая незримо пропитывает каждое наше действие, необходи-

мо комплексно взаимодействовать, чтобы перейти наконец к чему-то качественному лучшему, вырвать у реальности гуманистические тенденции, способствующие раскрытию человеческого потенциала, и нивелировать дегуманизирующие тенденции, которые превращают человека в духовного, а то и реального калеку, пропитанного злобой или апатией, глубоко одинокого, даже если у него есть семья, живущего на работе, тонущего в алкоголе, если не в более серьезных веществах, и слишком забитого, чтобы всерьёз размышлять над тем, зачем он живёт и правильно ли он поступает.

Вскрытием причин того, почему мы пришли к тому, что имеем, и, самое главное, как нам с этим бороться, традиционно и занимались левые мыслители. Именно их взгляд традиционно был обращён на реальный, конкретный, а не абстрактный либеральный гуманизм; именно они, руководствуясь материалистическим подходом, указывали на то, что изменения должны происходить как в надстройке, так и в базисе; и именно они, начиная с XIX века, начали предлагать наиболее реалистичные социальные идеалы и способы их достижения. В качестве примера можно вспомнить хотя бы программу из десяти шагов, предложенную К. Марксом и Ф. Энгельсом в знаменитом «Манифесте коммунистической партии» [1, с. 446–447], принципы которой были реализованы, пусть и частично, а также работу В.И. Ленина «Государство и революция» [2], где он развивает идеи, предложенные К. Марксом и Ф. Энгельсом, и рисует более конкретные признаки будущего коммунистического общества.

«Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда»

Основной упор в этой работе сделан на труд или, вернее, работу, без которой немисливо общество. Исследуя преобразования современной работы, её автоматизацию, вынос производств из развитых стран и связанные со всем этим процессы (прекаризация населения, маргинализация, отчуждение); в общем, анализируя современный капитализм, Н. Срничек и А. Уильямс приходят к выявлению тенденций, которые могут быть реализованы в ближайшие 10-20 лет.

Перед тем, как перейти к выделяемым авторами тенденциям, необходимо сделать замечание о понимании ими «труда» и «работы». «Труд» у них понимается не совсем в марксистском смысле. Он смешан с понятием «работа» и не предстаёт как активная преобразовательная деятельность человека по отношению к природе, обществу и самому себе, как способ его существования. Чтение работы с «ортодоксальным» пониманием терминов может сбить с толку, и здесь важно учитывать пересечение и взаимозаменяемость понятий «труд» и «работа». В конечном счёте проект на-

правлен на полноценное раскрытие потенциала человека, освобождение его от оков современного неолиберального капитализма, от оков работы и переход к творческому развитию личности. Вернёмся к выделяемым ими тенденциям.

«1. Прекаризация рабочего класса развитых экономик будет интенсифицироваться из-за того, что рабочая сила пополнится избыточным населением (благодаря как глобализации, так и автоматизации).

2. Восстановление экономики без рабочих мест будет усугубляться и растягиваться, в первую очередь нанося ущерб тем, чьи профессии могут подвергнуться автоматизации.

3. Население трущоб будет расти благодаря автоматизации неквалифицированного труда в сфере услуг, а его положение будет усугубляться преждевременной деиндустриализацией.

4. Городское маргинальное население развитых стран будет увеличиваться по мере того, как будет автоматизироваться неквалифицированная низкооплачиваемая работа.

5. Превращение высшего образования в производственную подготовку будет ускорено в отчаянных попытках увеличить предложение высококвалифицированной рабочей силы.

6. Экономический рост останется медленным, что сделает маловероятным появление новых рабочих мест на замену ликвидируемых.

7. Изменения в системе принуждения к труду, контроля за иммиграцией и массового лишения свободы будут становиться глубже по мере того, как безработные будут подвергаться всё более репрессивным мерам и вытесняться в экономику выживания» [3, с. 151–152].

Авторы отмечают, что «политический проект левого движения XXI столетия должен заключаться в построении такой экономики, в которой выживание людей больше не зависит от наёмного труда» [3, с.152]. Реализацию этой мысли, в целом, мы видели уже в опыте СССР. Борьба же за достижение этой цели – и это важный момент – должна идти на всех уровнях: и на уровне надстройки, и на уровне базиса, так как любой порядок держится не только и не столько на насилии, сколько на согласии. Об этом говорит и С.Г. Кара-Мурза, описывая теорию гегемонии итальянского философа-марксиста и революционера А. Грамши: «Согласно Грамши, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти – не только принуждение, но и убеждение. Овладения собственностью как экономической основы власти недостаточно – господство собственников тем самым автоматически не гарантируется, и стабильная власть не обеспечивается» [4, с. 10].

Подобную мысль, но в свёрнутом виде, можно обнаружить и у классиков марксизма, так что идея о борьбе за власть на всех уровнях системы органично вписана в марксизм. Ф. Энгельс в письме Э. Блоху отмечает: «Мы делаем нашу историю сами, но... мы делаем её при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счёте решающими. Но и политические и т.п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую» [5, с.395]. Пусть экономические условия и являются основным моментом, который необходимо изменить, чтобы изменить общество в целом, но чтобы добраться до экономики, чтобы население одобрило изменения и не саботировало процесс изменений, необходимо поработать и с его традициями и ценностями населения. Человек, который не видит ценности, смысла в проводимой политике, будет вкладываться в общее дело меньше, чем человек, уверенный в важности решений руководства, уверенный, что это делается в его интересах и при его активном, непосредственном участии. Реполитизировать общество, разбить атомизацию, вернуть человеку субъектность – важнейшие задачи на пути построения лучшего общества.

Вернёмся к «Посткапитализму...» и моменту, где он идет дальше советского проекта. На уровне надстройки авторы предлагают «формировать гегемонию о моральном устаревании тяжёлого физического труда, смещать задачи профсоюзов от сопротивления автоматизации к разделению труда и сокращённой рабочей неделе», а на уровне базиса – «добиваться правительственных субсидий на вклады в автоматизацию производства и удорожания труда для капитала наряду с множеством других задач». Также необходимо «противостоять отчуждению избыточного населения и наступать на механизмы контроля над ним. Массовое лишение свободы и связанная с ним расистская репрессивная система должны быть уничтожены, а механизмы пространственного контроля – демонтированы, чтобы гарантировать свободное передвижение граждан. Социальное государство следует защищать не само по себе, а как необходимый элемент более широкого посттрудового общества. Будущее остаётся открытым: направление, в котором будет развиваться кризис труда, как раз и является предметом предстоящей нам политической борьбы» [3, с. 152–153].

Каким образом мы должны к этому идти? Что должны делать общество и государство, чтобы описанные изменения воплотились в реальность? Кратко программу Н. Срничека и А. Уильямса можно описать так: *полная автоматизация, сокращение рабочей недели, обеспечение базового дохода и сведение на нет трудовой этики*. Остановимся на каждом из

пунктов подробнее, чтобы сформировать более чёткое представление о предлагаемом социальном идеале.

Полная автоматизация. Развитие техники влечёт автоматизацию малоквалифицированных кадров, например, телефонных операторов или секретарей, «рутинные», как их называют авторы, профессии. Это работа, требующая однообразных повторяемых действий, которую вполне можно передать запрограммированной машине [3, с. 160–161]. Автоматизации могут быть подвергнуты и многие другие профессии: от работников складов до работников розничной торговли. Многие магазины Китая относительно давно перешли на самообслуживание; в некоторых российских магазинах можно обнаружить кассы самообслуживания – например, в сети «Пятёрочка». Тем не менее, сохраняется разрыв между многими людьми, вынужденными заниматься «рутинным» трудом и немногими, которым доступен творческий труд. При этом авторы отмечают, что «полная автоматизация – это утопическое требование, которое нацелено на *максимально возможное* сокращение необходимого труда» [3, с.166].

Автоматизация должна усиливаться, и по мысли авторов «новая волна автоматизации должна... затронуть каждый аспект экономики: сбор данных (чип-идентификация, большие массивы данных); производство (гибкое производство роботов, технологии 3D-печати, автоматизированный фастфуд); сферу услуг (служба поддержки и уход за пожилыми на основе искусственного интеллекта); принятие решений (компьютерные модели, программы-агенты); управление финансами (компьютерный трейдинг); и особенно дистрибуцию и доставку (логистическая революция, самоуправляемые автомобили, доставка с помощью дронов и автоматизированные склады)» [3, с. 161]. Огромную роль в этом сыграет информация и большие массивы данных, которые сегодня развиваются стремительными темпами.

Тормозят автоматизацию, во-первых, характер современных производственных отношений, сковывающих развитие производительных сил общества. Машина не производит прибавочной стоимости, в отличие от человека, как показал К. Маркс [6], а потому капиталисту невыгодно проводить полную автоматизацию производства, если нет давления извне, например, со стороны государства. Да и в случае давления «родного» государства имеется (или имелась) возможность выноса производства в слаборазвитые страны. Во-вторых, общее отставание производства от новейших технологий на 5-15 лет, связанное необходимостью исследовать, как они скажутся на уже существующей бизнес-модели и производстве. И если первый фактор торможения может и должен быть преодолен, то со

вторым труднее – осторожность перед внедрением нового выглядит обоснованной.

Очевидно, что гипотетическая замена всех людей роботами порождает вопрос, куда деть огромную массу высвобожденных людей. Свобода умереть с голоду может быть названа свободой лишь с крайним цинизмом. Социальный идеал, предлагаемый Н. Срничком и А. Уильямсом, является системным и содержит ряд элементов.

Сокращение рабочей недели. Авторы возвращаются «к классическим идеям о сокращении рабочей недели без сокращения оплаты» и опираются на наследие К. Маркса, отмечая, что он «сделал сокращение рабочей недели ключевым элементом всего своего посткапиталистического воззрения, утверждая, что именно оно представляет собой “базовую предпосылку” для достижения “царства свободы”» [3, с. 166–167]. Н. Срничек и А. Уильямс вспоминают о расчётах Дж. М. Кейнса, согласно которым к 2030-му году рабочее время сократится до 15 часов в неделю, а работать придётся лишь 3 часа в сутки. Мы же наблюдаем, что рабочая неделя формально составляет 40 часов, а по факту, с учётом множества переработок, может достигать и 60 и более часов. Пандемия COVID-19, открывшая возможности дистанционной работы, ещё глубже внедрила работу в жизнь человека, стирая, по сути, границу между домом и работой. Возвращаясь в дом, человек берётся за ноутбук и продолжает то, что не закончил на рабочем месте.

Переработки ведут к ухудшению качества жизни, к преждевременным смертям, физическим и психическим заболеваниям. В Японии есть специальный термин «кароси» для тех, кто умер из-за переработок, что говорит об актуальности этой проблемы. ООН отмечает, ссылаясь на исследование ВОЗ и МОТ 2021 г., что «при трудовой нагрузке в 55 или более часов в неделю по сравнению с рабочей неделей в 35–40 часов риск инсульта повышается примерно на 35 процентов, а риск ишемической болезни сердца – на 17 процентов» [7].

Сокращение рабочей недели, по Н. Срничку и А. Уильямсу, неизбежно при автоматизации труда. Рабочая неделя с каждым витком развития технологий сокращалась, и привычный восьмичасовой рабочий день тоже будет меняться. Авторы выделяют ряд плюсов сокращения рабочей недели. Во-первых, это увеличивает количество свободного времени, которое человек сможет тратить на семью, саморазвитие или же просто отдых. Во-вторых, это решает проблему автоматизации: труда для поддержания жизни экономики необходимо меньше, а перераспределять рабочую силу уже некуда, и почему бы не дать людям заниматься тем, чем они

хотят? В-третьих, это влияет на окружающую среду: уменьшится общий объём энергопотребления и выброс углекислого газа. В-четвёртых, освобождение свободного времени вкупе с третьим пунктом программы – безусловным базовым доходом (ББД) – позволит рабочему классу укреплять свои позиции и солидаризироваться друг с другом, осваивать новые формы коммуникации и кооперации, экспериментировать в отношениях между людьми и т. п. Это будет удар по атомизации, в которой погрязло не только российское общество. Сокращение рабочей недели, согласно авторам, можно совершить не сокращения рабочего дня, а введением третьего выходного.

Но как быть с тем, что дать человеку свободное время, сократив средства его существования, несправедливо. Это не свобода. Авторы ссылаются на мысль П. Маттика: «Досуг голодного или нуждающегося – это никакой не досуг, а безостановочная деятельность, направленная на выживание или улучшение своего положения» [8, р. 30]. Они остроумно замечают, что «у частично безработных, или недозанятых, много свободного времени. Но нет средств, чтобы этим временем насладиться. Получается, что частично безработные – это в действительности эвфемизм для частично оплачиваемых» [3, с. 171]. Решением этой проблемы кажется сохранение заработной платы при сокращении рабочей недели. Однако в современной России это невозможно, ведь в регионах, по сравнению с областями Москвы или Санкт-Петербурга, за один и тот же труд (например, педагога) люди получают абсолютно несопоставимые суммы, которых не может хватать на достойную жизнь. Радикальным решением проблемы авторы считают введение ББД – безусловного базового дохода.

Безусловный базовый доход. Его идея заключается в предоставлении каждому гражданину суммы денег, на которую можно прожить, без проверки материального положения этого гражданина. Основные принципы такого дохода: ББД должен обеспечивать *достаточный* доход для приемлемого уровня жизни; он должен быть *всеобщим*, то есть предоставляться каждому без всяких дополнительных условий; и наконец, он должен *дополнять*, а не заменять социальное государство. Понятно, что ББД будет варьировать от страны к стране, от региона к региону, но легко высчитать его так, чтобы он соответствовал требованию достаточности для приемлемого уровня жизни. Всеобщность позволит избежать стигматизации человека, получающего ББД, как человека, находящегося на пособии, ведь капитализм построил культ работы, из-за чего многие выбирают труд за мизерную зарплату, а не такое же мизерное пособие. Здесь играют роль и расовые предрассудки, в основном, конечно, в странах Запада, где на по-

собию находится множество мигрантов. Пункт о дополнении, а не замене социального государства, связан с противодействием неолиберализму, который стремится свести к рынку всё, что угодно, превратить «социальную помощь в частный рынок» [3, с. 173].

Этот пункт особенно важен в полемике с либертарианским крылом сторонников ББД, которое осуждает социальное государство, распределяющее блага более равномерно, за то, что это вредит индивидуальной свободе и ведёт к социализму, который, по их мнению, подавляет любую свободу. Фридрих фон Хайек отмечает, что государство может гарантировать «защищённость от острой материальной нужды», это «гарантия минимума средств к существованию». Однако вариант «гарантии определённого уровня жизни, который устанавливается в сравнении с уровнем жизни других людей или групп» неприемлем по указанной выше причине [9, с. 338].

Опасения либертарианцев понятны. Введение в жизнь ББД позволит изменить баланс сил между трудом и капиталом в пользу первого, опираясь при этом на принципы капиталистического законодательства: «Базовый доход... обеспечивает пролетариат средствами к существованию, не ставя его в зависимость от работы. Иными словами, работники имеют возможность выбора – работать или нет (и во многих отношениях неоклассическую экономику ловят на слове, поскольку труд становится по-настоящему добровольным)» [3, с. 174–175]. Снижаются возможности манипулирования работником, снижая оплату его труда, ведь он не испытывает недостатка в вариантах заработка, и ему не нужно соглашаться на любую деятельность, чтобы не умереть с голода, не иметь возможности оплатить квартиру и т.п. Это хорошая новость и для учащихся, частично занятых, инвалидов, временно безработных и иных групп населения, так как ББД позволит им направить энергию в более продуктивное, созидательное русло. Это оздоровит общество, уменьшит его невротизацию.

Кроме изменения баланса сил, ББД и сопутствующий переход от принудительного труда к добровольному ведёт к ряду других важных изменений. Человек обретает гибкость в планировании своего времени и занятий. Он может раскрываться всесторонне, а не вести жизнь, ограниченную специальностью, которая необязательно будет его удовлетворять, тем более что человек развивается и перерастает себя. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определённый, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оста-

ваться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, – тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует всё производство и именно поэтому создаёт для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике... не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком» [10, с. 31–32].

Тем не менее, манящее «царство свободы», о котором грезят ее защитники, ещё невозможно при капитализме, где «гибкий труд предстаёт в форме неустойчивости занятости, нестабильности, а вовсе не свободы. ББД отвечает на эту обобщённую неустойчивость и переводит её из области страхов в область освобождения» [3, с. 176].

Освобождение работников влечёт перерасчёт ценности, присвоенной разным типам труда. Если смотреть системно из этой точки, мы увидим, что деятельность, обычно низко оплачиваемая, являющаяся скучной и непривлекательной в глазах общества, порой и опасная, будет автоматизирована, либо станет лучше оплачиваться, чтобы привлекать работников. В конце концов то, что многим кажется скучным, может иметь и своих сторонников. Нельзя грести общество под одну гребёнку. Сохранившееся же социальное государство должно следить за обеспечением должных условий труда, минимизируя риски.

Если непривлекательные ранее работы станут оплачиваться лучше, то с хорошо оплачиваемыми должностями, по мысли авторов, произойдёт обратное: они перестанут приносить очень большие доходы, расслоение общества уменьшится, так как станет достаточно квалифицированных кадров для более сложной деятельности. Работа будет рассматриваться не по тому, сколько она приносит, а по тому, насколько она удовлетворяет интересам конкретного человека и способствует ему в его развитии, в его стремлении сделать мир лучше. Авторы даже делают весьма громкое заявление: «ББД знаменует собой переход от вознаграждения по способностям к вознаграждению по потребностям» [3, с. 176–177].

Последний плюс ББД, на который обращают внимание Н. Срничек и А. Уильямс, это очередной виток на пути освобождения женщин. Всеобщность ББД ведёт к игнорированию гендерных ролей в обществе, борясь с традиционными представлениями о том, что кормильцем обязательно должен быть мужчина, что с ребёнком обязательно должна сидеть женщина и т. п. Конечно, уже сегодня есть такие явления, как мужской декрет, да и ситуация, когда женщина зарабатывает больше мужчины, не

является сегодня такой уж дикой. Однако подобные ситуации кажутся нормальными лишь в наиболее развитых регионах, тогда как в регионах отсталых это нельзя назвать нормой. ББД подстегнет эти гуманистические тенденции.

Сведение трудовой этики на нет. Это единственный пункт программы, являющийся культурным, а не экономическим или политическим. Авторы отмечают, что «одной из самых сложных проблем внедрения ББД и создания посттрудового общества будет преодоление того веса, который имеет в обществе трудовая этика <...> Труд, каким бы вредным, низкооплачиваемым или обременительным он ни был, всё равно считается высшим благом» [3, с. 179–180]. Ещё библейское (подобные моменты можно найти и в других религиях) понимание труда как кары за грехи человека сохраняется при капитализме, изменив, конечно, свой вид: существуют ленивые и глупые работники, вынужденные отмывать свои грехи непрерывным трудом, и непоколебимые атланты-предприниматели, своим умом и трудолюбием добившиеся высот, возможности жить в своё удовольствие. Понятно, что это наиболее радикальное выражение этой идеи, однако в некоторых кругах подобные воззрения можно встретить.

Заключение

Социальный идеал, который предлагают Н. Срничек и А. Уильямс, безусловно, является идеалом, который уже можно реализовать в развитых европейских странах. Это и краткосрочный идеал, достижение которого возможно в течение жизни одного поколения. Это прогрессивный и перспективный социальный идеал, наполненный гуманистическим содержанием вполне в марксистском духе, он стремится освободить человека от оков природы и отчуждения, властвующего в капиталистическом обществе, вывести его на новую качественную ступень развития, где каждый сможет раскрыться во всей полноте своей универсальной сущности. Вполне возможно, что в скором будущем мы уже сможем заметить на себе влияние тех тенденций, на анализе которых построен проект западных философов.

В чём же заключается его актуальность для России? Наша страна – традиционно коллективистское общество, которое, к тому же, 70 лет жило при советской власти, пытаясь прийти к лучшему будущему не только для себя, но и для других. Очевидно, что в советском проекте были и ошибки, и провалы – иначе он бы не рухнул, – но мы не будем останавливаться на их разборе, отметим лишь, что добра советская власть, на наш взгляд, принесла и России, и миру, куда больше, чем зла. Положительное содержание Советской России, к сожалению, было отвергнуто реформаторами в

1990-е годы, однако сегодня очевидно, что плюсы необходимо было укреплять, а минусы – исправлять.

Р.Л. Лившиц, анализируя опыт СССР и современной России, отмечает, что «такое завоевание реального социализма, как всеобщая занятость, должно быть воспроизведено. Необходимо восстановить и принцип бесплатности общего образования всех ступеней. Неоспоримым является и принцип бесплатности здравоохранения. Это не должно исключать для гражданина возможности получения дополнительного образования на платной основе, как и возможности пользоваться дополнительными медицинскими услугами. Чтобы не повторялась характерная для современной России ситуация, когда принцип бесплатности систем здравоохранения и образования фактически упраздняется в результате их нищенского финансирования, необходимо существенное увеличение государственных расходов на эти важнейшие социальные системы. Что касается жилищной проблемы, то она должна решаться на принципе сочетания усилий государства и гражданина. Рыночный механизм решения жилищной проблемы отменять нельзя, т. к. он создаёт стимул для трудовых усилий. Но этот механизм необходимо дополнить нерыночным распределением за счёт общественных фондов потребления. Базовые условия проживания, соответствующие специально разработанными официально узаконенным минимальным жилищным стандартам, должны быть обеспечены государством. Необходимо, чтобы хорошее социальное самочувствие законопослушного гражданина стало результатом его личных усилий, опирающихся на благоприятные условия, созданные государством. Таким образом идеология патернализма должна уступить место идеологии сотрудничества, где у субъектов взаимодействия (государство и гражданин) чётко разделены зоны ответственности и, следовательно, свободы» [11, с. 170–171].

Нетрудно заметить определённую перекличку идей западных авторов и Р.Л. Лившица. По сути, они настаивают на сильном социальном государстве, которое реально заботится о людях и, более того, заинтересовано не в сохранении статус кво, а в работе на стратегические долгосрочные цели.

Предложения Н. Срничека и А. Уильямса невозможно реализовать у нас в стране в ближайшее время – для этого необходима сильная экономика, необходимы большие вливания и в неё, и в социальную сферу, то есть необходима предварительная работа, выведение страны на уровень, способный к качественному изменению общества. Однако даже если не брать в расчёт абстрактное далёкое введение ББД – укрепление экономики и социальной сферы в рамках участвовавших разговоров о суверените-

те является *жизненно важным* требованием, без которого страна может оказаться на грани развала – общество и так очень неоднородно по отношению к власти, если обратить внимание на гигантские потоки беженцев из страны.

Решение накопившихся проблем во всех сферах общества, преодоление кризисов, в которых мы находимся, возможно только в условиях появления качественной стратегии, учитывающей и потребности государства, и потребности людей. Необходим гуманистический социальный идеал, учитывающий как советские, так и современные наработки – в этом плане можно взять пример с Китая, у которого со стратегией никаких проблем на протяжении последних 40–50 лет нет. Однако проблема состоит не только в отсутствии строгого плана, но и в том, что необходимы люди, которые будут *реально*, а не на бумаге, вести страну к лучшему будущему. И этих людей, судя по провалу «Стратегии 2020», сегодня у нас нет, и виновники провала стратегии даже не обозначены.

Список литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 419–459.
2. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 1–120.
3. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. – М., Strelka Press, 2019. – 336 с.
4. *Грамини А., Лукач Д.* Наука политики. Как управлять народом. – М., Алгоритм, 2017. – 336 с.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 37. С. 393–397.
6. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Том I. (Великие экономисты). – М., Эксмо, 2019. – 1200 с.
7. «Сгорел на работе» – всё больше людей умирает от чрезмерной рабочей нагрузки. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/05/1403052> (дата обращения: 01.10.2022).
8. *Mattick P.* The Economics of Cybernation // *New Politics*. 1962, Vol. 1, №4. Pp. 19–33.
9. *Хайек Ф. А. фон.* Конституция свободы. – М., Новое издательство, 2018. – 528 с.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание соч., 2-е изд., т. 3. М., Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 7–544.
11. *Лившиц, Р. Л.* Советский проект и проблема социального иждивенчества // Новые идеи в философии. 2019, 6 (27). С. 162–173.

***SOCIAL IDEAL OF N. SRNICEK AND
A. WILLIAMS AND ITS RELEVANCE TO RUSSIA***

Dmitriy A. Shevchuk

Perm State University

15, Bukirev St., 614990, Perm, Russia

The proposals for the restructuring of modern Western society put forward by N. Srnicek and A. Williams in the work «Inventing the Future» were analyzed. The main aspects of the socio-economic program of the authors were critically comprehended: full automation, reduction of the working week, the introduction of an universal basic income (UBI), nullification of the work ethic. The author compares the attitude towards the introduction of UBI among the authors of different political views. The possibility of implementing the proposals of N. Srnicek and A. Williams in Russia is being considered.

Key words: social ideal, postcapitalism, automation, labor, work, universal basic income, welfare state, strategic planning.

Научное издание

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

Выпуск 10 (31)

Научный журнал

Подписано в печать 16.11.2022
Дата выхода в свет 21.11.2022
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 8,6
Тираж 50 экз. Заказ № 168

Адрес учредителя и издателя:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Тел. +7 (342)239-64-35

Адрес редакции
«Новые идеи в философии»:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Философско-социологический факультет, кафедра философии
Тел. +7 (342)239-63-92 E-mail: philosophy-psu@mail.ru

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7 (342) 239-66-36 E-mail: unipress@psu.ru

Типография: ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно